

ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК I

КЫЗЫЛ—1953

ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск первый.

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЫЗЫЛ — 1953 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Ш. САТ	Произведения В. И. Ленина и И. В. Сталина на тувинском языке	3.
В. ДУЛОВ	Из истории классовой борьбы и национально-освободительного движения в Туве. (К истории выступления „60 дургун“ в 1883—1885 гг.)	7.
Ю. АРАНЧИН	О древних енисейских кампеписных памятниках на территории Тувинской автономной области	55.
О. САГАН-ООЛ Ю КЮНЗЕГЕП		
А. МАЗУРЕВСКАЯ	Краткий очерк тувинской литературы . . .	59.
А. С. ТОГУЙ-ООЛ	Опыт исследования тувинского стихосложения	
Приложение:	Список произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина, изданных на тувинском языке .	111.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Н. А. Сердобов (ответственный редактор),
Л. В. Гребнев, О. К. Саган-оол, Х. М. Сейбулин.*

Тех. редактор А. Сермакин

Корректор А. Сунцова

ТС02000. Подписано к печати 27 октября 1953 т. Бумага 60×92 1/16.
Объем 7, 1/4 п. л. Тираж 5000 экз. Заказ № 1766. Цена 5 руб. 60 коп.

Типография Управления культуры, г. Кызыл, Щетинкина, 5.

Ш. Ч. С а т

Произведения В. И. ЛЕНИНА и И. В. СТАЛИНА на тувинском языке

В своем гениальном труде „Марксизм и вопросы языкоznания“ Иосиф Виссарионович Сталин дал классическое определение марксизма: „Марксизм есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества“.¹

Сталинское определение марксизма обогащает и развива-ет дальше марксистско-ленинскую науку, раскрывает решающее значение марксизма — могучего оружия коммунистических партий в борьбе за мир и коммунизм.

На XIX съезде нашей партии Г. М. Маленков говорил: „В нашу эпоху великое учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина освещает для всего человечества путь развития мировой цивилизации“.²

Овладение марксистско-ленинской теорией имеет особенно важное значение для нас—строителей коммунистического общества. На XVIII съезде партии И. В. Сталин говорил, что „есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки,—это марксистско-ленинская наука...“³

Издание и изучение трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина имеет огромное практическое значение для коммунистического воспитания широких тру-дящихся масс, для успешного строительства коммунистиче-

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкоznания. Госполитиздат, 1952, стр. 54 — 55.

² Г. М. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии, стр. 98.

³ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. II, стр. 598.

ского общества. Гениальные труды классиков марксизма-ленинизма издаются у нас многомилюционными тиражами на языках всех народов, населяющих великий Советский Союз. Об этом ярко свидетельствуют следующие цифры: в период от Великой Октябрьской социалистической революции до сентября 1952 года произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина вышли в СССР тиражом в 931.536.000 экземпляров, в том числе 742.281.000 экземпляров было издано на русском языке, 156.480.000 экз.—на других языках народов СССР, 32.775.000 экз.—на иностранных языках.¹

* * *

Труды гениального Ленина, ученика и продолжателя дела Ленина — И. В. Сталина начали издаваться на тувинском языке непосредственно после создания в 1930 г. при помощи научных учреждений СССР тувинской национальной письменности. В числе первых книг, вышедших на тувинском языке после создания письменности, мы находим такие книги, как „Башкы Ленин“ („Учитель Ленин“, 1931 г.), „Ленинниң мечәэнинге таварыштыр“ („По поводу смерти Ленина“), „Сталиның чугаалары“ („Речи Сталина“), „Ленинниң намдary“ („Биография Ленина“), „Ленинизмниң үндезиниериниң дугайында“ („Об основах ленинизма“).

Особенно знаменательным событием в идеологической жизни Тулы было издание в 1940 году на тувинском языке „Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс“. Это выдающееся произведение стало настольной книгой тувинских трудящихся.

В последующие годы издание на тувинском языке бессмертных трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина все более и более увеличивается; всего за период с 1931 г. до 1944 года они были изданы тиражом в 52 тысячи экземпляров.

Великим историческим рубежом в жизни тувинского народа было вхождение Тулы в состав Союза Советских Социалистических Республик (октябрь 1944 года). В молодой советской области быстро возрастает издание на родном языке политической литературы и особенно трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина. Это объясняется тем, что при огромной помощи ЦК КПСС и Советского правительства, братских народов Советского Союза в Туве происходил быстрый рост материального благосостояния и идеально-политического уровня трудящихся, а также рост полиграфической базы. С необычайной быстротой росла политическая сознательность трудовых артелей, росла их потребность в трудах вождей, посвященных вопросам колLECTIVизации, социалистического соревнования, интернационализма и многим другим вопросам, имеющим прямое

¹ См. журнал „Советская книга“ №10, 1952, стр. 117.

отношение к их борьбе за социалистические преобразования в экономике и культуре.

За период с 1944 по июль 1953 года труды Ленина — Сталина были изданы на тувинском языке тиражом в 264000 экземпляров, т. е. в 5,1 раза больше, чем за 1931—1943 годы. Таким образом, всего с 1931 г. по июль 1953 года было издано 309 тысяч экземпляров трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина, в том числе на советский период, как уже говорилось, приходится 264 тысячи экз. или 83,5% (от общего количества).¹

За последние годы Тувинским книжным издательством были изданы на тувинском языке произведения В. И. Ленина „Что делать?“, „Две тактики социал-демократии в демократической революции“, „Три источника и три составных части марксизма“, „О задачах союзов молодежи“, „О кооперации“ и произведения И. В. Сталина „Марксизм и национальный вопрос“, „Вопросы ленинизма“, „К вопросам аграрной политики в СССР“, „На хлебном фронте“, „Ответ товарищам колхозникам“, „Головокружение от успехов“ и много других работ.

За годы советской власти в жизни тувинского народа произошли коренные изменения. Более 90% аратских хозяйств вступили в колхозы и стали жить зажиточной, культурной жизнью советских колхозников; тысячи ранее кочевавших аратов, благодаря повседневной помощи Советского государства, перешли на оседлый образ жизни. На полях Тувы в большом количестве работают мощные сельскохозяйственные машины. Успешно развивается промышленность. Все более и более повышается материальный и культурный уровень трудающихся.

В этих коренных изменениях в жизни тувинского народа огромную мобилизующую, направляющую роль сыграли бессмертные труды Ленина — Сталина. Под руководством областной партийной организации во всех районах Тувы развернута повседневная, систематическая политическая учеба среди всех слоев населения.

Исключительно важное значение в деле коммунистического воспитания трудящихся Тулы имело издание таких программных документов коммунизма, как работы И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“, „Экономические проблемы социализма в СССР“, а также издание исторической речи И. В. Сталина на заключительном заседании XIX съезда партии.

Ответственная работа по переводу и изданию на тувинском языке трудов Ленина — Сталина, несмотря на имеющиеся достижения и успехи, должна быть всемерно усиlena. Коренное улучшение качества переводов трудов

¹ См. приложение „Список произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина, изданных на тувинском языке“.

В. И. Ленина и И. В. Сталина, увеличение числа издаваемых работ—все это вопросы большой политической значимости.

С большим удовлетворением следует отметить тот знаменательный факт, что значительное число труяющихся тувинцев активно и любовно изучает русский язык, язык своего старшего брата, язык, на котором говорили и создавали свои гениальные труды В. И. Ленин и И. В. Сталин. Овладение русским языком открывает им возможность в подлиннике изучать гениальные произведения Ленина — Сталина.

Идя по пути, указанному великими вождями В. И. Лениным и И. В. Сталиным, трудящиеся Тувы под руководством Коммунистической партии в братской семье народов Советского Союза беззаветно борются за завершение социалистических преобразований в экономике и культуре, активно участвуют в построении коммунистического общества.

В. И. Дулов,
доктор исторических наук.

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ И НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУВЕ

(К истории выступления „60 дургун“ в 1883—1885 гг.)

До сего времени история национально-освободительного движения и классовой борьбы в Туве изучена еще слабо, многие моменты в этой истории остаются неясными и нуждаются в исследовании. Особенно плохо изучена история классовой борьбы. Уже давно установлено, что общественные отношения у тувинцев до революции носили классовый феодальный характер. „Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми,—писал И. В. Сталин,—составляет основную черту феодального строя“.¹

Злейшие враги тувинского народа: бай-полуфеодалы, ийоны, чайзаны и другие представители патриархально-феодально-родовой знати всегда стремились внушить тувинским аратам мысль об общности интересов всех тувинцев внутри рода и племени. Искусно используя пережитки родового быта, всячески разжигая межродовую и межплеменную вражду и ненависть, тувинские феодалы всеми доступными им средствами стремились заглушить борьбу трудящихся Тузы против классового гнета эксплуататоров. Поэтому задачей историков Тузы является решительное разоблачение буржуазно-националистических взглядов, отрицающих наличие классовой борьбы в тувинском обществе. Задача историков заключается в том, чтобы, ведя непримиримую борьбу против буржуазно-националистических извращений, воссоздать подлинную историю тувинского народа.

Автор настоящей статьи поставил своей целью осветить одно из самых значительных движений тувинцев в XIX столетии—движение, известное в Туве под названием „Вос-

¹ История ВКП(б), стр. 102.

стание 60 богатырей"¹ (Восстание „Алдан маадыр“).² Однако изучение этого восстания весьма осложняется скучностью исторических источников.

Исторические свидетельства об этом вопросе весьма ограничены. Они представлены воспоминаниями аратов—современников восстания или носителями сведений о нем, отдельными официальными документами тувинского и русского происхождения, некоторыми образцами народного творчества, двумя статьями в русской периодической прессе.

Воспоминания о „Восстании Алдан маадыр“ стали записываться двенадцать лет тому назад. Первое такое воспоминание было опубликовано в 1941 году в газете „Шын“. Основная же масса воспоминаний была собрана и записана сотрудниками научных учреждений Тувинской Народной Республики. К сожалению, сотрудники этих учреждений не имели соответствующего исторического образования, разработанной методики и необходимого опыта подобного рода работы и их записи имеют существенные дефекты. Наибольшее количество записей сделано т. т. О. С. Тановым и О. Б. Данзын-оолом. Автору этих строк также удалось записать три рассказа об Алдан маадыр в 1949 году. Записи сделаны от стариков в возрасте 70—85 лет, т. е. от людей, которым в момент восстания было 10—25 лет. Всего таких записей имеется свыше 20. Они были произведены от Ондар Чолбана (прозвище Супуутук)—84 лет, Ооржака Чотпы — 81 г, Ооржака Сыспыкпана 84 лет, Кужугета Доңдука — 79 лет, Сая Севека — 75 лет, Сарыглара Амзарал — 78 лет, женщины Ъймаан — 77 лет, Салчака Сояна Чаш-оола — 83 лет и др. Среди носителей рассказов об Алдан маадыр есть и близкие родственники лиц, которые принимали непосредственное участие в восстании (Адаштай, Монгуш Манай-оол.) В рассказах заключено описание хода выступления Алдан маадыр, отношение к нему населения, жестокость расправы над восстанием. Многие из рассказчиков называют имена участников восстания, которые совершенно неизвестны по документам.

Основным недостатком собранных записей является то, что они сделаны значительно позже описываемых в них событий (самые ранние—через 50 лет), когда в памяти стариков стерлись многие детали и даже важные факты. Поэтому некоторые воспоминания несколько преувеличивают значение и размах выступления аратов, приукрашивают события и т. п. Эти вполне естественные недостатки записей о восстании все же не умаляют их исторического значения для изучения

¹ Опубликованная в ж. „Под знаменем Ленина—Сталина“ (1943 г. № 8), статья т. О. Данзын-оола „Восстание 60 богатырей“ имеет, на наш взгляд, серьезные ошибки методологического и фактического характера.

² Редакция в дальнейшем придерживается этого названия вместо употребляемого автором „Алдан дургун“.

поставленной темы, они позволяют понять внутренний смысл этого выступления и при сопоставлении и критическом к ним отношении разобраться в его причинах, ходе и последствиях. Значение их заключается в том, что в них нашла свое отражение точка зрения народа на события 1883—1885 годов.

Архивных документов о восстании мало. В Тувинском областном архиве хранится отчет амбын-нойона¹ Ользей Очира на монгольском языке; в этом отчете говорится о выступлении „бо беглецов“, его разгроме и награждении тувинских властей за подавление восстания. В русских архивах автору удалось найти несколько отрывочных сведений, несомненно относящихся к описываемым событиям. Эти официальные материалы тувинских и русских властей требуют к себе критического отношения.

Восстание Алдан маадыр нашло свое отражение и в тувинском народном творчестве в виде пародных песен.

Для изучения истории классовой борьбы в Туве, в частности для изучения событий 1883—1885 годов, должны быть критически использованы работы русских путешественников в Туву и западную Монголию, например А. В. Адрианова, Г. Н. Потанина и других.

Этот краткий обзор источников показывает, насколько сложным и трудным является дело восстановления подлинного хода событий, установления характера и правильной оценки выступления Алдан маадыр.

Предлагая вниманию читателя эту статью, автор ее отдает себе ясный отчет в том, что собранные им материалы не являются исчерпывающими, и что только дальнейшие поиски новых источников и критическое, всестороннее изучение поставленной проблемы всем коллективом тувинских историков позволит найти правильное решение вопроса.

I. Тува во второй половине XIX века

В XIX столетии в Туве господствовали феодальные общественные отношения. Однако эти феодальные отношения были отягощены рядом пережитков патриархально-родового строя. К последним относились внутриродовые и внутриплеменные связи, которые особенно ярко выявлялись в экономических связях между частями родов и племен, оторванных друг от друга по каким-либо причинам. Например, взаимоотношения между людьми племени и рода Чооду, одна часть которых жила на р. Типсе, а другая — на р. Эрзине. Известно, что Тулюши, кочевавшие в Шагонаре, снабжали хлебом своих сородичей, кочевавших на Овюре и т. п. В Туве вплоть

¹ Амбын-нойон — правитель девяти тувинских хошунов.

до революции сохранялись такие обычай, как „уджа“, „дугдээр“, „аалдар“ и др. Остатками родового быта были и такие явления, как различные формы внутриродовой взаимопомощи (дук салчыр, момбуш), межродовая и межплеменная вражда, родовые тамги, чыныш—народные собрания, охотничья артель на Тодже и Терехоле и т. п. В общей сложности все эти патриархально-родовые пережитки составляли весьма заметную область социальных отношений, и игнорировать их при описании дореволюционного тувинского общества нельзя. Все эти пережитки общинно-родовых отношений накладывали большой отпечаток на феодальные отношения, органически срослись с ними.

Такая неразрывная связь общинно-родовых пережитков с феодальными отношениями объясняется низким уровнем производства. Главным занятием тувинцев было скотоводство. Все остальные отрасли народного хозяйства носили второстепенный характер и лимитировались скотоводством. Ремесло было развито слабо. Наконец, охота и собирательство своим решающим значением для жизни тувинцев целого ряда районов Тувы еще более подчеркивали отсталость и примитивность тувинской экономики, узость и ограниченность экономического фундамента, на котором осуществлялось воспроизвоство материальной жизни тувинского общества. Вполне естественно, что на таком уровне материального производства родовой быт и его пережитки составляли „самую великолепную и самую широкую основу для эксплуатации“.¹

Следовательно, органическая связь пережитков патриархально-родовых отношений с феодальными придает феодальным отношениям особый характер и выделяет их в особую раннюю стадию развития феодализма, которую товарищ Сталин называет патриархально-феодальными отношениями или полупатриархально-полуфеодальным бытом. И. В. Сталин в своих трудах при характеристике социальных отношений у ряда народов нашей страны неоднократно оперирует этими понятиями. В тезисах к X съезду РКП(б) „Об очередных задачах партии в национальном вопросе“ И. В. Сталин писал: „...Остается около 25 миллионов по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не ушедших дальше первобытных форм полупатриархально-полуфеодального быта (Азербайджан,

¹ Архив Маркса и Энгельса, 1 (VI), стр. 246.

Крым и др.)...¹ И. В. Сталин писал, что одной из задач партии по отношению к трудовым массам этих народностей было „... помочь им ликвидировать пережитки патриархально-феодальных отношений...“² Несомненно, что и в Туве социальные отношения носили полупатриархальный, полуфеодальный или патриархально-феодальный характер, с сохранением у тувинцев основной отрасли хозяйства—скотоводства. Сохранение пережитков патриархально-родового быта не противоречило интересам эксплуататорских групп Тувы. Тувинские нойоны, бай и весь чиновничий аппарат тувинской администрации всеми силами держались за пережитки родового быта, так как эти пережитки удобно для них маскировали эксплуататорский характер общественных отношений Тувы.

В гениальном труле И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“ дается глубокая характеристика сущности феодального производства: „...внекономическое пренуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю“³. И в Туве наличие огромных и не используемых земель отнюзь не означало, что вся земля была всеобщей собственностью. На самом деле она名义ально принадлежала китайскому императору, как завоевателю и повелителю Тувы. Фактически же земля, пастьбы, охотничьи угодия, рыболовные места находились в полном распоряжении феодалов—войонов и чайзанов. Крупный владелец скота, являвшийся к тому же чиновником (тужумет-кижи), имел право распоряжаться земельными угодиями, водами и лесами той территории, правителем которой он был, сам владел лучшими землями для выпаса скота и для пашни. Так, например, лучшие пастьбы на Аянгаты, у Бижигтиг-хая, на Каткылыг принадлежали войону Да-хощуна, прекрасные пастьбы по реке Чадана и ее притокам находились в руках местных феодалов; лучшие охотничьи угодья (тайга Тарган-Даг), богатые рыбные озера Азас и Ушпахоль составляли неприкосновенную собственность тоджинского войона. Рядовым аратам строго воспрещалась охота, рыбная ловля, пастьба скота на землях, используемых войонами, чайзанами. Для пользования аратам выделялись наихудшие земельные и охотничьи угодья.

Опираясь на право собственности на землю и скот, феодалы беспощадно эксплуатировали трудовых аратов. Одной из самых распространенных форм феодальной экс-

¹ И. В. Сталин. Соч., том 5, стр. 25.

² Там же

³ И. В. Сталин. „Экономические проблемы социализма в СССР“. М. 1952, стр. 41.

плуатации у тувинцев была сдача богатыми своего скота бедным на выпас и прокорм („саап ишкен“). Эта форма эксплуатации замечена у многих других скотоводческих народов. У якутов она известна под названием „хасас“, у алтайцев— „полыш“, у хакасов— „сап ис“, у казахов— „саун“, у монголов— „саали“, у бурят— „цаали“ и т. п. „Саап ишкен“ несомненно порождена родовыми формами взаимопомощи. О распространении этого обычая говорят многие свидетельства. Так, например, Адрианов писал: „Так как рогатого скота здесь много, в особенности у богатых, то чтоб прокормить его, существует обычай разлачи скота по несколько голов небогатым людям, которые пользуются молоком, но за то обязаны пасти его, отвечая за каждую потерянную скотину“¹.

Помимо взятия скота на доение, тувинские араты нередко брали у баев скот для работы или езды. Например, араты-тараачины² брали скот для обработки пашни, семена для посева, араты-анчы (охотники) брали у баев ружье или лошадь для охоты. И за это они должны были отрабатывать на бая: или пасти его скот, или отдавать ему часть добытой пушнины, либо уплатить хлебом.

Сдача богатыми скота на доение и прокорм, а также для езды и работы, как уже было выше сказано, вырастала на почве общино-родовых отношений. Богатый отдавал свой скот бедным как бы в помощь, он выступал при этом в качестве „благодетеля“ бедняков; на самом же деле „помощь“ бедняку прикрывала эксплуатацию. По существу „саап ишкен“ и „холезилээр мал бэр“ (сдача скота для работы и охоты) представляли собою феодальные формы эксплуатации, в основном, так называемую отработочную ренту, барщину и частично—натуральную ренту, в тех случаях, когда арат расплачивался с „благодетелем“ за его „помощь“ натурой (продуктами).

Для того, чтобы лучше эксплуатировать арата, тувинские нойоны и бай с помощью маньчжурской администрации прикрепили каждого арата к сумону. Прикрепление арата к сумону, а не к отдельному феодалу не лишает этой меры характера феодального закрепощения. „Феодализм,— писал В. И. Ленин,—основывался на господстве земледельческого быта и натурального хозяйства; источником феодальной эксплуатации китайского крестьянина было прикрепление его к земле в той или иной форме“³. Следовательно, вся масса аратов благодаря такому закреплению их за сумонами стала крепостными, феодально-зависимыми людьми. Араты должны были платить внешним

¹ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г. СПБ 1886, стр. 195.

² Тараачин—арат-скотовод, занимающийся земледелием.

³ В.И. Ленин. Соч., том 18, стр. 146.

захватчикам албан, о чём мы скажем несколько ниже, а своим правителям ундуруг—чрезвычайный налог, часть которого, впрочем, тоже шла в пользу иностранных захватчиков. Помимо этих сборов, представлявших собою своеобразную продуктовую ренту, оброк, тувинские араты исполняли ряд натуральных повинностей: уртельная (дорожная), заключавшаяся в том, что они должны были поставлять лошадей и людей для обслуживания тувинских и китайских чиновников во время поездки их по Туве; кочага и медээ—ограниченная одним годом работа на тувинского нойона (кочага) и работа под видом исполнения аратом служебных обязанностей при администрации или в ламском хуре (медээ). Кроме того, они должны были выполнять и другие, постоянные и временные повинности, например, часть аратов исполняла обязанности „соодал“ (месяц службы у нойона).

Особенно тяжелым было положение тех аратов, которые не имели своего собственного хозяйства, а жили в качестве эштенчи или хулечика (батрака) в юртах богачей. Они работали на бая, пасли его скот, заготовляли дрова, приготовляли пищу и т. п. Своей юрты многие из бедняков не имели, а жили в юрте богача, ночуя, как правило, у порога юрты. Кормили их очень плохо. Тяжела и беспробывная была жизнь такого слуги бая. Нередко таких эштенчи и хулечиков бай кормили только мясом павших животных, так поступал, напр., тувинский богач Аччикай.

Вечно голодные, кое-как прикрывая свое тело отрепьями из старой хозяйственной шубы (тои), в тяжелую для скотовода весеннюю пору эштенчи и хулечик должны были теплом своего тела обогревать слабого, беспомощного ягненка, которого матка выбрасывала прямо на пастбище, в поле; целыми ночами напролет, дрожа от холода, бродил скотовод по пастбищу, подбирая новорожденных ягнят и телят.

Тяжелый, изнурительный труд арата сопровождался побоями и наказаниями со стороны баев. Они били за все: за натертую спину лошади, за пропажу ягненка и т. п. Вот случай, о котором вспоминал в 1942 году 84-х летний арат Чолбан: „Я сам видел, как Болчынмай чангы в пьяном виде избивал своего пастуха Хотенгена, бил по щекам и по телу тальником. Когда он терял сознание, его обливали водой. И когда он опять приходил в сознание, вновь били до потери сознания, так продолжалось целый день. Еще он каленым железом утюжили его по спине, куда также клал горячие угли и зажигал лучинками. Я это сам видел. Поводом для такого избиения послужило то, что Хотенген из скота, который он пас у чангы, самовольно дал одного быка арату для поездки за солью. После возвращения на спине у быка появился нарывчик“. Еще до сего времени у стариков Тузы в памяти дикие сцены избиения и издевательства

баев и чиновников. Палка была одним из самых распространенных средств заставить арата работать на бая. И это понятно. „Клепостническая организация общественного труда,—писал В. И. Ленин,—держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков“.¹ Эти слова В. И. Ленина полностью относятся и к организации феодального производства в Туве.

В то время, как трудящиеся араты изнывали и гибли, трудясь на тувинских богатеев, последние увеличивали свои стада и проводили жизнь в лени и роскоши.

Тувинские чайсаны, нойоны, бай сосредоточили в своих руках основное богатство тувинского народа—скот. Так, правитель Тувы Ользей Очир—самый крупный богач Тувы второй половины XIX века—имел в своем стаде до 4.000 лошадей, 1500 голов крупного рогатого скота и тысячи голов мелкого скота. У другого крупного феодала Тувы, правителя Ойнарского хошуна, было также до 4.000 голов лошадей, до тысячи голов крупного рогатого скота, до 4.000 овец и 200 верблюдов. Помимо скота, крупные бай располагали и другими богатствами. Они получали хлеб от аратов, которых заставляли сеять на себя (эти посевы называли название ноян-тараазы, т. е. пашня нойона, барская запашка), а также имели у себя целый штат охотников, которые добывали им пушину. У них были даже свои ремесленники.

В Туве, кроме светских феодалов, какими являлись нойоны, чанги, чайсаны и др., были феодалы церковные, которые вместе с нойонами составляли правящую и эксплуататорскую верхушку Тувы.

Тувинские ламы и шаманы являлись антинародной, паразитической группой, которая содействовала обману и одурачиванию широких народных масс в интересах нойонов, чиновников и иностранных захватчиков. Высшее ламское духовенство владело большими богатствами. Источником обогащения лам и хуре было монастырское хозяйство (чыза), которое обслуживалось простыми аратами. В чыза Верхне-Чаданского хуре работало 60 аратских хозяйств в качестве медээ, десятки и сотни аратских хозяйств на подобных условиях работали в других хуре Тувы. Львиная доля доходов и сборов монастырских шла в карман высших представителей ламской духовной иерархии. Ламы наряду с ведением монастырского хозяйства также широко занимались торговыми операциями, самым бесстыдным образом обирая при этом аратов.

Власть тувинского чиновника была исключительно деспотичной. Произволу и насилию тувинских феодальных правителей не было границ. В третьей четверти XIX века

¹ В. И. Ленин. Соч., том 29, стр. 387.

выделялись своей жестокостью два чиновника-феодала: Базыра — правитель Да-хощуна и ондарский сумонный чанги — Сенге. Базыра был известен своей свирепостью, лихомством и произволом. О нем говорили не иначе, как „дошкун даа“ (жестокий нойон). Ненависть к Базыра, как к жестокому правителью была ничем не меньше, чем к другому чиновнику — Сенге. Другие феодалы и чиновники мало чем отличались от них, но последние особенно выделялись своим произволом и самодурством.

Товарищ Танов О. С. записал от старика Шевер-оола следующие слова старой песни: „Базыр угэр-даа чагыртпас бис, Барлык шөлүн баспас бис. Сенгин чангса чагыртпас бис, Чечектигни баспас бис“. В переводе: „Не будем слушаться угэр-даа Базыра, не будем ходить на степи Барлыка; не будем слушаться Сенгин чанги, не будем ходить на Чечектиг“ (название местности, где находилась ставка Сенге; чечектиг — имеющий цветы).

Сенге — садист, насильник, конокрад, пьяница — возбуждал к себе ненависть подвластных людей. В сумоне Ондар, даргой которого он являлся, трудно было сыскать арата, не избитого лично сумонным правителем. Даже сейчас, когда после смерти Сенге чанги прошло больше полувека, наши собеседники, старики-араты, очевидцы его зверств, не могли спокойно рассказывать о похождениях Сенге.

От увесистых кулаков Сенге и Базыра не удавалось увернуться и мелким чиновникам. Базыра, например, жестоко, избил и лишил звания чиновника Дажима, впоследствии одного из руководителей Алдын маадыр. У чанги Сенге было в обычай бить кунду и других более мелких чиновников. Характерна такая деталь: „Юрта Сенге чанги стояла у дороги в местности Арыг-Узу на реке Ашкын. Арата, боясь его зверств, сворачивали и объезжали опасное место“.¹

Тувинские бай и высшее ламство были агентами иностранных захватчиков, они являлись верной социальной опорой китайских феодалов в Туве.

С 1757 года Тува стала колонией китайской феодальной империи, созданной маньчжурскими завоевателями. Имперской династии легло тяжелым бременем на плечи тувинского народа. Завоеватели сохранили в неприкосновенности те социальные отношения, которые в ней существовали; они приспособили эти институты для своих грабительских целей. Тувинцам было строго запрещено общаться с другими народами китайской империи. Изолированные в верхне-енисейской котловине за каменными хребтами Танну-Ола и Саян, тувинские роды и племена прозябали в тех же экономических,

¹ О. Даңзын-оол. Восстание 60 богатырей. Под знаменем Ленина—Сталина, 1943, №6, стр. 72.

социальных, культурных и бытовых условиях, в каких их застал завоеватель.

Во главе значительной части Тувы был поставлен один из родовых правителей тувинцев, получивший звание амбын-нойона, во главе 'отдельных хошунов стали угер-даа или даа-найоны, во главе сумонов—чанги и т. п. Всей местной родовой знати были предоставлены самые неограниченные права в управлении народом. Сами маньчжурские захватчики редко появлялись в Туве, ибо продажная тувинская патриархально феодальная верхушка верно обеспечивала им выполнение многочисленных повинностей тувинских аратов.

Для укрепления господства нойонов и чайсанов, маньчжурские завоеватели распространяли на Туву свое феодальное законодательство, по которому жизнь рядового арата ставилась ни во что. Чего стоят узаконенные ими жестокие пытки: битье по лицу кожей, заковывание людей в колодки, всыпание в глаза мелко изрубленного волоса, отмораживание рук, подвешивание за руки и за ноги над костром и т. п. Они творили надругательство над личностью и достоинством тувинского арата, они лишили его всяких человеческих прав.

Цинская династия таким образом культивировала на своих окраинах, в том числе и в Туве, патриархально-феодальный гнет, самые отсталые формы социальных отношений с целью, чтобы удобнее было грабить подвластные ему народы, чтобы держать эти народы в рабстве и невежестве.

Маньчжурские захватчики после завоевания, по образному выражению Р. М. Кабо, превратили Туву в свой охотничий заповедник. Тува должна была поставлять завоевателям пушину в виде албана. Албан тувинцы платили соболями, рысями, лисицами, белками и др. Тяжесть этого албанного обложения из года в год увеличивалась, так как пушной зверь постепенно выбивался, цены на него росли, основная масса тувинцев, занимавшаяся не охотой, а скотоводством, должна была переплачивать за пушину на рынке. Помимо албана, тувинцы обязаны были платить феодалам ундюрг, который обходился им также дорого. Албан и поборы чиновников приводили тувинцев в полное разорение. Только в албан и ундюрг отходило более одной трети всех доходов тувинцев.

Албан пушниной вносился тувинцами до 1912 г., и это самым непосредственным образом задерживало рост тувинского производства. То обстоятельство, что китайское правительство вплоть до 1912 года выкачивало ренту в виде пушкины, служило важной причиной вековой отсталости в развитии производительных сил страны, ибо рента в продуктах, писал К. Маркс, как „нельзя более пригодна для того, что-

бы послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, напр., в Азии".¹

В конце 70-х и начале 80-х годов русские и китайские чиновники проводили ряд съездов на территории Тувы для урегулирования спорных вопросов. Приезжавшие на эти съезды китайские чиновники самым немилосердным образом обирали тувинских аратов. Они не только использовали свои наезды в Туву для самой деятельной и барышнической торговли с тувинцами, но, пользуясь своими правами, насилием отбирали у них скот, пушину, доводя своими поборами до разорения целые сумоны. Так, например, приезд двух китайских чиновников Фу-хуя и Сун-лу в 1878 г. для разбора одного из конфликтов между российскими купцами и тувинцами сделал сотни тувинцев нищими.²

О тяжести маньчжурского ига сложено много народных песен. В одной из этих песен поется:

Под грунтым выюком на хребте Савына
Выбились из сил кови-волы,
Как появились чанчын-чургены,
Два хошуна изнурились в неволе.³

Задавленный албаном, поборами в пользу китайского правительства и китайских чиновников, на каждом шагу униженный ими, тувинский арат питал ненависть к чужеземным захватчикам.

* * *

Маньчжурские захватчики, завоевав тувинские племена, отдали часть их в собственность монгольским ханам, которые содействовали им в порабощении Тувы. Таким путем в руках монгольских князей оказалась почти третья всего тувинского населения. Монгольским князьям принадлежали наиболее населенные части Тувы. В крепостной зависимости от монгольских князей были Бейсэ, Маады и Чооду хошуны, Шалык и Сортул сумоны. Бейсэ хошун, состоявший из 17 сумонов, принадлежал крупнейшему монгольскому князю Саин-шойковского аймака.

Сами монгольские князья не жили в пределах Тувы, они кочевали в Монголии, а для управления своими крепостными в Туве отправляли туда ежегодно своих чиновников. Они должны были управлять тувинцами, собирать с них оброки в пользу князей и т. п. По имеющимся в нашем распоряжении материалам, тувинцы Бейсэ-хошуна должны были пла-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, 1949 г. стр. 819,

² Гос. Архив Иркутской обл. (ГАИО) ф. 24, д. 115, св. 2638, л. 44.

³ ПЗЛС, 1 43, № 6, стр. 73.

тить своему монгольскому владетелю ежегодно около 300 рысей, по несколько сот волков и лисиц (в 1913 г. хошун выслал князю 306 рысей и 11.500 белок)¹ а, кроме того, через каждые три года должен был высылать 400 голов крупного рогатого скота и 800 голов мелкого скота². Сортум сумон должен был платить князьям ежегодно по 500 белок, а через каждые три года доставлять от 10 до 25 сыков-трехлеток, а Шалык сумон — по 50 лисиц ежегодно и через три года по 50 быков.³ Помимо оброка натурой, крепостные монгольских князей должны были посыпать в Монголию из Тувы определенное количество лиц для отбывания своеобразной барщины в хозяйстве князей. Работа на барщине была изнурительной и тяжелой. Нередко араты бежали от невыносимых побоев и тяжелой жизни из Монголии, но их ловили и вновь принуждали работать. Помимо основного оброка, тувинские крепостные араты должны были давать подарки („белек“) назначенному чиновнику. Чиновники беспощадно обирали аратов, они изымали у них все, что им нравилось. Оброки монгольским князьям, поборы и взятки их управителей до конца разоряли тувинских аратов. Хошуны, принадлежавшие монгольским князьям, были самыми бедными в Туве.

Монгольские чиновники не только обирали тувинских аратов, но они издевались, насильничали и своевольничали над ними. Порядок управления княжескими хошунами и сумонами был иной, чем в других районах Тувы. Монгольские князья сохраняли в своих сумонах и хошунах тувинских правителей — чайсанов, которые стояли во главе сумонов. Тувинские чайсаны являлись верными слугами монгольских князей, они стремились во всем им подражать.

Монгольские князья выступали в Туве не только в качестве феодальных владельцев, но и в качестве вспешних врагов тувинских трудящихся, и это приводило к сложному переплету социального и национального угнетения тувинцев, а так как сами монгольские князья являлись подданными феодального Китая, то в целом тувинские крепостные монгольских князей являлись людьми, угнетенными социальным и двойным национальным гнетом.

* * *

Выше уже говорилось о том, что, завоевав Туву, маньчжурские захватчики стремились изолировать ее от остальных своих колоний; тувинцам был совершенно запрещен переход границ. Но китайские феодалы не могли изолиро-

¹ Гос. архив Иркутск. обл., ф. 25, оп. 13, д. 17, л. 28.

² Гос. архив Томской обл. с. ф-р 26, д. 5, л. 4.

³ ГАИО, ф. 25, оп. 13, д. 17, л. 28

вать Туву от России. С давних пор началось общение тувинцев с русскими. Собственно отношения между тувинцами и их ближайшими одноплеменцами (тофаларами, тубаларами и др.) поддерживались тувинцами с незапамятных времен. С приходом на юг Сибири русских стали устанавливаться связи тувинцев с русскими. Тувинская феодальная аристократия всячески мешала развитию этих отношений. Торговый обмен между тувинцами и пограничным русским населением, в частности русскими пограничными казаками, велся на протяжении всего XVIII и первой половины XIX столетия. Этот обмен был выгоден для той и другой стороны. Однако в 60-х годах XIX столетия после подписания торгового договора между Россией и Китаем, по которому русскому торговому капиталу был открыт доступ в пограничные китайские районы, в Туве появляются крупные русские купцы, которые, пользуясь покровительством тувинских феодалов-чиновников, быстро основываются в крае. К 80 годам торговля русских купцов в Туве приняла довольно большие размеры. Русские купцы Сафьяновы, Бяковы, Медведевы, Веселковы и др. завели здесь свои фактории.

Торговля русских купцов в Туве имела хищнический характер, она нисколько в этом отношении не отличалась от той торговли, которую вели с тувинцами китайские и монгольские купцы. Русские купцы, используя кредит, обман и другие способы, получали огромные барыши: так, например, за иголку, два-три кремня русские купцы брали с тувинцев барана,¹ китайские купцы обменивали трубку, стоящую полтора рубля, за быка в 30 рублей.² Ростовщичество и кредит позволяли им закабалить сотни и тысячи аратов, превращать их в своих неоплатных должников-работников, а тувинских ивойонов и баев в своих агентов по обиранию аратов. В результате такой деятельности купцов производительные силы Тувы разрумались, основное богатство тувинцев из рук аратов переходило в руки купцов.

Говоря о ростовщической деятельности русских купцов в Туве, мы вместе с тем обязаны указать на то, что торговля купцов в Туве имела и свое положительное значение, которое заключалось в том, что торговый капитал уничтожал местную замкнутость и ограниченность тувинской экономики и втягивал ее в экономические связи с Россией.

В Туве, как и в других странах при феодализме, товарное производство "...несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму".³

¹ „Енисей“, 1895, № 5, стр. 73.

² „Восточное обозрение“ 1882 № 521

³ И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР "М.", 1952. стр. 15

Развитию капиталистических отношений в Туве способствовала возникавшая в Туве русская золотопромышленность. Русская золотопромышленность появилась здесь в 30-х годах XIX века, а в 1896 году уже действовало 11 приисков с несколькими сотнями рабочих из русских и частично из тувинцев.

Развитие русской золотопромышленности в тувинских пограничных районах имело свое прогрессивное значение в развитии производительных сил Тувы. Наемный труд тувинцев впервые возник в золотой промышленности, а появление его означало зарождение капиталистических отношений в крае.

Содействовал развитию производства и другой вид русского предпринимательства в Туве. Речь идет о промысловой деятельности в Засаянье русских крестьян. Еще в первой половине XIX столетия отдельные русские крестьяне одиночками и группами стали ездить в верховья Енисея для рыбного и охотниччьего промысла, здесь на рыбной ловле и охоте они сталкивались с тувинцами и устанавливали с ними дружественные отношения. И если к этому прибавить и поездки тувинцев в русские пограничные районы для промысла зверя, обмена своих продуктов на русские изделия, то мы можем отметить весьма важный для той и другой стороны процесс установления экономических связей, которые противостояли разрушительной деятельности купцов в Туве.

Исключительно важное значение для исторических судеб Тувы имела русская крестьянская колонизация Тувы, но она развертывается в конце XIX столетия, т. е. изложение ее истории и выяснение ее исторического значения уже выходит за хронологические рамки настоящей работы.

II. Стихийная классовая борьба в Туве в XIX веке и ее особенности

Классовая борьба является движущей силой исторического процесса в классовом обществе, его основным содержанием. Естественно, что этот закон стал действовать и в тувинском обществе, как только в нем возникли и развились классовые отношения и классовые противоречия.

В условиях господства скотоводства в хозяйстве Тувы, наряду с борьбой за землю, за пастбища, борьба за скот имела очень большое значение в классовых столкновениях между угнетенными и угнетателями.

Однако ограничить классовую борьбу только борьбой вокруг земель и скота нельзя. При внеэкономическом принуждении, при наличии власти в руках феодалов борьба была направлена и против закрепощения аратов, против насилия и притеснений тувинских чиновников и т. д.

Мы уже говорили, что одним из важных социальных условий господства тувинских феодалов было наделение их политическими и административными правами внешними захватчиками — китайскими феодалами. Поэтому, естественно, что классовая борьба аратов против феодалов — агентов иностранных захватчиков, сочеталась с их борьбой за освобождение от колониального угнетения Тузы феодальным Китаем.

Борьба аратов с их многочисленными угнетателями выражалась в различных формах: в форме захвата для скота настбищ нойона, бегства из сумона, арбана, в неуплате албана, уклонения от выполнения уртальной и других повинностей, в убийстве наиболее ненавистных феодалов, баев и чиновников, в поджоге юрт-канцелярий и т. д. Эти формы борьбы принимали иногда массовый характер, доходивший до вооруженного сопротивления отдельных групп аратов вооруженным силам своих феодалов.

Тувинские араты часто угоняли скот у своего феодала. Трудовые араты считали, что „бедняк, самовольно захвативший в таком случае скот богача для утоления голода, считается правым даже в случае поимки споличными”¹.

Угон скота особенно учащался во время голода, во времена массового падежа скота от заразных болезней или джута.

Захват скота у феодалов аратами производился в одиночку и группами (аалами). Редко, но практиковались и массовые угоны скота. Очень широко использовали эту форму борьбы против крупных скотовладельцев араты, ставшие дургунами (беглецами). Захватывая у феодалов скот, дургуны часть его раздавали бедным аратам, а другую часть уводили в тайгу, где им питались сами.

Баи и чиновники, в целях лучшего сохранения своего скота, добивались от властей утверждения своих собственных тамг, которые можно было бы отличить от родовых тамг. Тувинская феодальная администрация вела беспощадную борьбу против угона скота внутри Тузы, не возражая, а, наоборот, являясь инициатором воровства скота за пределами Тузы.

Захват скота был одним из решающих моментов в массовом народном движении, направленном против феодалов, как своих собственных, так и иностранных. Это мы наблюдаем также во время восстания Алдан маадыр в 1883—1885 годах. Более массовый характер носил захват скота у крупных скотовладельцев иностранного происхождения в период изгнания китайских торговцев из Тузы в 1912 г. В этом случае скотоугон был средством борьбы тувинских аратов про-

¹ Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900, стр. 77.

тив китайских и российских торговых фирм и заведений. Это обстоятельство отмечается всеми, писавшими о Туве. Многочисленные жалобы на скотоугон мы находим в архивах.¹ Угон скота у российских и китайских торговцев принимал массовый характер, то утихая, то усиливаясь, являясь по своему существу формой борьбы против грабежа и насилия ростовщиков и купцов, т. е. против эксплуататоров не тувинского происхождения.

Борьба за освобождение от феодальной зависимости находила свое выражение также в дургунстве, как первичной и самой пассивной форме протеста аратов против феодального гнета. Все араты были прикреплены к сумонам и арбанам. Эта мера, носившая феодальный характер, вызывала протест аратов в виде самовольного ухода из сумона, арбана или бегства за границу.² Бывали случаи ухода от своих нойонов эштеничилеров, хулечиков и других зависимых людей феодала.

Часть убегавших поселялась в степи, горах или тайге. Такие одиночки-дургуны представляли серьезную опасность для их врагов нойонов и баев. Известны случаи, когда они объединялись и действовали группами.

В народе хорошо известны имена дургунов Сарыг-Самдана и Ерен-хоо, которые ушли в горы и оттуда совершили набеги на караваны купцов и юрты феодалов, отнимали у них товары, скот и раздавали его, как рассказывают старики-араты, беднякам. В течение нескольких лет Сарыг-Самдан и Ерен-хоо были неуловимы. Сведения об их деятельности скучны. Хорошо известно аратам также имя дургуна Ширинена из Салчакского хошуна. По рассказам аратов, Ширинен (или Ширвен) был сыном арата Топчука, жил он в местности Кок-Тея, в районе Хем-бельдира (в районе современного Кызыла). Салчак Ширинен был кадарчы (пастухом) Салчакского хошунного пойона, но однажды, видимо от голода, заколол без разрешения его овцу, и, боясь ответственности, бежал из своего хошуна в район Шагонара, где встретился с другим дургуном Сарыг-оолом, и они вместе в течение двух лет отказывались подчиняться властям. Пря-

¹ См. ГАИО, ф. 24, св. 2638. д. 12!; ф. 25, оп. 13, св. 8, д. 106; ф. 25, оп. 10, св. 19, л. 536.

² Фактов такого перехода русской границы можно привести много. Н. Ф. Катанов, например, сообщает, что осенью 1889 г. в с. Солонцы (ял левом берегу р. Уды) гриши три семьи тувинцев, которые на родивше лишились всех своих оленей. (Поездка к карагасам в 1890 г. Н. Ф. Катанов Зап. РГО по отд. этнографии, т. 17, вып. 2, Слб, 1891, стр. 196). Некоторые из тувинцев, выехавшие из-за Саян в Сибирь, довольно быстро перенимали русский костюм, обычай и т. п., о чем свидетельствует тот же Катанов (там же, стр. 190).

часть в горах, они, по рассказам аратов (Семис Кадая, Сарыг-оола и др.)¹, совершали набеги на нойонов и баев и отгоняли у них скот, который раздавали беднякам и питались им сами. Преследуемый отрядом цирков, направленным против него властями, Ширинен бежал на р. Кемчик и здесь был убит в перестрелке.

В районе р. р. Хенделена и Ак—притоков Кемчика долгое время действовал дургун Мунгадай, который скрылся из своего сумона в пещеры и обосновался в них. Эти пещеры вследствие получили название Мунгадаевских. Подвиги Мунгадая вызывали страх и смятение среди баев, чиновников и, чтобы с ним справиться, чиновники подослали к Мунгадаю убийцу. О действиях другого дургуна Карап-Чоода говорит предание о горе, на которой скрывался дургун от властей. Таких дургунов в Туве было много. Многие лургуны выступали в качестве народных мстителей, борцов за интересы народа. Они наказывали наиболее жестоких сумонных и хошунных чиновников, феодалов, отнимали у них скот и раздавали его населению. В этом случае само население очень часто поддерживало таких смельчаков-дургунов, снабжая их продуктами, осведомляло о мерах, принимаемых против них властями, укрывало их от карателей и даже освобождало их из заключения, когда они в него попадали. В своих действиях дургуны нередко опирались на поддержку местного населения.

Вот что писал Адрианов о тувинце по имени Боданчик, проживавшем на Чая-Холе: „Он не признает властей, которых множество раз оскорблял в глаза, его ловили эти власти и забивали в колодки; но партия приверженцев Боданчика (подчеркнуто вами—В. Д.) освобождала его своей силой и властью, так что с тех пор уже не только местные чиновники, а и приезжающие сюда временно по поручению Дзянь-Дзюния (Улису-тайского генерала-губернатора—В.Д.) не осмеливаются наказать наглеца, Боданчик не ворует скот, но постоянно его грабит, т. е. является к русскому купцу со свитой, пьяный, днем, и, выбрав лучшего быка, отлучает его и гонит домой”².

Факт, сообщаемый Адриановым, весьма примечателен. Боданчик, как мы видим, опирался на поддержку значительной группы лиц и с ним не могли справиться не только местные чиновники, но даже чиновники китайского губернатора. Достойно внимания и то, что Боданчик не просто воровал скот вместе с приверженцами, а угнал его, т. е. экспроприировал совершенно открыто. Адрианов указывает на то,

¹ Тувинск. НИИЯЛИ. Ф. рукописей сектора истории. Материалы о восстании Алдан маадыр, стр. 56, 61 и др. В дальнейшем цит. Тув. НИИЯЛИ. Материалы об а. м.

² Адрианов. — Ук. соч. стр. 225.

что угон скота Боданчиком производился только у русских купцов. Адрианова интересовало именно это обстоятельство. Не может быть сомнения в том, что Боданчик также поступал и с тувинскими феодалами-скотовладельцами.

В деятельности дургунов Боданчика, Мунгадая, Сарыг-Самдана и других много общего с социальным протестом якутов, выражавшимся в выступлении Василия Манчары.¹ Так же, как Манчары, Боданчик, Мунгадай, Ширинен и др. араты-дургунчи действовали активно против своих угнетателей в одиночку, но опирались на поддержку многих своих сообщников из среды трудящегося аратства. Подобно ему, они совершали налеты на богатых тувинских скотовладельцев, уводили их скот и передавали его бедноте. В Туве бывали случаи, правда сравнительно редкие, объединения в более или менее значительные группы. Появление таких групп в горах мы знаем и у других народов Китайской империи, в частности у дунган. В одном указе императорского правительства от 5 июня 1876 г. мы читаем: „Земли в районе Бэйшаня пустыны, населения мало. Бежавшие солдаты, бандиты, покоренные массы, бродячее население живут в горах, часто связываются с внешними (посторонними) бандитами и, пользуясь случаем, занимаются грабежами“.² В этом районе, как пишет историк Китая, из работы которого приведена эта цитата, „население находилось в тяжелом положении, голодающее крестьянство создавало отряды так называемых туфесв-бродяг, вынужденных па почве голода заниматься грабежами“.³ Между китайскими, точнее дунганскими туфелями и тувинскими дургунами имеется много общего. Цургунство, без сомнения, выросло на социальной почве, оно выражало собой самые зачаточные, самые незрелые формы классовой борьбы, при которой участники ее не отдавали себе ясного отчета о характере и изменивании этой борьбы. И эта стихийная борьба отдельных смельчаков не проходила бесследно. Массы выражали этим одиночкам-борцам сочувствие и всем, чем можно, поддерживали их. Их имена сохранялись в народной памяти, о них народ складывал песни, предания и сказания.

Одним из обычных способов сопротивления трудящихся масс эксплуататорам является неуплата налогов, уклонение от исполнения повинностей в пользу феодалов, от уплаты албана, от уртальной гоньбы, от исполнения обязанностей

¹ Ионова. Василий Манчары. Якутск, 1946. стр. 64.

² Ду и ми и. Новая история Китая. Курс лекций на историческом факультете Ленинградского университета. Ленинград. 1938 г., ч. V стр. 37.

³ Там же, стр. 37.

медээ, соодал. Особяко часто убегали араты из Монголии, куда они вызывались на барщину.

Неповиновение властям было также довольно обычным явлением; для характеристики этого явления приведу следующее распоряжение о поимке арата Таса, данное из главного управления (печати): „Бижээчи Бодугу. Чанги Середира сообщает, что житель его сума арат Тас неоднократно вызывался по лично его касающемуся делу к чапге и не являлся. Вообще Тас по его поведению представляет собою человека, не признающего и не подчиняющегося местной своей власти. С прибытием дарги к Вам с данным распоряжением мобилизуйте в помощь живущих по близости с Вами Кара-Урга Шойза дарга Кенсейшней¹ и поезжайте к Тас. Внезапно схватив его, под крепкой охраной направьте к нам в ставку“.²

Столкновения аратов с феодалами протекали и в таком виде. Ондарский чанги Сенге, жестокий притеснитель и самодур, по рассказам аратов, жестоко избивал своих подданных, в том числе и арата-охотника Чыртак-оола. Долго терпел эти побои Чыртак-оол, но однажды, встретившись с Сенге на охоте по р. Аки, пользовался тем, что он имел малочисленную свиту, напал на него со своими товарищами по артели. Он приблизился к ничего не подозревавшему чанге, резким движением руки стащил его с лошади и хотел его зарезать. Испуганный Сенге стал умоляюще умолять охотника пощадить его и оставить ему жизнь, и тот его пощадил. Как показывают те же источники, Сенге после этого случая не трогал Чыртак-оола и осторожился встречаться с ним в уединенных местах.³

Сенге в данном случае купил себе жизнь сравнительно легко, но умер он все же неестественной смертью. Доведенные до крайности его произволом араты, в конце концов, покончили с ним. Однажды Сенге приехал на свадьбу. Прогуляв весь день, он лег спать в специально подготовленной для него юрте и больше не проснулся. Утром его нашли мертвым с ножом в боку.⁴

Случалось, что араты жгли юрты своих чиновников. Например, тоджинские тувинцы дважды сжигали юрту ненавистного им хошунного правителя Чамзырина.

Сопротивление тувинских аратов своим феодалам выражалось и в других формах. Например, араты-охотники не отдавали полностью, пушину, тайно от бая продавали рога марала.

¹ В подлиннике *неразборчиво*.

² Тув. НИИЯЛИ. Сектор истории, рук. папка № 5, л. 82.

³ Тув. НИИЯЛИ. Материалы об. а. и. стр. 54, 67—68. Воспоминания Ондар Имбу, Ооржак Ажака к другим.

⁴ Тув. НИИЯЛИ. Материалы об. а. и., стр. 14.

III. Классовая борьба и освободительное движение тувинцев во второй половине XIX века

История Тувы XIX века знает массовые вооруженные выступления аратов против своих внутренних и внешних врагов. О восстании 1822 года глухо упоминают некоторые тувинские источники. Указывают они и на другие выступления, но, к сожалению, мы не имеем никаких сведений о ходе и характере этих выступлений. Может быть, это были восстания тувинцев против китайских и монгольских захватчиков, а может быть они носили чисто внутренний характер, и были направлены против своих собственных властей. В условиях Тувы борьба против внешних врагов тесно переплеталась с борьбой против своих собственных пойонов и чиновников, которые являлись верной социальной опорой чужеземных властителей. Это обстоятельство должно постоянно учитываться историком.

Особого напряжения борьба тувинских трудящихся против своих внутренних и внешних врагов достигает во второй половине XIX столетия, точнее в 70—80-х годах, когда она выливается в попытку вооруженного сопротивления тувинских аратов своим пойонам и чиновникам. Эти народные выступления в Туве находятся в связи с национально-освободительным движением, которое происходило в XIX веке как в России, так и в Китайской империи, чьей отдаленной северной окраиной считалась Тува. У нас нет никаких фактов, говорящих о непосредственном влиянии этих движений на тувинские события 70—80 годов, но такая связь и влияние народного и освободительного движения в этих странах на Туву должны быть.

В середине XIX века народы почти половины Азии, подвластной Цинской династии, стихийно примкнули к освободительной борьбе. Самым крупным восстанием не китайских народностей этого периода было восстание дунган и других народностей Джунгарии и Кашгарии.

Самым ближайшим районом к Туве, где действовали повстанцы, был Улясутайский район. Восставшие заняли Улясутай¹, явившийся центром генерал-губернаторства, в состав которого входила Тува. Восставшие весьма активно действовали на территории Монголии. О характере движения, в которое были втянуты и монголы, можно судить по сообщению в Петербург генерал-губернатора Восточной Сибири Корсакова, который телеграфировал: „Китайские инсургенты

¹ Улясутай был взят 1 ноября 1870 г. См. ЦГВИАМ, ф. 400, св. 542. л. 124.

татары вторглись в Халху, идут к Урге в числе четырех тысяч. Общий панический страх"¹. Донесение русского консула в Монголии содержит следующую характеристику действия восставших: „Нападения свои они преимущественно производят на кумирни, ламские монастыри и стойбища князей и богатых монголов“.²

Это донесение не оставляет сомнения в том, что движение внесло антифеодальный и национально-освободительный характер. Понятно, что это движение, которое частично захватило и монголов, не могло не возбуждать тувинцев.

Крестьянские войны и национально-освободительное движение в Китае, несомненно, ослабляли власть китайских феодалов, их правительства и авторитет последнего в его колониях. Это создавало благоприятную обстановку для борьбы тувинских аратов против внутренних и внешних врагов.

Обострение классовой борьбы и усиление национально-освободительного движения в Туве в 70—80 годах XIX века было связано с ухудшением положения широких масс аратов.

В 70-х годах скот в большом количестве погибал от бескорьи — джута и массовых эпизоотий. И в этот период, когда страна стала объектом торгово-ростовщической эксплуатации и систематического ограбления ее китайскими феодалами и чиновниками, стихийные бедствия стали социальным явлением, получили ярко выраженное значение социального бедствия. Массовые падежи скота уменьшили материальную базу тувинского арата в то время, как албан, ундюруг, поборы, обиравтельство аратов иноzemными купцами не уменьшались, а, наоборот, все время увеличивались. Сокращение поголовья скота привело к голоду. Еще в 1877 году газета „Сибирь“ писала, что тувинцы „...быстро беднеют, торговля наша не развивается, а падает“.³ К началу 80-х годов положение аратов ухудшилось. В 1885 году „Сибирская газета“ сообщала: положение тувинцев „...крайне бедственное — голод заставляет их тесниться на русских промыслах и питаться там чем попало. Падеж скота усилился“.⁴

Доведенные до крайнего отчаяния тувинские араты стихийно стали на путь сопротивления своим угнетателям. Они также, как и русские крестьяне „...поднялись несознательно, просто потому, что им стало невтерпеж, что они не хотели умирать бессловесно и без сопротивления“.⁵

¹ ЦГВИАМ, ф. 400, св. 542, л. 1/об.

² Там же. л. 42.

³ „Сибирь“ 1877, № 18

⁴ „Сибирская газета“, 1885, № 15

⁵ В. И. Ленин. Соч., том 6, стр. 386.

Выступления 1876—1878 годов

В движении тувинцев 70—80 годов XIX века резко выделяются выступления 1876—1878 гг. и восстание Алдан маадыр (60 богатырей) 1883—1885 гг.

Все указанных хронологических рамок остается восстание на р. Барлык. Сведения о восстании на Барлыке сообщали в своих воспоминаниях араты. Время выступления барлыкцев точно неизвестно, а так как араты говорят, что оно произошло незадолго до восстания Алдан маадыр, и, так как в наших архивных материалах нет никаких указаний на восстание в Барлыке в период 1876—1878 гг., то можно думать, что восстание на р. Барлык произошло в начале 70-х годов. Скудные показания аратов говорят о том, что центром сопротивления аратов на р. Барлык была местность Чолдак-Шира-Булак, где сосредоточилось несколько десятков аратов, откававшихся повиноваться своему начальству. Один из аратов рассказывает: „Их было 30 мужчин и женщин. Мой отец пешком пошел присоединиться к ним. Они были подавлены. Мой отец тоже был пойман. Моему отцу дали 100 ударов, как недавно примкнувшему. У двух руководителей барлыкцев отморозили по одной ноге и по одной руке. Я сам видел.“¹ 63-летний Суря видел одного из этих руководителей, Сая Шопулдая, у которого была отморожена одна рука и нога.²

Восстание на р. Барлык произвело сильное впечатление на массу тувинских аратов.³

Для изучения народных выступлений 1876—1878 гг. мы имеем возможность привлечь материалы Иркутского архива. Непосредственными свидетелями этих событий были минусинский исправник Осташкин, находившийся в 1876 г. в Туве и Сафьянов Г. П., имевший возможность наблюдать их или пользоваться сведениями о них из первых рук. Об этих событиях пишет также Адрианов.

Непосредственным поводом для выступления тувинцев в 1876 г. на р. Кемчик послужило назначение на пост правителя Даа-хошуна сумонного чанги Хомушку Базыра. Такое назначение шло в разрез с установившейся традицией управления этим хошуном родовыми правителями самого многочисленного в хошуне рода Монгуш. Все русские источники считают нарушение родового обычая главной причиной „внутренних неурядиц“ у тувинцев.

В отчете Осташкина мы читаем: „В то же время произошло довольно важное событие между самими уряхами на Джакуле. Умер ухерида Даа-хошуна по имени Базыя из пле-

¹ Тув. НИИЯЛИ. Материалы об а. м.

² Там же.

³ О. Даизын-оол. ПЗЛС, 1943, 6, стр. 70

мени Монгуш, у которого остался сын 2-х лет, по малолетству не имеющий права вступать в звание ухериды без опекуна, коим мог быть ближайший родственник покойного, брат Колбацай Гилун (вероятно, гелун—монашеский чан—В. Д.), но улусутайский цаян-цюн, вопреки обычаям урянхов, избрал в ухериды человека совершенно из другого племени, по имени Бацзыра, чем крайне возмущены родственники покойного Базыя, отказавшиеся от повиновения ухериде Бацзыру, называя его не иначе, как Бацзар чжанга¹ (т. е. подчеркивая его прежний титул).

Примерно также изображает события и Адрианов. История Тувы знает ряд фактов, когда борьба за родовые права принимала очень острые формы, и это находит свое объяснение в социально-экономических условиях Тувы, где в значительной степени сохранился патриархально-родовой быт. Однако, особенностью социального строя Тувы являлось то, что этот патриархально-родовой быт самым тесным образом сплетался с феодальными отношениями. В этих условиях борьба за родовые права очень часто служила прикрытием борьбы против феодального порядка. На самом деле вновь назначенный угэр-даа Даа-хошуна Базыра—личность, весьма хорошо известная тувинским аратам, не просто как представителя феодальной прослойки рода Хомушку, по именно как жестокого правителя („дошкун даа“). Лихоимство, грабежи и насилия Базыра были важной, если не решающей причиной недовольства им со стороны монгушей. Ведь не случайно, что Базыра в народной песенке сравнивается с феодалом Сенге—ондарским родовым правителем, который вызвал самую жгучую ненависть к себе со стороны своих сородичей-ондарцев. Таким образом, выступление монгушей, к которым присоединились и другие жители Даа-хошуна, было направлено не только против Базыра, как представителя другого рода, незаконно занявшего место правителя хошуна, но вместе с тем, против Базыра, как жестокого притеснителя. Борьба за родовые начала здесь тесно переплелась с борьбой против классового угнетения. Что это именно так, подтверждается тем обстоятельством, что в истории Тувы не всегда замена родовых правителей вызывала отпор тувинцев. Мы знаем, например, назначение хошунным правителем Хайдуна, который не имел прямых прав на правление хошуном. Это хотя и вызвало недовольство населения, но совсем не привело к сопротивлению и выступлению против него.

Следовательно, монгушки и присоединившиеся к ним другие рода выступали не только против нарушения родового права, но и против жестокого угнетения со стороны Базыра.

¹ ГАИО, ф. 25 св. 26 38, д. III, л. 39.

Классовый характер выступлений тувинцев против Базыра подчеркивается и тем обстоятельством, что первым, кто присоединился к возмущившимся монгушам, были тюлюши. Осташкин в своем отчете пишет по этому поводу: "...к монгушам пристали их соседи тюлюши, которые с давних пор славятся грабежами и непокорностью (подчеркнуто вами— В. Д.). Племя тюлюш принадлежит к ведомству Бейса, всегда недовольное своим монгольским начальством, которое высылается к ним каждогодно за сбором с них повинностей для князя и само обирает их в свою пользу".¹ В этом свидетельстве Осташкина обращает на себя внимание указание на постоянную непокорность тюлюшней, их систематические выступления против монгольского начальства. Причиной присоединения тюлюшней к восставшим монгушам был гнет монгольских князей; этот гнет был нестерпимым, и не только тюлюши, но и другие рода, входившие в состав зависимых людей монгольских князей, часто выступали против своих владельцев.

Восстав против своего непосредственного начальства, монгушки и тюлюши решительно выступали против внешних захватчиков—китайских чиновников. Собственно само неповиновение властям началось прежде всего с нападения монгушей на китайских чурганов. „Своевольство высказывалось,— пишет Осташкин осенью 1876 года,— нападением на возвращавшихся чжурганов, осматривавших пограничные знаки, и отобравием у них части скота, причем в драке отшибли одному чиновнику ухо. Не знаю, чем это дело кончилось, но на следующий год уряххи не стали давать подарков чурганам в проезде их, как было прежде, что, видимо, придало им большие уверенности и возможности делать свое воле даже со своими чиновниками".²

Таким образом, восставшие тувинцы выступили прежде всего против завоевателей. Для того, чтобы понять все значение нападения тувинцев на китайских чурганов, надо учесть то обстоятельство, что китайские феодалы не держали в Туве своих гарнизонов, не имели они в это время здесь и своих купцов. Единственными представителями китайского правительства в Туве были наезжавшие сюда периодически для проверки пограничных знаков (пайз) чиновники улясутайского генерал-губернатора—чурганы. Поэтому естественно, что тувинцы, питая ненависть к своим внешним поработителям, выражали свой протест против своих захватчиков в виде нападения и избиения китайских чурганов.

Изгнав китайских чурганов и отказавши им в дальнейшем в подарках, восставшие отказались платить албай, ун-

¹ ГАИО д. III, л. 39.

² ГАИО д. III, л. 37—38.

друг и отывать другие повинности в пользу китайского государства и своего хошуунного правителя. В 1877 году они совершили нападение на проезжавшего по их земле в Улясутай с албаном угэр-даа Базыра. Многие чиновники, сопровождавшие Базыра в эту поездку, были избиты монгушами, а сам он позорно бежал с поля боя.¹

Бессильный Базыра ничем не мог наказать забунтовавшихся монгушей, а им эта расправа над хошуунным начальством еще больше прибавила силы. „После такой расправы с Бацзаром монгушки совершенно отказались от подчиненности начальству, стали более и более делать непослушание и даже управление Ульзей Бачира потеряло прежнюю свою неограниченную власть, ибо чиновников, посланных из управления в Танну для восстановления порядка или за сбором каких-либо повинностей передко провожали с Джакуля с позором, а некоторых даже били, как Кучу-мейрена, Солома Чжалана и других“².

Это свидетельство говорит о том, что восставшие монгушки, к которым присоединились тюлюши, не только отказались подчиняться своим непосредственным начальникам, но изгнали китайских чурганов и даже избили чиновников самого правителя Тувы амбын-нойона. Это был бунт против чиновников, против нойонов Тувы и иностранных захватчиков.

Следующим шагом восставших вполне естественно было нападение на российских купцов и угон у них скота. Массовые нападения на российских купцов начались в 1878 году.

Это выступление восставших против российских купцов логически вытекало из всего хода движения. Российские купцы на Кемчике своими действиями, насилием и грабежом тувинских аратов вызывали к себе всеобщую ненависть. Даже генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин обратил внимание на их поведение и поставил вопрос перед Министерством внутренних дел о выселении с Кемчика таких купцов, как Бяков и др.³, на что, однако, министерство не согласилось.

Осташкин, доклад которого представляет собою ценный источник по истории движения 1876—1878 гг., пишет, что междуусобные неурядицы положили основание к своееволию урянхов над

¹ ГАИО. № 111. л. 38. Адрианов уточняет картину этого нападения монгушей на Базыра. Он пишет: „Нынешний огуурдаа с собранным албаном (податью) ехал в сопровождении своих чиновников через Чаакуль (Чаа-Холь-В. Д.). Здесь на него напали... отобрали весь албай и лошадей, а его самого с чиновниками избили“ (стр. 24.)

² ГАИО. д. 11 л. 38.

³ ГАИО. д. 52 св. 2637 л. 71.

русскими купцами и что поступки последних не могут быть оправданы¹.

В мае 1878 года тувинцы напали на купца Сватикова и взяли у него 8 лошадей. Через некоторое время они совершили налет на торговое заведение Бякова. Об этом налете Осташкин так пишет: „Не прошло 10 дней (после нападения на Сватикова) как монгуси в числе более 150 человек, вооруженные и все пьяные, явились на заведение Бякова, имея во главе зачинщиков Семиса Клина, Большенира Цайсаны, Шойдар Клина, Арсалона Бичечи и Колбадая Клина“.² Они потребовали у Бякова скот, неправилью взятый последним у тувинцев. Угер-даа Базыра, узнав о подходе к заведению Бякова толпы восставших, отправил для защиты Бякова своих чиновников. Тувинцы все же скот взяли, а чиновники Базыра выдали Бякову, Сафьянову и Сватикову, которые пострадали от налета тувинцев, удостоверения о том, что у них действительно скот ограблен.

Р. М. Кабо и другие авторы работ о Туве все события 1876—1878 года сводили к угону скота тувинцами у русских купцов. Р. М. Кабо даже подчеркивает, вопреки, как мы видим, исторической истине, что тувинцы, считая якобы законным этот угон, выдавали соответствующие справки русским торговцам. Мы уже показали, в какой обстановке тувинские чиновники (а не вообще тувинцы), считая угон скота аратами незаконным, выдавали удостоверения российским купцам. Они охотно это делали, зная, что российские купцы через свое правительство потребуют от китайских властей вмешательства во внутренние дела Тузы. И тогда китайская администрация примет более серьезные меры для подавления восстания в Тузе.

Имеющийся в нашем распоряжении документальный материал дает полное основание рассматривать выступления тувинцев против русских купцов в 1878 году как часть, как один из эпизодов той стихийной классовой борьбы, которая развернулась в 1876—1878 годах в Тузе. Открытые выступления против российских торговцев были не только одним из моментов этой борьбы, но они были обусловлены успешной борьбой тувинских аратов против своих собственных чиновников и китайской администрации.

Минусинский окружной исправник, прибывший в Туву для расследования случаев угона скота у российских купцов осенью 1878 года, после личного ознакомления с обстановкой на месте, на границе, доносил, что вследствие „домашней неурядицы“ тувинцы „...действительно мало слушаются свое местное начальство, в особенности Мингушского рода, где

¹ ГАИО, д. III, л. 39.

² ГАИО, д. III, л. 40.

родовой начальник не пользуется, как говорят, никаким доверием и уважением от своих подчиненных.”¹ Г. П. Сафьянов, бывший в 1878 году в Туве, пишет: „В 1878 году уряхи Кемчикского хошуна признавали своего ухериду Базыра самозванцем и, по дороге, когда он поехал в Улясутай с „албаном“ разграбили некоторых своих чиновников, побили и после этого, немедля, сделали нападение на русских торговцев, проживающих по Кемчаку, разграбили у них все, что было. Китайские правители их строго наказали, а русским уплатили убытки”.² Следовательно, выступление против российских купцов в 1878 году было одним из моментов борьбы тувинских трудящихся против своих эксплуататоров. Без успешной борьбы против своих внутренних врагов тувинские араты не могли бы так смело и решительно выступать против российских купцов.

Русские власти, получив заявление Сватикова и других купцов в Туве, немедленно послали своих чиновников для выяснения вопроса на месте и потребовали от китайского правительства ликвидации конфликта. К сожалению, мы не знаем подробно, какие меры были приняты для подавления восстания, кроме общих указаний источников о жестокой расправе над восставшими. Во всяком случае еще летом 1878 г. российские купцы получили удовлетворение за свои потери. Однако достойно внимания то, что китайская администрация должна была удовлетворить одно из основных требований восставших монгушей—сменить хошунного правителя Базыра и назначить вместо него монгуша Дугара, которого застал на месте хошунного правителя Н. Ф. Катанов в 1889 году³. Это обстоятельство, видимо, сыграло известную роль в умиротворении тувинцев—монгушей. Этим и завершаются волнения 1876—1878 гг.

На протяжении двух лет восставшие тувинцы вели борьбу против внутренних и внешних врагов. Инициаторами и наиболее активными участниками этого восстания явились монгухи, к которым примкнули тюлюши.

Основными причинами выступления 1876—1878 гг. были феодальный гнет и жестокий колониальный режим. Однако, вместе с тем, непосредственным поводом для выступления монгушей было нарушение родовых прав этого сумона. Этот факт придавал особый характер всему движению монгушей, которое в известной мере возглавлялось местной родовой знатью. Движение всем своим острием было направлено про-

¹ ГАИО. ф. 24 св. 2337, д. 52, л. 127

² ГАИО. ф. 25 св. 4, д. 26, л. 179

³ Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В. В. Радловым. СПБ, 1907, ч. IX стр. 158 От Базыра же Катанов записал тувинские загадки. „Загадки 1320—133”, пишет Катанов — сообщил дзелан Назыр (Базыр) родом из племени Хомушку, живущий теперь по р. Барлыку, а прежде управляющий Кемчикским та-хошуном” (стр. 187).

тив китайских чиновников, монгольских князей и российских торговцев. Оно также было направлено против местных чиновников и феодалов (не против своих родовых, а против чужеродных).

Борьба за родовые права несомненно принижала прогрессивный характер восстания монгушей, но она объективно не лишала движения положительного значения, как движения, направленного против гнета эксплуататоров, против внешних захватчиков. Пережитки родового начала, послужившие одной из причин восстания, мешали аратам осознать свои классовые интересы. Народное недовольство феодально-колониальным угнетением искусно направлялось родовым начальством в русло борьбы за свои ущемленные права. В виду этого движение не охватило широкие массы тувинцев: родовые пережитки прочно держали в плена аратов. Эти родовые обычай и традиции мешали сплочению тувинцев и явились одной из причин их поражения.

Тувинцы потерпели поражение и должны были рассчитываться за свое поражение контрибуцией в пользу китайских властей и российских торговцев. Выиграли в результате, за счет поражения народа, только собственные монгушкие родовые правители, которые использовали приверженность масс родовым обычаям в своих классовых интересах. Обстоятельство это еще раз подчеркивает реакционное значение пережитков общинно-рогоового строя, которые использовались патриархально-феодальной знатью для угнетения своего народа.

О времени выступления Алдан маадыр

Ранее считалось, что восстание Алдан маадыр происходило в 1879—1881 годак. Каким путем установлена эта дата нам неизвестно. Между тем она не подтверждается документальными материалами. Воспоминания аратов в этом отношении противоречивы и не могут дать твердых указаний по этому поводу. Не подтверждают указанную дату русские путешественники, посетившие Туву в это время: Потанин, Потанина, Орлов и Адрианов, которые совершили поездку по Туве поздней осенью 1879 года, т. е. тогда, когда сведения о восстании, если бы оно действительно в этом году произошло, должны были бы до них дойти. Чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Перетолчин, командированный в Туву в 1879 году, в своем отчете не упоминает о событиях, которые хотя бы в отдаленной связи стояли с выступлением „алдан дургунов“. Адрианов второй раз побывал в Туве в 1881 году. В своей книге он учел многие и второстепенные факты из жизни тувинцев (например, выступление Боданчика, слухи о „14 дургунах“ и др.).

но у него нет никакого намека на 1879—1881 гг., как годы восстания Алдан маадыр.

Все это ставит под сомнение 1879—1881 годы, как период восстания Алдан маадыр.

У нас есть возможность совершенно точно, на основании ряда неопровергимых данных, установить начало и конец восстания.

События, разыгравшиеся в Туве и получившие кровавую развязку, дошли до русской периодической прессы. Например, о них писала „Сибирская газета“, издаваемая в Томске, в 1885 году. Эта газета дважды на своих страницах сообщала о фактах, имеющих несомненное отношение к Алдан маадыр, на основании которых мы и можем совершенно безошибочно установить конечную дату восстания.

Ранней весной 1885 года „Сибирская газета“ опубликовала первое сообщение о событиях в Туве, полученное ею из двух источников: из Усинска и из самой Тувы (откуда точно и от кого, газета не сообщает). В корреспонденции из села Усинского она передает о том, что будто бы в Туву прибыли китайские войска и столкновения между ними и тувинцами дошли до кровавой схватки. Версия о прибытии войск была ошибочна. Вторая заметка, непосредственно из Тувы, поправляла эту ошибку усинцев, в ней говорилось: „На Кемчике и Чакуле (приток Енисея) был переполох, от него выслано было 200 человек для поимки грабителей и бродяг, из которых 15 человек лишились жизни на месте, а человек 50 отправлено в Улясутай для такой же расправы“. ¹ Количество участников сопротивления, захваченных амбыновскими войсками, и количество убитых вполне совпадает с количеством участников восстания (65 и 60 человек). Совпадает и цифра численности амбыновских войск с той цифрой, которую называют араты в своих рассказах об Алдан маадыр. И все это дает нам основание думать, что в газете идет речь именно об Алдан маадыр. Тем более, что употребление автором корреспонденции слова „бродяги“ можно считать неточным переводом тувинского слова „дургун“.

Нам в связи с нашей задачей выяснения хронологии восстания Алдан маадыр очень важно обратить внимание на то, что в газете говорится об отправлении захваченных участников восстания в Улясутай, но еще ничего не говорится об их казни. Значит, заметки были написаны в тот момент, когда они не были казнены. Принимая во внимание дальность расстояния и трудности доставления корреспонденции из Тувы в Томск, следует предполагать, что письмо было сочленено в Туве в ноябре—декабре 1884 года, а это значит, что к этому времени относится расправа над Алдан маадыр. Все

¹ „Сибирская газета“, 1885, № 15.

араты в своих рассказах о подавлении Алдан маадыр войсками Башкы танмы, как они называют амбын-нойонские войска, и самое прибытие тувинских войск в район восстания относят к осени, когда выпали первые снега и тувинцы переходили на зимники. О прибытии амбыновских войск в 1884 году говорят в своих воспоминаниях араты: Оюн Сой-Сюрюн, которому при записи его воспоминаний, в 1945 году, было 78 лет, т. е. он родился в 1867 году, во время подавления Алдан маадыр, по его словам, было 17 лет. Ондар Морта Даргана показывает: „Когда амбынские цирики ловили Алдан дургунов, мне было 11 лет (1884 г.—В. Д.), родился в году собаки”¹ Значит прибытие амбыновских войск и расправа с Алдан маадыр относится к поздней осени 1884 года.

„Сибирская газета“ летом 1885 года в корреспонденции „Из Минусинска“ сообщает о приезде в этот город генерал-губернатора Восточной Сибири Игнатьева и по этому поводу пишет о жалобе, поданной российскими купцами в Туве генерал-губернатору. В этой жалобе минусинские купцы просят Игнатьева для разрешения спорных вопросов между ними и тувинцами, учредить в Усинске должность пограничного Комиссара. Газета, поддерживая требование минусинских купцов, пишет: „Это, пожалуй, единственный способ прекратить вечные взаимные пререкания и ссоры... По жалобам русских и дюрбетов забрано было и увезено в Улясутай до 70 человек... Теперь вместо арестованных высылают по всей урянхайской земле их головы и развешивают на столбах“. (Подчеркнуто мной—В. Д.). Следовательно, к 15 июля 1885 года, когда была опубликована указанная заметка, редакция газеты получила из Тувы сведения о казни восставших и развешивании голов казненных на столбах по Кемчику. Если сообщение о казни было опубликовано в газете 15 июля, то оно, вероятно, было составлено в Туве в мае—июне 1885 года. По времени года это вполне соответствует рассказам аратов, которые указывают, что весной рассыпались наverbлюдах головы казненных по Туве.

Исходя из всего вышеизложенного, мы считаем периодом восстания Алдан маадыр 1883—1885 годы. Начало выступления относится к лету 1883 года. Наибольший размах движения падает на лето 1884 года, за которым следует начало карательной экспедиции на Кемчик амбын-нойоновских войск, разгромивших восстание поздней осенью 1884 года. Схваченные весной 1885 года участники восстания по решению китайского суда были казнены в Улясутае. Почти все наши материалы, в частности все авторы воспоминаний и расска-

¹ Тув. НИИЯЛИ. Материалы об а. и., стр. 63—64.

зов об Алдан маадыр, ограничивают длительность восстания двумя—тремя годами, что согласуется с вышеуказанным периодом—1883—1885 гг.

Начало выступления Алдан маадыр

В 80-х годах дургунство стало более или менее массовым явлением. От тяжелой голодной жизни, от произвола и насилия феодалов десятки аратов уходили из хощунов и сумонов в степи, леса и горы, точно также усилился переход тувинцами российской государственной границы.

Араты, ушедшие в горы и степи самой Тувы, объединялись в группы и совершали налеты на стада нойонов, баев и торговые караваны тувинских и иностранных торговцев.

В это же время усиливались набеги тувинцев на монгольские земли с целью угона скота. Главными организаторами таких набегов были тувинские бай. Потанин передает, что в конце 70-х годов дюрбеты обвиняли в организации таких набегов известного уже нам правителя Даа-хощуна Базыра. Кроме Базыра такие налеты совершали Сенге чанги, хунду Садыя и другие бай и чиновники Тувы. Создавая из голодных аратов шайки кайгалов,¹ они снабжали их всем необходимым для скотокрадства и направляли в дюрбетские земли, а затем принимали участие в дележе скота. Подобные воровские экспедиции на соседние земли предпринимались тувинскими чиновниками вопреки строгим указаниям их китайской администрации, которая беспощадно преследовала скотокрадство. Однако в случае поимки кайгалов с поличными пойоны и чиновники безжалостно отдавали под суд своих паемников по воровству, а сами же, по всем законам строго наказывая их, оставались в стороне. Подобная практика настолько широко была распространена, что стала обычной. Конокрады-профессионалы, состоящие постоянно на подобного рода „службе“ у чиновников, вполне примирились с этим обстоятельством и спокойно принимали наказания, не выдавая своих хозяев. Иначе относились к этому вопросу араты, которые принимали участие в угоне скота за границей по необходимости. Они считали, что в случае, если они попадутся в руки властей, вместе с ними должны отвечать и их хозяева. На этой почве возникали серьезные конфликты между этими своеобразными работодателями и работниками, которые перерастали рамки их личных отношений в события крупной общественной важности.

Таким путем началось и движение Алдан маадыр. В начале 80-х годов тувинские бай, ондарский сумонный правитель Сенге и другие направили в Монголию несколько групп для увода скота в Туву. А так как подобные набеги стали час-

¹ Кайгал—удалец.

тыми, то монгольские князья стали пастаивать перед китайским правительством на принятии решительных мер против кражи скота тувинцами. Китайская администрация, в свою очередь, потребовала от тувинских чиновников прекращения набегов и строгого расследования всех дел, связанных со скотокрадством в Монголии. Тувинские чиновники, в частности тот же Сенге, выдали своих наемных людей по угону монгольского скота. Однако, когда они пытались предать суду конокрадов, то араты отказались явиться на суд и ушли в степи. Такой оборот дела объясняется тем, что обстановка, в которой происходили описанные события, характеризовалась массовым недовольством тувинских аратов своими чиновниками. Адаштай рассказывал, что выступление против власти произошло потому, что над кайгалами Самбажиком, Дажима Чанги и другими был назначен суд. На суд в местечке Улугалаак съехались чиновники двух хошунов (Даа и Бэйсэ). „Из нашего района,—говорит Адаштай,—были назначены углер-даа Палдыр (?) и олетсякий дарга, а из нижнего хошуна—Соржу-мээрин, монгушский младший чангы. Суд был назначен по делу воровства 100 лошадей из Дюрбетии. 100 лошадей были действительно украдены по заданию Адайларского Чаа-лама чалана, ондарского Севге чанги, писаря Пальчий, брата Чаа-лама—Каратты чалана. Они дали аратам своих лошадей, продовольствие, арканы и пути... Среди них (т. е. скотокрадов—В. Д.) был брат нашего отца".¹

Другой рассказчик Ондар Морта Даргана подтверждает показания Адаштая: „Вначале они из Дюрбетии пригнали табун лошадей, из них Сенге чанги тоже брал"². Об этом же собственно говорят воспоминания других аратов.

Приведенные показания аратов совершенно отчетливо показывают, что дело началось с простого налета группы аратов, которые, ища выхода из тяжелого материального положения, созданного невыносимой эксплуатацией со стороны баев, нойонов и чиновников, пытались поправить его угоном скота из Дюрбетии. Непосредственными организаторами этих налетов были тувинские феодалы и чиновники.

Отказавшаяся явиться на суд и ушедшая в степь Оргу-Шоль группа Дажима и Самбажика поселилась на горе Ка-ра-Даг.

К группе Дажима и Самбажика скоро присоединилась другая группа, состоявшая из четырех человек. Эту группу возглавлял Кожагар-Комбулдай. Кожагар-Комбулдай был, по сообщению его сына и других аратов,³ постоянным нанятым

¹ „Шын“ 1941 г. № 19.

² Тув. НИИЯЛИ, Материалы об а. и. стр. 64.

³ Тув. НИИЯЛИ Материалы об а. и. Восп. Ооржака Сегбы, стр. 11, см. также восп. Кужугета, Монгуша Манай-оола и других.

скотокрадом у чиновника Садыя хунду. Незадолго до описываемых событий он был пойман в Монголии со своими товарищами, но с помощью девушки-люрбетки бежал из тюрьмы и вернулся домой с уведенной лошадью. В последний раз он вывел из Монголии 40 лошадей, но Садые ни одного не дал, хотя Садыя приезжал к нему с вином и выпрашивал у Кожагара несколько лошадей.

С Кожагаром-Комбулдаем к первой группе примкнуло четыре человека. Таким образом образовалась группа в 16 человек, которая стала быстро пополняться новыми людьми. В Оргу-Шоль на Кара-Даг потянулись все недовольные баями и чиновниками. К осени 1883 года вокруг Самбажика, Дажима и Кожагара-Комбулдая объединилось несколько десятков человек. Основной костяк образовала группа в 60 или, по другим сведениям, в 61 человек, по числу которых и все движение, в которое позже вливались новые десятки людей, феодально-байская верхушка прозвала „алдан дургун“ (60 беглецов). Араты говорят, что это название восставшие получили потому, что не справившийся с ними хошуунный правитель обратился за помощью к амбын-нойону и в письменном заявлении о восстании он перечислял имена 60 человек дургунов.

Борьба Алдан маадыр против феодалов

Так как мы не имеем других источников для изучения поведения участников движения Алдан маадыр, кроме рассказов аратов, то нам в изложении хода всего движения придется пользоваться только этим источником.

Араты в своих рассказах передают, что после отказа восставших явиться на суд, они ушли на Оргу-Шоль и здесь образовали свой вооруженный лагерь. Этот лагерь был основан на горе Кара-Даг. Все участники Алдан маадыр были вооружены кремневыми ружьями; порох они, как это и было принято у тувинцев, изготавливали сами. Лагерь находился под постоянной охраной часовых, расставленных на возвышенных местах, для предупреждения подхода вооруженных сил тувинских правителей.

Хошуунное начальство, узнав об уходе аратов в горы, направило к ним своих чиновников с целью уговорить их вернуться в свои аалы и примириться с властями. Восставшие ответили на это решительным отказом. По словам Адалтай, они заявили: „Чем быть под вашей властью, мы сделаем Кара-Даг ханом, а Оргу-Шоль — троном“, и начали у монгушских и ондарских баев ловить скот для продовольствия.¹

Правители двух кемчикских хошуунов, после неудачной попытки мирным путем разрешить возникший конфликт, обрати-

лись за помощью к амбын-пойону. От амбын-пойона для переговоров с восставшими были посланы чиновники Акеак-Шинин челан, Койца и Молдурук. Однако их миссия кончилась полным провалом. Восставшие не доверяли чиновникам и продолжали оставаться на Кара-Даге, где они провели зиму 1883—1884 года.

Деятельность их сводилась, главным образом, к тому, что они время от времени совершали налеты на отдельных богатых скотовладельцев и угоняли у них скот. Правда, они хотели захватить наиболее злостных феодалов-чиновников, в особенности всеми ненавидимого чаигы Ондарского сумона Сенге, но это им не удалось. По сообщению Кужугета Дондуга, восставшие поехали к аалу Сенге, но так как он имел 50 цириков, не осмелились его захватить, а ограничились тем, что угнали его 17 быков и забили их на мясо.

Захват скота усилился весной и летом 1884 года. Ооржак Хурулга указывает, что весной и летом 1884 года Алдан маадыр разделились на группы и действовали в устье р. Шеми, на Чыргакы, Кара-Даге и Шолук-Хову. „Они, — говорит О. Хурулга, — все отбирали у баев и раздавали беднякам. Потому к ним примкнуло много народа... Эти Алдан маадыр не могли терпеть гнет того времени, и за свою свободу и право восстали против чиновников“.¹ Чолбан запомнил, что „вначале они совершали кражу, и они до прихода войск с юга не подчинялись чиновникам, на их вызовы не ездили. Они ездили на конях баев, забирали их скот“.² Это подтверждает и Ооржак Чотпа: „Беглецы отбирали у басев имущество и скот“.³ Ооржак Васильй передает, что „дургуны беднякам ничего плохого не делали, наоборот, отдавали им свои излишки. Иногда они приезжали в аалы и говорили: „Что вы сидите, товарищи, надо нестись верхом“.⁴

Эти показания аратов в некотором отношении подтверждаются и архивными документами. Весною 1884 года российские купцы, опасаясь повторения событий 1878 года, телеграфировали в Иркутск о серьезном характере выступления в Туве, о массовом невыполнении тувинцами протокола 1883 г., который был подписан тувинскими властями с Осташкиным, выезжавшим в Туву для решения всех спорных вопросов между тувинцами и российскими купцами. „Своеволие урянхов небывалое, — указывали в своей телеграмме российские купцы, — урянхайцы Кемчика составляют шайки бродяг, причиняя всевозможные обиды русским и урянхам.“⁵ Напуганные

¹ Тув. НИИЯЛИ. Материалы об а. м. стр. 10—11.

² Тув. НИИЯЛИ. Материалы об а. м. стр. 11.

³ Там же, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 31.

⁵ ГАИО, ф. 25, д. 52, л. 107.

движением, российские купцы телеграфировали что „бродяги“ совершают „даже убийства“. Генерал-губернатор, прочитав в телеграмме слово „убийство“, немедленно запросил русскую нограиничную администрацию о том, что за убийства совершают тувинцы. Минусинский исправник ответил, что, „убийство“ на местном языке означает „тяжелые побои“.¹ Телеграмма российских торговцев в Туве—весьма ценный документ для изучения движения Алдан маадыр. Она цenna, во-первых, тем, что довольно точно датирует время выступления Алдан маадыр, во-вторых, она указывает на действие „шаек бродяг“. Между тем при всех других враждебных актах тувинцев против российских торговцев никогда не указывалось на подобные явления среди тувинцев. В-третьих, она фиксирует, что „эти шайки“ не только нападали на русских, но и на тувинцев, т. е. на тувинских баев.

Судя по этому и другим вышеприведенным документам, можно заключить, что после отказа восставших явиться на суд и ухода их в степи и горы, они стали вести борьбу против своих баев и чиновников, в первую очередь, против тех из них, которые являлись их непосредственными правителями. Они производили захват скота, принадлежащего крупным скотовладельцам тувинского, монгольского и русского происхождения.² Они сделали попытку захватить чанги Сенге. Захват скота у чиновников и баев приимал массовый характер; захваченный скот участники Алдан маадыр, как правило, употребляли для своего продовольствования, а частью раздавали его бедным аратам.

Ведя стихийную борьбу против тувинских и монгольских нойонов и князей, Алдан маадыр плохо себе представляли ее перспективу, не осознавали ее значения и не представляли себе ясно ее целей. Наши источники очень мало говорят о программе, о ближайших и дальнейших целях этого движения. Из рассказов старика Чолбана узнаем следующее: „Дургуны говорили: „Этой власти подчиняться не будем, а создадим самостоятельную власть сами“.

Сарыглар Амсырай слышал от других, что восставшие говорили: „Мы подчиним себе Даан Дэргэ нойонов Даа и Бэйси хошунов“. Было у них и решение стать под власть Бэйси хошуна. В минуты отчаяния склонялись некоторые и к мысли помириться с властями. Одни из аратов рассказывает, что восставшие будто бы написали китайскому генерал-губернатору в Улясутае и амбын-нойону письмо о своем неподчинении местным правителям и, видимо, просили их сменить. Это письмо было написано Агаржаа, другом Дажима. Чувствуя свое бессиление справиться с баями-чивовниками, они

¹ ГАИО. Ф. 25, д. 52 л. 112.

² ГАИО. Ф. 24, св. 2638, д. 121. Об угоне скота урянхайцами. 13. XI—19/XII—1884 года.

мечтали об уходе из Тувы в соседние страны. Это довольно-хорошо передается в сочиненной ими песенке:

„За то, что мы не сдались врагу,
Нам дали имя „дургувов“,
Оседлав неустающего коня,
Войдемте в страну Тумат.
За то, что мы сохранили свободу,
Нас прозвали беглецами и ворами,
Оседлав нехудеющее о коня,
Войдемте в страну Алтай“.

Нам кажется, что все эти свидетельства указывают на отсутствие у Алдан маадыр всяких представлений о цели самого их выступления. Они мечтали установить свою власть над двумя хошунами. Но что это будет за власть, чем она будет отличаться от прежней власти—на эти вопросы мы не находим в источниках ответа. Желание объединить под единую власть только два тувинских хошуна показывает отсутствие у Алдан маадыр сознания единства всех тувинских племен.

В этом смысле, к стихийному выступлению тувинцев, не в меньшей мере, чем к восстаниям русских крестьян, относится указание В. И. Ленина о том, что „...крестьянство, стремясь к новым формам общежития, отвосилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе“.¹

Состав Алдан маадыр

В лагере Алдан маадыр и на горе Кара-Даг постоянно находилось не больше 60–70 человек. Проживая в лагере, они поддерживали связь со своими аалами, продолжая работать в своем хозяйстве; отдельные из них уходили в родной аал на недели и даже месяцы. Со всем осталым населением у них сохранились постоянные связи. Восставшие из своего лагеря часто выезжали на народные праздники в аалы; в свою очередь, наезжали и к ним араты.

За исключением Дажима чанги, все остальные восставшие были простыми аратами, главным образом из наиболее бедной прослойки. Хозяйство Кожагар Комбулдая состояло из нескольких коз и 2–3 лошадей. Урундай, кроме 10 овец, не имел больше ничего. Жена Урундая должна была все время работать на феодала. Керелчин имел лишь 38 овец. Это мизерное количество скота являлось типичным для большинства

¹ В. И. Ленин. Соч., том 15, стр. 184.

Алдан маадыр. Подавляющее большинство их происходило из маломощных аратов, которые вынуждены были работать на феодала, а в тяжелые годы наниматься к феодалам для скотокрадства.

Состав Алдын маадыр, за исключением указанных 60 человек, не был постоянным. Все наши источники говорят, что участников движения на самом деле было больше 60 человек. Одни говорят, что их было 80 человек, другие называют цифру 100 и даже 200 человек, а Чооду Дозур, принимавший участие в подавлении восстания Алдан маадыр, насчитывает их до 300 человек. Вне всякого сомнения, восставших было значительно больше 60 человек. Разноречивые данные аратов говорят о том, что состав аратов, принимавших участие в восстании, все время менялся: одни приходили, а другие уходили. До сего времени известны имена только 37 человек, записанные со слов аратов; список же, составленный хошуунным начальством, затерялся.

К Алдан маадыр примыкали люди разных сумонов Даа и Байсе хошуна, но главным образом были люди из родов Монгушей, Ондар, Ховалыг, Ооржак, Сарыглар, Хертек, Кучугут и др. Такой разнородовой состав для Алдан маадыр является положительным моментом, ибо, как мы помним, выступление 1876—1878 гг. охватило в основном два рода, монгушей и тюлюшней, боровшихся одновременно, но не совместно. Наши источники единодушно указывают на руководящую роль в движении трех наиболее активных организаторов восстания: аратов-бедняков Самбажика и Кожагар-Комбулдая, а также чаны или кувду Дажима. Из этих трех лиц в качестве главного руководителя одни источники называют имя Самбажика, а другие—Дажима.

Мобилизация ополчения для подавления Алдан маадыр

По многочисленным свидетельствам аратов-современников восстания можно заключить, что восставшие не проявляли достаточной активности в борьбе против своих врагов. В течение двух лет они скрывались в горах, отказываясь подчиняться властям, и временами совершили набеги на отдельных баев-чиновников, угоняя у них скот.

Восставшие лишь тревожили своих врагов, а не истребляли их; располагая сравнительно крупными силами и достаточным вооружением, они не осудили и не казнили ни одного бая-чиновника, хотя попытки к этому и делали. Создается впечатление, что, достигнув свободы, они больше ни в чем не нуждались. Самое пользование свободой на протяжении такого длительного времени привлекало симпатии аратов к Алдан маадыр и хотя они не прилагали активных усилий к тому, чтобы шире привлечь к движению аратские

массы, популярность их в пароде росла. Пример их становился заразительным и представлял определенную опасность для господствующего класса в Туве.

Между тем чиновники хошунов в районе восстания не имели достаточных сил справиться с Алдан маадыр. Они растерялись после первых же попыток уговорить восставших и в послании к амбын-войону расписались в своем бессилии справиться с ними. Симпатии большинства аратов к Алдан маадыр не давали возможности правителям хошунов создавать достаточно сильное внутреннее ополчение, чтобы разгромить Алдан маадыр и ликвидировать движение. Поэтому в своих письмах к амбын-войону они упрашивали просили у него помощи для подавления восстания. Очевидно, что до лета 1884 года амбын-войон не придавал серьезного значения развернувшимся в районе Сут-Холя событиям, может быть рассчитывал на мирный исход их путем непосредственных переговоров с восставшими через специально командированного для этого своего брата Дажи. Однако попытки Дажи уговорить восставших подчиниться властям оказались безрезультатными. В дело вмешались новые силы. Не получивши удовлетворения от тувинских властей, дюрбетский хан обратился к китайскому правительству с жалобой на постоянные грабежи скота тувинцами. Можно думать, что одновременно с дюрбетами к китайским властям обратились и власти России, о чем говорит специальное дело об угоне скота тувинцами у русских купцов в Туве в государственном архиве Иркутской области, составленное ранней осенью 1884 года.

Положением в Туве должны были заинтересоваться китайские власти, а ответственность за него, несмотря на то, что ряд ее хошунов и сумонов подчинялись монгольским князьям, была возложена на амбын-войона Ользей-очира. По его распоряжению было мобилизовано из каждого арбана восточных хошунов определенное количество человек, в том числе и тоджинцы.

Амбын-войон стал действовать весьма быстро. Как говорит Чооду Дозур, принимавший участие в карательной экспедиции, мобилизованные араты шли со всех сумонов восточных хошунов Тузы безостановочно ночью и днем, нигде не задерживаясь. Все они прибывали в Самагалтай, где к некоторым из них обращался сам амбын-войон со словами ободрения и приветствия.

Общее количество танмынских цириков, как часто их называют в своих воспоминаниях араты, достигло 200—300 человек; „Сибирская газета“ определяла их в 200 человек, впрочем, наши источники иногда несколько уменьшают их количество.

Во главе карательного отряда был поставлен чиновник

Башкы танмы (главной печати — так называлось центральное управление Тувой при амбын-нойоне) Торлук. Амбын-нойон, как можно судить по деятельности карательного отряда на Кемчике, дал указание самым беспощадным образом расправляться с восставшими и их родственниками. Не только жизнь самих восставших, но и жизнь их ближайших родственников была поставлена вне закона, имущество их было отдано на „поток и разграбление“ цирикам.

Вооруженное сопротивление Алдан маадыр карательным войскам

Сообщение о мобилизации противником своих сил и направлении их для подавления восставших поставило перед ними вопрос о необходимости перейти к решительным действиям против их врагов. Желая избежать кровопролития через столкновение с войсками амбын-нойона, Алдан маадыр решили вступить в мирные переговоры с правителями двух кемчикских хошунов. Живясь на Кара-Дыт — место ставки монгольского дарги — правителя Бейси хошува, они, видимо, без большого труда его задержали.

Наши документы не дают связного и цельного рассказа о последующих событиях и о самой вооруженной борьбе Алдан маадыр с карательными войсками. Араты-очевидцы запечатлели отдельные эпизоды этой борьбы, но в своих рассказах противоречат друг другу, поэтому восстановить последовательно ход сопротивления восставших цирикам амбын-нойона невозможно.

После ареста монгольского дарги восставшие решили вступить в переговоры с угер-лаа Даа-хошуна Дугаром. Последний использовал эти переговоры для захвата некоторых руководителей Алдан маадыр и, в частности Дажима. Перед приходом Алдан маадыр, Дугар поставил свои отряды в засаду (в том числе и отряды амбын-нойона). Если бы восставшие были более бдительны, предвидели коварство врага, они могли бы узнать о подготовке самой Дугаром засаде. Но они оказались неопытными и легковерными.

Отсутствие бдительности и погубило Алдан маадыр в самом начале их столкновения с танмынскими войсками.

Когда Дажима прибыл в аал угера-даа Дугара, он без большого труда был закован в кандалы, подготовленные заранее цириками Башкы танмы.

Дальше события развертывались так. Восставшие увидели, что цирики схватили Дажима и вяжут его, бросились на защиту своего предводителя. Их остановил цирек со стороны аала Дугара сообщением о том, что прибыли танмынские цирики. А некоторые утверждают, что сам Дугар обратился к ним с возгласом: „Прибыли танмынские цирики. Разделяй-

тесь, кто правы, кто виноваты". И выскочившие из засады цирики бросились на восставших. Численность данной группы танмынских цириков точно неизвестна: одни говорят, что их было 40 человек, другие—50, а третьи—100 человек. Очевидно, их было не меньше, чем восставших. Потеря Дажимы, удар из засады танмынских цириков дезорганизовали восставших и они бросились отступать. Растворенность, видимо, была настолько большая, что один из восставших, Оттукай-лама, предложил сдаться врагу. По словам Сарыглара, он сказал: "Неужели Оргу-Шоль будем делать олбуком (постелью), неужели Кара-Даг сделаем ханом, давайте сдадимся Дажи¹-меэрену"². Это предложение о сдаче, однако, не было принято восставшими. Спасаясь от выстрелов врага, они бросились от аала Дугара к реке Кемчику, но, не имея плана действия, одни из них направились на гору Бош-Даг, другие, у которых лошади были быстроходные, ускакали на другие, дальние горы, а группа Оттук-ламы³ и ряд других групп бросились вниз по Кемчику. "Человек десять из дургунов,—рассказывают араты,—переехали через Кемчик и подались на Бош-Даг, пониже Чер-Чарыка, трех дургунов пристрелили на реке".⁴ По другим сведениям, во время перестрелки у аала Дугара было убито 5 восставших, а один из них утонул в реке. Небольшая часть восставших, бежавшая на Бош-Даг, укрылась на горе и была осаждена танмынскими цириками. Бой длился всю ночь. Но стреляли, главным образом, танмынские цирики, восставшие отвечали редко. Ночью они из попон седел наделали чучела и поставили их на горе. Не разобравшись в чем дело, танмынские цирики продолжали вести огонь по чучелам. Тем временем восставшие спустились по крутым противоположному склону Бош-Даг и двинулись к устью Алаша. В этот день войска амбын-ноиона и кемчикских феодалов переправились через Кемчик, растянувшись по всему району от Ак-Ооруга до устья Алаша. Бой велись с отдельными группами восставших, причем самые горячие столкновения происходили в устье Алаша и Кемчика. В этом районе значительная часть их была окружена танмынскими цириками и зашедшими им в тыл цириками кемчикских хошунных правителей. Бой шел в горах, поэтому потери были незначительными, тем более, что перестрелка велась на дальних расстояниях.

Весьма характерно, что потери несли только восставшие. По общим подсчетам в сражении у устья реки Эдегея и устья Алаша они потеряли около 15 человек. Со стороны их

¹ Дажы-Торлук—брать Ользей-Очира, командующий амбын отрядами.

² Тув. НИИЯЛИ. Материалы об а. м. стр. 20.

³ Оттук-лама и его группа с Кемчика в течение года скитались в тайге, а затем были пойманы.

⁴ Тув. НИИЯЛИ. Материалы об а. м. стр. 2.

противников у Баш-Дага был ранен только один цирик. Это вообще очень странно. Если к тому прибавить, что у цириков было убито много лошадей, по свидетельству аратов, то приходится принять во внимание заявление Адаштая: „Впоследствии я слышал от народа, что „60 беглецов“ решили не совершать убийств“.¹ Вот почему, убегая от танмынских войск, они старались убить лошадей, а не цириков, т. е. задержать преследование. Это вообще очень важный факт. Мы можем предполагать такое решение со стороны Алдан маадыр. Но как его объяснить? Однако прежде, чем попытаться дать ответ на этот вопрос, обратим внимание еще на одно обстоятельство, а именно на то, что восставшие не сделали никакой попытки оказать сопротивление войскам амбын-нойона, они даже не использовали своего укрепленного лагеря на Кара-Даг в Оргу-Шоле, хотя до вооруженного столкновения предполагали воспользоваться им для обороны от противника. Постоянный лагерь был захвачен вражескими цириками совершенно пустым. Все это и то, что сразу же после столкновения с вражескими войсками восставшие разбежались в разные стороны, что они не вели настоящего боя с противниками говорит о том, что они, очевидно, не собирались вести вооруженную борьбу с цириками, что они шли к Дугару с одной целью — добиться более или менее сносных условий разрешения всего конфликта. Почему тогда, спросят нас, они отказались сдаться войскам Торлука-Дажи по предложению Оттукай-ламы? Думается, потому, что действия танмынских цириков показали им, что рассчитывать на милость врага нечего.

Окруженные со всех сторон врагом, они были захвачены в значительной части в плен, а некоторые ушли в горы и скрылись в тайге. Началась кровавая расправа.

Расправа

Разгромив восставших в районе Баш-Даг и устья Алаша, танмынские цирики захватили много пленных. Этих пленных свозили в устье р. Чиргакы, где было поставлено 10 юрт, в которых тувинские чиновники производили допросы захваченных. Говорят, что из юрт пленных привезли треножники и из них делали кандалы и надевали их на восставших. На некоторых пленных надевали тополевые колодки и бросали их в холлопой юрте, в самый разгар зимы. Одного из захваченных раздели до нага и бросили в снег, через несколько часов он замерз. Когда собралась большая группа захваченных, их отправили на суд в Улясутай. Руки отправляемым в Улясутай не вдевали в рукава шуб, шапки наглухо привязы-

¹ „Шын“ 1941, № 19.

вали, плених в таком виде сажали на лошадь, обе ноги подвязывали к подпругам, а лошадей пускали без поводьев.

В Улясутае над пленимыми производили самые жестокие пытки. Дажима чанги 9 дней беспрерывно били. Ему также, как и другим восставшим, загоняли под ногти иголки, выворачивали руки и т. п. Как рассказывают араты, участников движения Алдан маадыр судил непосредственно сам китайский генерал-губернатор (Цзинь-Цзюн). Источники сообщают разные данные о количестве увезенных в Улясутай, называют цифру 13, 20 и 40 человек. По русским данным, в Улясутае было казнено 42 восставших.

Казнь восставших, увезенных в Улясутай, происходила в присутствии большого скопления народа.

Головы казненных сложили в особые корзины, и, погрузив их на верблюдов, по шесть голов на каждого, вывеали в Туву. При этом тувинские араты должны были по особой раскладке уплатить стоимость перевозки голов казненных. Эти головы привезли весной 1885 года, и, привязав их к столбам, на которых были сделаны соответствующие надписи, расставили на перекрестках дорог, на перевалах, в горах. Особенно много их было в устье Алаша, где произошел разгром восставших аратов, а затем и в других местах: на Харате, Маанайлыг-Хову, на Хорум-Даге и т. п.

Феодалы, независимо от их цвета кожи, поступают одинаково по отношению к своему народу, подавляя малейшие проявления его стремления к свободе. Они страшным террором стараются заглушить у народа желание свергнуть иго эксплуататоров, запугать его, чтобы предотвратить выступление против тех социальных институтов и политических порядков, которые стоят на страже их классовых интересов.

Если московские бояре для устрашения крепостных крестьян после подавления восстания Степана Разина спускали по Волге плоты с повешенными повстанцами, то китайские и тувинские феодалы, применяясь к местным условиям, расставляли головы казненных на перевалах и перекрестках дорог. Целые месяцы под палящими лучами солнца, чернея от дождя и ветра, висели головы казненных. Но феодалы, как и все эксплуататоры, трусливые по своей натуре, полные смертельного страха перед народом, думали в народе найти свои собственные черты характера. Они ошиблись. Головы казненных устрашали слабых, у сильных они вызывали новый прилив ненависти к чеке изменников и предателей—палачей тувинского народа. Не случайно Адаштай пишет: „Спустя много времени я эти головы видел... араты были злы на войнов...“¹

В то время, как происходил суд и расправа над восстав-

¹ „Шын“ 1941, № 19.

шими в Улясутае, в Туве отряды карателей творили расправу над той частью восставших, которая избежала захвата в боях на Баш-Даге и в устье Алаша. На самом деле, после разгрома в этом районе восставших часть их разбежалась по окрестным горам и лесам. Некоторые из них погибли от сильных морозов и голода, другие вошли в свои аалы и скрывались у родственников, немногие покончили жизнь самоубийством. Среди оставшихся восставших продолжали сопротивляться феодалам несколько групп, их вылавливали и судили до лета 1885 года. В Улясутае были казнены чанги Дажима, Дажитай, Узун-белек, Доржакай, Ундурмай, Курде, Садыя и др. Но среди захваченных в плен и казненных в Улясутае не было активных участников выступления Алдан маадыр Самбажика, Кожагар-Комбулдая и других.

Уйдя с поля боя, Самбажик, Кожагар-Комбулдай с другими восставшими пытались спастись. Самбажик с двумя товарищами спрятался в аале своего тестя Тоомая, но его усиленно разыскивал сумонный чанги Сенге. Цирики Сенге схватили Самбажика после долгих поисков и по распоряжению Сенге расстреляли его. По свидетельству аратов, при расстреле Самбажик вел себя очень твердо, пощады не просил и резко высказал свою ненависть к Сенге. Кожагар-Комбулдай со своими товарищами, преследуемый по пятам чиновником Садыя, спешил к русской границе, думая перейти в пределы России. Они уже были близки к цели, но по дороге были схвачены и выданы властям. Кожагар-Комбулдая расстреляли.

Тувинскими чиновниками были пойманы и подвергнуты страшным пыткам и истязаниям еще несколько десятков человек. Кроме того несколько человек были осуждены и наказаны Башкы таймы (главным тувинским управлением). Все имущество, скот восставших или заподозренных в соучастии с ними захватывались карателями, "виновные" подвергались пыткам и наказаниям. Адаштай говорит, что чиновникам и цирикам был дан строгий указ "истреблять „60 беглецов" до основания (до ствола, до черешка—„сывын")." Это относилось и к родственникам восставших. "Так говорили, — продолжает Адаштай, — что всю домашность (аал-ораны) „60 беглецов" до тла грабить, а у мальчиков глаза выколоть, а у девочек берцовую кость сломать".

Семьи восставших в страхе разбежались при приближении амбын-найоновских войск, оставляя скот и имущество карателям.

В результате таких насилий феодалов пострадали сотни людей, целые аалы фактически были уничтожены или рассеяны.

Ничего подобного история Тувы не знала. Кровавая расправа над восставшими — это не проявление строгости право-

судия, а жестокая месть классового врага. Не личный интерес, а прежде всего ненависть к аратам, своим врагам, заставляла тувинских феодалов беспощадно уничтожать Алдан маадыр, которые своим примером и поведением не могли не возбуждать народные массы к сопротивлению феодальному гнету.

Умывшись кровью своих соплеменников, правитель Тувы Ользей-очир в одном из своих докладов китайским властям доносил: „В пределах Танды-Урянхая появились вооруженные опасные воры (характерен этот язык, свойственный всем феодалам, независимо от того, отращивают ли они бороды, или выщипывают их и носят косы по маньчжурскому образцу—В. Д.). Они ежедневно грабят, убивают людей. Когда хотели их арестовать, они оказали вооруженное сопротивление чиновникам и войскам. Чиновник чалан-чанги Торлуг во главе отряда выступил против этих опасных воров и выловил их. Поэтому, по нашему ходатайству, чалан-чанги Торлуг был награжден вами, чанчин-сайт, павлиньими перьями“.¹

Значение выступления Алдан маадыр и причины его поражения

Русская буржуазная периодическая пресса, в частности „Сибирская газета“, рассматривала выступление тувинцев, как простой разбой, направленный против русских купцов в Туве и против дюрбетского хана; она видела весь смысл выступления в скотокрадстве. И хотя она вынуждена была указать на произвол и грабеж тувинских феодалов, которые подвергают народ свой самому неслыханному обирадательству и издевательству, но отводила этому второстепенное место, говорила об этом между прочим, не придавала ему серьезного значения. Сами тувинские власти, как это можно видеть из цитированного доклада, расценивали Алдан маадыр как опасных воров, стараясь оскорбительной кличкой „дургун“ унизить аратов, затушевать социальный смысл борьбы аратов против своих угнетателей.

Историк-марксист должен подойти к оценке таких фактов народной жизни тувинцев, как выступление Алдан маадыр, с других позиций. Он обязан раскрыть подлинное значение и смысл подобного рода выступлений. Нельзя третировать движение, в котором принимают участие сотни людей, как воровское, как чисто разбойничье. Борьба трудящихся против эксплуататоров не есть только сознательное движение; в истории классовой борьбы, особенно на ее первых этапах, борьба трудящихся против своих эксплуататоров осложняется всяческими привходящими обстоятельствами, которые подчас скрывают ее подлинный смысл. Осознание трудящимися своих

¹ Даанын-оол, ук. соч., стр. 75.

классовых интересов происходит в процессе длительной стихийной неорганизованной борьбы.

Так как классовые отношения в тувинском обществе затянулись целым рядом пережитков патриархально-родовых отношений, так как классовые противоречия в силу этого не достигли еще своего наиболее резкого обострения, то естественно, что и классовая борьба принимала здесь своеобразные формы. Стихийное движение масс против своих эксплуататоров не могло быть таким отчетливым, чистым, типичным, как обычно бывает при развитых классовых отношениях. Поэтому было бы крупной ошибкой идеализировать, приукрашать сознательные моменты в той стихийной борьбе, которую вели против своих угнетателей тувинские трудящиеся.

Восстание Алдан маадыр, как и события 1876—1878 г.г., не было случайным явлением в тувинской жизни: оно выросло в результате обострения классовых противоречий в тувинском обществе. Восставшие начали с угона скота; особенностью этого угона явилось то, что он был организован не самими аратами, а феодальными чиновниками. В силу того, что операция привела к обострению отношений между чиновниками и аратами-кайгалами, последние в знак протеста против несправедливости своих нанимателей превращаются в дургунов.

Мы уже установили, что основным ядром Алдан маадыр была группа кайгалов в 16 человек, вокруг которой объединилось до 60 человек уже на первых порах движения. Мы знаем, дальше, что к восставшим фактически примыкали на отдельных этапах борьбы новые десятки людей, и общее количество их доходило до нескольких сот человек. Понятно, что для разбросанного на огромном пространстве и малочисленного населения Тузы (тогда около 50 тысяч человек) вооруженная борьба 200 человек—это крупное событие.

В течение двух лет Алдан маадыр пользовались полной свободой—этот факт сам по себе имеет большое историческое значение. Борьба Алдан маадыр носила антифеодальный характер. Это была борьба за скот, пастбища и за свободу. По своему характеру она вполне совпадала со стихийной борьбой русских крепостных крестьян, которые на протяжении столетий вели борьбу за землю и свободу.

Поэтому, как при изучении Алдан маадыр, так и при его оценке, мы должны руководствоваться указанием товарища Сталина: „Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачёв и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда

представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства".¹

Конечно, выступление Алдан маадыр ни по своему размаху, ни по степени охвата масс не может сравняться с великими крестьянскими войнами в России, Китае и других странах. Но по своему содержанию, по своему существу оно вполне может быть отнесено к стихийному возмущению крестьянства.

Выступление Алдан маадыр было одним из первых и еще весьма незрелых выражений стихийного возмущения трудящихся аратов Тувы против феодального гнета, против произвола и насилия тувинских феодалов-чиновников. Движение это не охватило широкие массы тувинских аратов, было ограничено небольшой наиболее активной массой аратов, но оно пользовалось симпатиями большой части аратства, которое не могло не восхищаться и не гордиться подвигами Алдан маадыр, не только завоевавших себе на время фактическую свободу, но и пытавшихся с оружием в руках отстоять ее против своих врагов. В этой связи следует напомнить, что еще Катанов записал в Туве народные песни, имеющие прямое отношение к изучаемому событию: „Расскажи о текущем извилинами Еле-Кеме, имя которого дошло до чиновников Эдзена (китайского императора). Расскажи об имеющей овраги Оргинской степи, имя которой дошло до чиновников нойона (Ульдзай Бачира)“².

В этой песне слышится гордость народа за подвиг Алдан маадыр, о силе которых узнали амбын-войоны и даже сам китайский император.

Жестокость, небывалая прежде в истории Тувы, с какой тувинские чиновники подавляли восставших, больше всего показывает антифеодальный характер выступления Алдан маадыр. Это движение отличается от событий 1876—1878 г.г. тем, что Алдан маадыр сделали, пусть слабую, без необходимой решительности, но попытку сопротивляться вооруженным силам врага, численно превосходящим силы Алдан маадыр. То, что Алдан маадыр не проявляли необходимой энергии, решительности, и по сути дела отказались в критический момент от пролития крови вражеских цириков, говорит об отсутствии у них твердого сознания необходимости кровопролитной борьбы с врагами, о непонимании того, что такую борьбу надо доводить до конца, но это не умаляет самого факта подготовки Алдан маадыр к вооруженной борьбе.

Движению Алдан маадыр в некоторой степени удалось преодолеть связывавшие и мешавшие формированию классово-

¹ И. В. Стalin. Соч., т. 13, стр. 112.

² Катанов, Ук. выше соч. стр. 52.

то сознания трудящихся аратов в Туве чувства патриархально-родовой замкнутости. Среди Алдан маадыр мы встречаем людей из разных родов кемчикских хошунов: Монгушей, Ондаров, Сарнгларов, Ооржаков и других. Правда, в своих планах они еще не идут дальше целей объединения тувинцев двух хошунов, тем не менее объединение в одном движении людей разных родов и их более чем двухлетнее сотрудничество в борьбе с врагом является существенным шагом вперед после 1876—1878 годов, когда выступили только представители двух родов, а главным образом араты рода Монтуш.

Причины поражения Алдан маадыр следующие:

„Крестьянские восстания,—учит И. В. Сталин,—могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели”¹. Стихийное возмущение тувинских аратов, вылившееся в движение Алдан маадыр, подобно всем крестьянским бунтам феодальной эпохи, было весьма примитивно по своей идеологии. Программа Алдан маадыр, в конце концов, сводилась к тому, чтобы заменить плохих правителей „хорошими” правителями. Идеология движения Алдан маадыр носила на себе черты патриархально-родовых представлений.

Слабость Алдан маадыр оказалась в том, что они, несмотря на симпатии к ним народной массы, на поддержку их со стороны этих широких масс, не понимали необходимости активного вовлечения широких слоев народа в борьбу против феодалов. Движение Алдан маадыр имело возможности превратиться в массовое аратское движение, в своеобразную крестьянскую войну, однако в таковую не превратилось, вследствие пассивного отношения основной массы аратов к движению.

Выступление Алдан маадыр было ограничено небольшим, хотя и наиболее густо населенным районом Тулы. Этот локальный характер движения сделал его ограниченным и способствовал разгрому восставших.

* * *

Подведем теперь итоги нашему обзору народных выступлений в Туве в XIX столетии. Изучение этих народных движений показывает, что ведущим моментом в этих движениях была борьба классов.

Несмотря на то, что борьба тувинских аратов против феодализма носила еще самый зачаточный характер и была весь-

¹ И. В. Сталин. Соч., том 13, стр. 112—113.

ма примитивной, она имела важное историческое значение в жизни тувинского народа в том, что углубила традиции борьбы тувинского народа против своих уинетателей, и сыграла свою роль в последующей борьбе тувинского народа за свое национальное и социальное освобождение. Она, несомненно, способствовала историческому прогрессу, в частности, изживанию патриархально-родовых пережитков и расшатыванию в целом всей системы патриархально-феодальных отношений.

Эта борьба показала, что возможности победы тувинских трудящихся определяются их связями и дружбой с трудящимися той страны, господствующие классы которой являлись порабощителями тувинского народа. В частности, одной из решающих причин поражения народного движения в Туве была изолированность этого движения от движения в других странах, и прежде всего, от движения тех народов, которые в одинаковой мере с тувинскими аратами подвергались эксплуатации китайского богдыхана и русского царя. Своими выступлениями в 70—80 г.г. тувинские араты одновременно задевали интересы тувинских, монгольских, китайских феодалов и российских торговцев, что заставляло в подавлении народного движения выступать всех врагов тувинского народа совместно, и в совокупности силы внутренних и внешних врагов тувинского народа были крупнее и неизмеримо значительнее, чем силы восставших аратов. Отсюда, события 70—80 г.г. показали, что тувинским аратам без поддержки другого, более многочисленного трудового народа спрятаться со своими врагами невозможно. Судьбы трудящихся масс таких малых народов всегда определяются ходом борьбы трудовых масс стран метрополии, вообще поддержкой международного революционного и национально-освободительного движения. Народы колониально-зависимых стран больше всего заинтересованы в общей солидарности трудящихся всего мира. События 70—80 годов показали, что тувинские трудящиеся могут рассчитывать на победу только при условии тесного соединения с великим русским народом, пролетариат которого в тот период времени уже заявил себя целым рядом выступлений, говорящим о его великом революционном значении в ближайшем будущем.

Ю. Л. Аранчын.

О ДРЕВНИХ ЕНИСЕЙСКИХ КАМНЕПИСНЫХ ПАМЯТНИКАХ НА ТЕРРИТОРИИ ТУВИНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Советские историки, чтобы наиболее полно воспроизвести историю древних людей, обитавших на территории нашей Родины, проводят большую научно-исследовательскую работу. С этой целью они ежегодно совершают многочисленные научные экспедиции в различные районы страны, производят археологические раскопки и изучают исторические памятники. Эта сторона деятельности советских ученых дает ценнейшие материалы, рисующие картину древней истории нашей Родины.

На основе великого учения Маркса — Энгельса — Ленина—Сталина советские историки, исходя из данных археологических и других источников, обогащают историческую науку.

Среди многочисленных древних памятников, сохранившихся до наших дней, наскальные орхоно-енисейские письменные надписи являются очень ценными источниками для советской исторической науки по изучению истории ряда народов Сибири.

Из всех до сих пор известных камнеписных памятников с древнетюркскими надписями большинство обнаружено на территории Тувинской автономной области РСФСР. По утверждению доктора исторических наук С. В. Киселева из около 50 надгробных памятников с древне-турецкими надписями, 35 обнаружены на территории Тувинской автономной области.¹

Ценность этих памятников для науки несомненна: они дают материалы для исследования вопросов развития языков в особенности тувинского языка, а также дают материалы большой важности для исторической науки.

¹ С. В. Киселев — Древняя история южной Сибири. М. 1952 г. стр. 607.

Наша партия и Советское правительство уделяют большое внимание делу охраны и всестороннего изучения археологических и других исторических памятников, имеющихся на территории нашей необъятной Советской Родины.

Изучение древнетюркских наскальных надписей началось давно. До конца прошлого столетия русскими учеными в Центральной Азии были собраны многочисленные материалы по древнетюркской письменности. Однако ученым долго не удавалось разгадать тайны письменности молчаливых камней, простоявших в течение столетий на просторах Азии. Только в 1893 году русскому ученому В. В. Радлову, а затем датскому ученому В. Томсену удалось дешифровать эту наскальную письменность и тем самым открыть тайны этих камней.

Благодаря этому открытию стали известными многие стороны истории, языка и культуры древних народов Центральной Азии, обитавших здесь в VI-VIII веках нашей эры.

Русские и советские ученые обнаружили и изучили многочисленные памятники с енисейской древнетюркской письменностью на территории Тувы.

Памятники с древнетюркской письменностью были обнаружены в районах Пий-Хема (Уюк, Туран), Улуг-Хема (Огтук-Даш, Кара-Суг, Куйлуг-Хем), Чая-Холя, Хемчика, Барун-Хемчика (Барлык), Танды (Элегест). Есть сведения о наличии таких памятников и на территории Овюрского и бывших Монгун-Тайгинского и Тере-Хольского районов.

Автором этих строк обнаружен и расшифрован надгробный памятник с древне-енисейской надписью в самом южном, прилегающем к границе Монгольской Народной Республики, Тес-Хемском районе Тувинской автономной области. Ниже приводится описание этого памятника и дешифровка надписи.¹

* * *

Сайгынская плита с древнетюркской надписью

В местности Кезек-Терек Чыргаландинского сумона Тес-Хемского района Тувинской автономной области у подножья двух одиноко возвышающихся гор, известных среди местного населения под названием гор Сайгын, с южной их стороны расположены три каменные плиты, ранее неизвестные ученым. Местные старожилы утверждают, что у этих памятников не было ни одного исследователя.

Две плиты (одна высотой около 2 м, вторая — около 3 м)

¹ Впервые сообщение о Сайгынской плите автором было сделано в сборнике „Эпиграфика Востока“ № 5 за 1951 г.

находятся на возвышении и отстоят друг от друга метров на двести.

Третья плита, с надписью, расположена на юго-востоке от первых двух на расстоянии примерно в 1 км. Эта плита

возвышается с северной стороны искусственной каменной насыпи, уложенной в виде квадрата размером в 7 м по стороне. Она имеет неправильные очертания и утолщения, обращены плоскими поверхностями на юг и север (см. рисунок). Высота плиты 130 см; ширина южной (лицевой) плоскости: у основания — 20 см, в средней части 45 см, у вершины — 24 см. Северная плоскость несколько шире южной.

На северной стороне плиты высечен орнамент неясного очертания. На лицевой стороне в первой части также

имеется зооморфное изображение (на схематическом рисунке это изображение опущено), а на левой части — вертикальная надпись, составленная из шести орхоно-списейских букв размером в 7—10 см каждая. Посредине надписи точка; второй точки не было обнаружено. Сохранность надписи удовлетворительная, испорчена только одна средняя буква.

Чтение надписи (снизу вверх)

А Ч К·λ>Ч или А Ч Е·λ>Ч

Транслитерация

Б₂ Н Й [?] Ч У Р₁ или Б₂ Н Г₂ [?] Ч У Р,

Транскрипция
БӨНҮЧУР или БӨНГҮЧУР
Перевод

Слово ЧУР, видимо, является вторым элементом сложного собственного имени (ср. имена древних тюрков: КУЛИ-ЧУР — бег тардущей; МОЮН-ЧУР — первый хан уйгурской династии; ИИГЕН-ЧУР, КҮЛДҮГ-ЧУР). И тогда первые три буквы Б₂, Н, Ў или Б₂, Н, Г₂ составляет первый элемент этого сложного имени, который мог звучать БӨНҮ (ср. с именем БӨГҮ-КАГАНА — двоюродного брата Кюль-тегина) или БӨНГҮ.

Таким образом вся надпись составляет одно двухэлементное имя БӨНҮЧУР или БӨНГҮЧУР, носитель которого вероятно, погребен под каменной насыпью у этой плиты.

* * *

Вполне возможно, что такие памятники древности, еще не обнаруженные и не изученные, имеются в нашей области. Задача заключается в том, чтобы сохранить эти памятники, изучить их и тем самым, содействовать развитию нашей самой передовой в мире науки.

О. Саган-оол, Ю. Кюнзегеш, А. Мазуревская:
КРАТКИЙ ОЧЕРК ТУВИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

Советская литература является самой передовой и идеиной в мире.

История становления, развития и расцвета советской литературы, как важнейшей части культуры, неразрывно связана с историей нашей страны, с борьбой Коммунистической партии за воспитание активных и сознательных строителей коммунистического общества, с именами великих вождей — В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Исключительную роль в развитии советской литературы сыграл I Всесоюзный съезд советских писателей в 1934 году. Советская литература, по выражению А. М. Горького, стала «учительницей литературы всего мира».

Гениальные труды И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкоznания“ и „Экономические проблемы социализма в СССР“ открыли советской литературе новые пути в совершенствовании ее национальной художественной формы и развитии социалистического содержания.

XIX съезд Коммунистической партии, отметив большие достижения нашей литературы и указав на ее недостатки, поставил перед литературой новые ответственные задачи.

Таким образом, направляющее руководство Коммунистической партии являлось и является залогом успешного развития советской литературы, национальной по форме и социалистической по содержанию.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция, разбившая цепи национального угнетения в России, пробудила к активной борьбе против угнетателей и народы Востока.

При прямой и решительной поддержке великого русского народа тувинский народ освободился от феодального и

колониального гнета, создал Тувинскую Народную Республику (ТНР).

И. В. Сталин учит, что Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие. Великая Октябрьская социалистическая революция дала тувинскому народу новую жизнь, новое развитие. В Туве создались условия для успешного развития национальной культуры.

В 1930 году научные организации СССР помогли организациям культуры ТНР разработать основы национальной письменности. Введенная с 1930 года, она положила начало культурной революции в Туве. В начале 30-х годов в Туве уже выходили газеты: „Шын“, „Хостуг арат“, „Аревэ шыны“. Письма трудовых аратов в газеты были первыми литературными произведениями тувинского народа.

О победе над феодалами и колонизаторами, о повороте ранее отсталой, закабаленной страны к своему расцвету, о величайшей роли Октября, открывшего путь тувинскому народу к новой, свободной жизни, о вождях революции — Ленине и Сталине — говорили в первых стихах молодые поэты Тувы. Весьма несовершенные по форме, они были исполнены большой искренности и правдивости, ибо начинающие поэты стремились выразить в стихах свои самые сокровенные думы и чаяния. Наряду со стихами в газетах печатаются очерки и рассказы.

Таким образом, 30-е годы — период становления тувинской художественной литературы, характеризуемый массовостью литературного движения.

Значительной вехой на пути развития тувинской художественной литературы явились пушкинские дни в 1937 году. Вместе с советским народом общественность Тувы широко отметила столетие со дня смерти великого русского поэта А. С. Пушкина.

С. К. Тока, А. Чимба и С. Сарыг-оол перевели на тувинский язык ряд стихотворений А. С. Пушкина: „К Чаадаеву“, „В Сибирь“, „Деревня“, „Вакхическая песня“ и другие.

На страницах газеты „Шын“ С. К. Тока в феврале 1937 года обратился к читателям с призывом изучать произведения А. С. Пушкина, сделать бессмертное наследие великого русского народа оружием в борьбе за дальнейшее развитие тувинской художественной литературы. Обращение вызвало горячий отклик. В печати появились новые переводы произведений А. С. Пушкина (повесть „Капитанская дочка“, сказки „О рыбаке и рыбке“, „О Попе и его работнике Балде“ и другие.)

Развитие тувинской художественной литературы шло под

благотворным влиянием русской классической и советской литературы.

Огромную пользу молодым тувинским писателям принесла работа над переводами на родной язык ряда произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко, А. М. Горького, К. Тренева, Д. Джамбула, В. Лебедева-Кумача и других.

Хотя качество переводов было далеко несовершенным, сам процесс работы заставлял серьезно задумываться над задачами художественной литературы, над особенностями мастерства того или иного писателя, подсказывал новые темы для творчества. В 1941-1944 годы определяются ведущие писатели в тувинской художественной литературе.

Великая Отечественная война советского народа дала новое содержание творчеству тувинских писателей. В годы войны появились стихи и песни, воспевающие героизм советских воинов и призывающие к помощи Советскому Союзу в его героической борьбе с гитлеровскими захватчиками. Основная тема поэтических и прозаических произведений военных лет — нерушимая дружба тувинского и советского народов.

Большую помощь тувинским писателям в организационной и творческой работе оказал Союз советских писателей СССР. В 1942-43 г. г. в Туву в творческую командировку были направлены писатели С. Щипачев и В. Кожевников. В этот период оформляется писательская организация Тувы. В ноябре 1942 года был создан Союз тувинских писателей. С тувинской литературой начинают знакомиться и советские читатели. На русский язык переводится ряд стихотворений тувинских поэтов и первая часть повести С. К. Тока „В берестяном чуме“.

За 23 года существования Тувинской Народной Республики тувинский народ, благодаря огромной помощи Советского Союза, добился значительных успехов в деле политического, экономического и культурного преобразования своей страны. Подводя итоги 20-летнего развития страны, XII съезд ТНРП¹ особо отметил, что „вся история революционной борьбы тувинского народа, весь опыт революционного строительства неопровергнуто доказали, что только в братской дружбе и органической связи с Союзом Советских Социалистических Республик, только следуя по пути, указанному великими вождями трудящихся всего мира—Лениным и Сталиным, тувинский народ сможет и дальше укреплять народно-революционное государство и обеспечить дальнейшее политическое, хозяйственное и культурное развитие страны к социализму“. Весь ход истории ТНР все больше и больше убеждал тувин-

¹ Тувинская Народно-революционная партия.

ский народ в том, что Тува может добиться полного расцвета только в братской семье народов Советского Союза.

Вступление Тувы в 1944 году в состав СССР на правах Тувинской автономной области явилось закономерным результатом двадцати трех летного развития ТНР.

За прошедшие девять лет в хозяйственной и культурной жизни области произошли коренные преобразования. Успешно развивается колхозное животноводство и земледелие, социалистическая промышленность и культура, неуклонно повышается материальное благосостояние и культурный уровень трудящихся. В Туве — около 200 общеобразовательных школ, ряд специальных средних учебных заведений, училищный институт, сотни библиотек, домов культуры, клубов и изб-читален, национальный театр, научно-исследовательский институт, отделение Союза советских писателей, краеведческий музей. Трудящиеся Тулы знают, что своими успехами они обязаны мудрому руководству родной Коммунистической партии.

Борьба за социалистические преобразования экономики, культуры и быта тувинского народа потребовала коренной перестройки всей творческой жизни тувинских писателей. В 1945 году Союз писателей ТНР был преобразован в тувинское отделение Союза советских писателей.

С 1942 года произведения тувинских писателей печатаются в постоянном органе тувинского отделения ССП — альманахе. Первоначальное название альманаха — „Заря революции“. В годы Великой Отечественной войны альманах выходил под названием „За Родину“, затем — „Боевой клич“. В 1946 году альманах был переименован в „Улуг-Хем“. Под этим названием в настоящее время он выходит на русском и тувинском языках.

Вступление Тувы в Советский Союз во много крат усиливает интерес трудящихся молодой советской области к классической русской и советской литературе. Освоение великих культурных ценностей, созданных народами СССР и, прежде всего, великим русским народом, становится жизненной потребностью тувинского народа. Работа тувинских писателей над переводами произведений художественной литературы с русского на тувинский язык приобретает особо важное, политическое значение.

Значительный труд многих писателей вкладывается в создание учебников для тувинских общеобразовательных школ и переводы произведений русских классиков и современных советских писателей на тувинский язык. Так поэт Л. Чадамба является автором-составителем „Букваря“ и „Книги для чтения“, писатель С. Сарыг-оол — автором хрестоматий для чтения 4—5 классов и „Букваря для взрослых“, О. Саган-оол — хрестоматий для чтения 6 класса и т. д.

Краткий обзор тувинской художественной литературы показывает, как тувинские писатели решали и решают задачи, поставленные перед Союзом советских писателей Коммунистической партией Советского Союза.

ПРОЗА

Зарождение тувинской художественной прозы относится к 30-м годам, к тому периоду, когда после создания тувинской письменности началось массовое движение в литературу.

Основоположником и зачинателем тувинской прозы явился С. К. Тока. Первый рассказ С. К. Тока „Муки батрака“ был напечатан в 1932 г. В 30-е годы С. К. Тока пишет ещё ряд рассказов и очерков: „Поездка в Каргы“ (1936 г.), „Москва майская“ (1937 г.), „Бюлчуней“ (1937 г.) и автобиографический рассказ „Мои воспоминания“. Рассказы „Муки батрака“ и „Мои воспоминания“ позднее были положены в основу большой автобиографической повести „Слово арата“. В своих произведениях С. К. Тока показал путь бедняков-аратов к новой жизни. Если в ранних рассказах С. К. Тока рисовал тяжелую батрацкую жизнь тувинской бедноты, то в более поздних он отражает рост сознания бедняков-аратов, их борьбу за новую жизнь. В творчестве писателя нашли отражение новые отношения людей к общественной собственности, коллективному труду, рост новых людей.

Колхозной жизни посвящен рассказ С. К. Тока „Охота на волков“ (1948 год). Содержание рассказа, который ведется, главным образом, от лица знатного колхозного скотовода Чамыяна, несложно.

Морозным вечером к юрте скотовода подъехал известный охотник на волков Улуур-Херел. Обеспокоенный тем, что вокруг порученного ему колхозного стада бродят волки, Чамыян поделился своей тревогой с охотником. Тот предложил сейчас же отправиться на охоту. Высокое мастерство, большая выдержка, мужество Улуур-Хереля производят неизгладимое впечатление на Чамыяна. Восприняв урок, преподанный ему Улуур-Херелем, Чамыян и сам становится знаменитым истребителем волков. Автор рассказа убедительно показывает, что движущей силой всего поведения Чамыяна было чувство ответственности за колхозное стадо, за колхозную собственность.

Молодое поколение строителей коммунистического общества не испытало гнета тяжелой жизни в старой, дореволю-

ционной России. Не зная прошлого, нельзя в полной мере оценить величайших изменений, какие произошли в жизни нашей страны за годы Советской власти. А. М. Горький настойчиво призывал советских писателей обнажать тяжёлое прошлое, чтобы сильнее выступало все величие завоеваний Октября. Повесть С. К. Тока „Слово арата“, удостоенная Сталинской премии, усмешно выполняет эту задачу.

Книга носит автобиографический характер. Однако её значение гораздо шире — она повествует о жизни батраков и бедняков-аратов в дореволюционной Туве. События и герои показаны в книге через восприятие подростка. Такая форма дает возможность автору широко раскрыть тему и вместе с тем усиливает искренность и непосредственность повествования. С большой реалистической силой писатель рисует картины безысходной нужды, на какую была обречена семья тувинской батрачки Тас-Баштыг — его матери. Осень и суровые зимы семья проводила в берестяном чуме, не спасавшем ни от дождя, ни от стужи. Не было одежды, не было пищи. „Жили мы здесь, — вспоминает автор, — как лесные зверушки... К концу зимы мы избегали смотреть друг на друга, — такой жуткий вид был у нас“. В поисках работы семья постоянно кочевала с одного места на другое, но её всюду преследовали голод и издевательства.

Такой была участь не только семьи Тас-Баштыг, такова была трагическая судьба всего трудового тувинского народа, подвергавшегося двойному гнету — местных нойонов, баев и чужеземных захватчиков. Бедняки-араты и батраки были лишены самых необходимых условий для жизни. „В те годы арат-бедняк не смел держаться прямо и должен был ходить с полусогнутой спиной, с повисшими, как плети, руками, готовый к земному поклону“, — пишет С. К. Тока. В этом сжатом описании внешнего облика арата показана вся тяжесть угнетения, бесправия, до которой трудящиеся Тузы были доведены князьями и чиновниками.

Большим теплом овеян в книге образ матери писателя. Это была маленькая, хрупкая женщина, подавленная нищетой, лишенная даже собственного имени: „Настоящего имени у нашей матери не было. Соседи по арбану называли её Тас-Баштыг — Лысоголовая, потому что на голове у нее не было чи одного волоска. Может быть, ее так наказали в молодости за непослушание какому-нибудь чиновнику, а может быть, она перенесла какую-нибудь страшную болезнь“. Но огромная сила материнской любви сообщала ей мужество для борьбы за существование своих детей.

Уничтожить гнет и эксплуатацию, найти путь к новой, свободной жизни помогли тувинскому народу русские люди. Через всю книгу проходит красной нитью тема дружбы трудовых тувинцев с русскими бедняками и батраками, чьи образы на-

писаны автором с особой теплотой и любовью. Эта тема раскрывается и в тяге Тас-Баштыг к mestам, заселенным русскими поселенцами, и в дружбе Салчак Тока с русским мальчиком Ваней Родиным, с русскими батраками и бедняками. Первый раз тувинский мальчик ощутил подлинно человеческое отношение к себе в семье крестьянина-бедняка Лубошикова.

Жизнь явилась суровой школой для Салчака Тока. Он был свидетелем чудовищных издевательств, которым подвергалась мать. С десятилетнего возраста он узал тяжелый подневольный труд батрака.

Выразительно, сжато и правдиво рассказывает автор историю своего голодного детства и трудового отрочества. Но годы батрацкой жизни принесли Салчаку Тока не только горести и лишения. Они научили его любить своих друзей — таких же бедняков, каким был он, и ненавидеть врагов — феодалов и кулаков. Дружба с тувинскими и русскими батраками открыла ему глаза на многое, что раньше было непонятным.

Мальчик начинает задумываться над тем, почему „под этим чистым счастливым небом так горька и беспросветна жизнь“ окружающих его бедняков.

Правильный ответ подсказывают ему встречи с русскими поселенцами. Особенно большое впечатление производят на юного Тока рассказы простого русского человека, много повидавшего на своем веку Вадима Сидорова. От него мальчик узнал о сильных и мужественных людях, которые борются за освобождение трудового народа. Сидоров вселил в его сердце надежду на лучшую жизнь. От него Тока впервые услышал уверенные слова о том, что „придет время — парод прогонит генеральных господ, скажем, Степана Михайлова да князя Идам Сюрюна, которые мучают таких людей, как мы“.

Осенью 1919 года партизанская армия Кравченко и Щетинкина, разгромив банды колчаковцев в Минусинском и Урянхайском краях, двинулась к Красноярску на соединение с регулярными войсками Красной Армии. Прятавшиеся нойоны, ламы, кульчи снова подняли голову и стали расправляться с тувинскими и русскими бедняками и батраками. Слуги нойона — „солнечного князя“ Идам-Сюрюна подвергают С. Тока пытке за то, что он ушел от кулака, и сплошь заставляют вернуться к нему. Иноша окончательно понял, что людей разделяют не национальные различия, а различия классовые. Тувинский нойон и русский кулак — в одном лагере, точно так же, как тувинские батраки Тарбаган, Тотыней, русские бедняки и батраки — Сергей Санников, Веденей Сидоров — в другом. Вместе с русским другом С. Тока бежит к партизанам. Повесть заканчивается описанием первого боя, в котором участвовал Тока. Командир объявляет

благодарность партизанам за хорошо выполненную боевую задачу.

„Служим Советской власти“, — дружно ответил отряд.

Кровью, пролитой в совместной борьбе за общее дело, скреплялась великая дружба тувинского и русского народа, с огромной силой проявившаяся в годы Великой Отечественной войны и увенчавшаяся в 1944 году вхождением Тувы в состав великого Советского Союза.

„Слово арата“ — книга, тесно связанная с народным творчеством. Главный герой повести — народ, борющийся за свою свободу. Близость к устной поэзии выражается в сжатости и выразительности языка, четкости и яркости образов, в сказках и песнях, удачно вкрапленных в повествование.

Повесть, продиктованная живой, действенной любовью автора к своему народу обладает большой человеческой правдой и искренностью. Она имеет большое воспитательно-познавательное значение. „Слово арата“ рассказывает молодым читателем о тяжелом прошлом, учит ценить настоящее, воспитывает глубокое патриотическое чувство любви к Родине.

Значение повести отмечено в ряде статей, опубликованных в нашей периодической печати. Газета „Культура и жизнь“ (№ 4 от 11 февраля 1951 г.) отметила, что „Слово арата“ — „повесть, кладущая начало художественной прозе в тувинской литературе, — яркое свидетельство дальнейшего роста культуры тувинского народа, который всего 20 лет назад не имел еще своей письменности“.

В творческих планах С. К. Тока „Слово арата“ является лишь первой частью трилогии. Вторая книга познакомит читателей с Тувой, вступившей после народной революции 1921 года на путь капиталистического развития к социализму, с жизнью трудящихся Тувы в годы Отечественной войны. Третья книга расскажет про Туву уже в составе Советского Союза, она покажет участие тувинского народа в борьбе за построение коммунистического общества в братской семье народов нашей великой Родины.

Рассмотрим кратко творческую деятельность писателя С. Сарыг-оола. Близость к устному народному творчеству характеризует одно из первых его произведений — сказку „Чудесное дерево“ (1936 г.). Идейный смысл сказки — борьба тувинского народа за счастливую жизнь. Чудесное дерево — это символ свободной жизни, которую принесла трудовым атам народная революция и новая революционная власть. Хищные звери — символические образы врагов — пытаются подгрязть и свалить чудесное дерево, но остальные обитатели леса побеждают хищников.

Очень близким к устной народной поэзии является „Богатырь светлой мудрости“ — произведение, написанное в форме сказа, — новом жанре в тувинской художественной ли-

тературе. Тема сказа — Великая Отечественная война советского народа и победа светлого гения Сталина, поднявшего весь народ на борьбу над темными силами фашизма. В 40-ые годы С. Сарыг-сол пишет еще ряд рассказов: „В новом поселке“, „Белекмаа“, „Шалжылал“ („Кара“), „Тот же Маскожик“ и повесть „Белек“ („Подарок“).

В повести „Белек“ автор правдиво показал любовь тувинского народа к Советскому Союзу, выражавшуюся в широком потоке подарков Советской Армии. С первых дней Великой Отечественной войны в Туве развернулась большая работа по оказанию всенародной помощи героической Советской Армии. В приветствии тувинскому народу в день двадцатилетия Тувинской народной революции И. В. Сталин писал: „Правительство СССР с большим удовлетворением отмечает готовность тувинского народа с оружием в руках выступить вместе с советским народом на разгром фашизма. Победа советского народа будет также победой братского тувинского народа“.¹

Борьба советского народа против гитлеровского нашествия на веки остается в памяти человечества и сиянием её немеркнущей славы озарены дела рядовых тувинских людей, внесших свой посильный вклад в эту борьбу.

Повесть „Белек“ имеет большое идеально-воспитательное значение. Она показывает укрепление дружбы тувинского народа с народами Советского Союза. В рассказе „Тот же Маскожик“, написанном в 1942 году, писатель рисует путь арата-кочевника, который многие годы работал на кулака, обрабатывая кожу. Через его руки прошли сотни шкур, но богател не он, а хозяин. Освобожденный от эксплуатации и угнетения, Маскожик становится рабочим кожевенного завода. Своим честным самоотверженным трудом он помогает Родине в тяжелые дни Великой Отечественной войны.

Теме зарождения рабочего класса в Советской Туве посвящен также рассказ писателя О. Саган-оола „Парень из сумона“.

Обращаясь к писателям, А. М. Горький писал: „Нам необходимо знать не только две действительности — прошлую и настоящую. Нам нужно знать еще третью действительность — действительность будущего. Мы должны эту третью действительность как-то сейчас включить в наш обиход, должны изображать её. Без нее мы не поймем, что такое метод социалистического реализма“.

В рассказе „Парень из сумона“ писатель стремился показать одну из существенных сторон будущего. Тувинская автономная область вошла в полосу больших экономических преобразований. Будут построены большие, оснащенные вы-

¹ Тувоблагосархив, фонд 33, опись 1, дело 34, лист 1.

ской техникой заводы, и тысячи парней из сумона приобретут здесь квалификацию, станут передовыми людьми советской промышленности. Развитие промышленности в Туве непосредственно вытекает из ленинско-сталинской национальной политики.

Молодой Бады, герой рассказа „Парень из сумона“, не знал другой жизни, кроме кочевой. Желание стать рабочим приводит его в город. Завод с его техникой, помошь мастера и рабочих, новый мир людей, спаянных общими стремлениями к высокой цели — все это шаг за шагом производит коренной переворот в сознании Бады.

Продвижение нашего общества вперед, рост коммунистической сознательности советских людей происходит путем борьбы нового со старым, передового с отсталым: „Борьба между старым и новым, отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития“, — учит И. В. Сталин. Раскрыть, показать в художественном произведении сопротивление старого и победу нового — значит, отразить жизненно-правдивый конфликт, без которого произведение лишается своей основы, стержня всего содержания.

Отказ Бады от частно-собственнических взглядов, формирование нового отношения к труду, как к делу чести, доблести и геройства, весь путь перестройки его психологии — это сложный и длительный процесс. Мастеру Василию Ивановичу, кадровику завода Доржу, вожаку комсомольцев Тэмиру пришлось, конечно, много поработать, да и сам Бады много передумал, пережил, пока стал в ряды передовой молодежи завода.

Писатель в небольшом по объему рассказе, естественно, не мог показать всей сложности перевоспитания арата-кочевника в передового рабочего, но он, в основном, верно показал процесс формирования национальных кадров промышленных рабочих в Тувинской области.

Глубоким идеяным содержанием отмечен и другой рассказ О. Саган-оола „Дружба“. Здесь писатель показал хорошую товарищескую дружбу между русским врачом и тувинским охотником. Эта дружба — символ нерушимой дружбы между русским и тувинским народами.

Выступая на XIX съезде партии, товарищ Маленков Г. М. говорил: „Мы имеем крупные успехи в развитии советской литературы... Однако было бы неправильно за большими успехами не видеть крупных недостатков в развитии нашей литературы... Многогранная и кипучая жизнь советского общества в творчестве некоторых писателей и художников изображается вяло и скучно... Нам нужны советские Гоголи

и Щедрины, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни всё отрицательное, прогнившее, омертвевшее, всё то, что тормозит движению вперед.”¹

За несомненными достижениями молодой тувинской прозы нельзя не видеть многих существенных недостатков. Идейно-художественный уровень некоторых произведений остается еще недостаточно высоким. Многогранная жизнь, кипучий созидательный труд трудащихся молодой советской области не получают достаточно яркого, интересного отражения в литературных произведениях.

В тувинской литературе нет подлинно сатирических произведений. Тувинские писатели должны разрешить задачу создания крупного сатирического жанра. Долг тувинских писателей — активно участвовать в разрешении ответственных задач, поставленных перед советской литературой XIX съездом КПСС, — смело показывать жизненные противоречия и конфликты, умело пользоваться оружием критики, как одним из могучих средств воспитания, наиболее полно раскрывать высокие моральные качества, типичные положительные черты характера рядового советского человека — создавать крупные художественные воспитывающие произведения, достойные нашего великого народа-победителя, народа-созидателя.

¹ Г. М. Малеиков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952 г., стр. 72, 73.

П О Э З И Я

Тувинская поэзия возникла на основе устного народного творчества и творческого изучения первыми тувинскими поэтами произведений русской и советской литературы.

В 1934-1937 годах воявились в печати первые стихотворения Степана Сарыг-оола „Эрге-шалээ биетэ турда“ („Когда мы имеем свободу“), в котором поэт рассказывает о великой братской помощи народов СССР тувинскому народу, „Хэрэжэн“ („Женщина“), „Тиилээн бис“ („Мы победили“) — о тяжелом прошлом тувинского народа, о раскрепощении женщин; из стихотворений молодого поэта-рабочего Б. Ховсиймяя следует отметить стихотворения „Хостуг арат билин туроол“ („Свободный арат внимает“), „Октябрьниц сю“ („Годовщина Октября“).

Произведения группы молодых авторов были изданы в 1937 году в литературном сборнике („Чыныды Чогаадар“). Это было по-существу первой серьезной творческой заявкой поэтов Тувы.

В 1939 году вышла вторая книга этого сборника, куда вошли, помимо произведений начинающих авторов, также записи устного народного творчества — песни, пословицы, поговорок и сказок.

На страницах газет „Шин“, „Хостуг арат“, „Аревэ шины“ печатается много стихотворений и записей фольклора. Молодые поэты использовали в своих новых по содержанию произведениях старый песенный размер, традиционный синтаксический параллелизм, фольклорные сравнения. Первые стихи тувинских поэтов страдали эстрофичностью, отсутствием четкой ритмики, бедностью средств звуковой организации стиха.

Повышению художественного мастерства молодых тувинских литераторов содействовали переводы произведений А. С. Пушкина. В стихотворениях появились новые размеры стихосложения, новые художественные приемы использования изобразительных средств поэзии.

В мае 1939 года создается группа начинающих писателей при Тувгосиздате (Комитет печати). Появляются первые произведения поэтов В. Эренчина и Л. Чадамба.

В дни Великой Отечественной войны советского народа с немецко-фашистскими захватчиками еще громче зазвучали голоса тувинских поэтов, призывающие армии к оказанию всемерной помощи Советской Армии — защитице и освободительнице народов. В эти дни появились в печати такие стихи, как „Светлое солнце“, „Мать Хорлуу“ — С. Сарыг-оола, „Майский подарок“, „Московская победа“, „Берлин-капут“ — Л. Чадамба, „Живее живых“, „В стане врагов“ — Б. Ховенмяя и другие стихи тувинских поэтов, отражающие патриотический подъем народа, зовущие армий на борьбу против гитлеровских захватчиков. В стихотворении „Знамя победы“ поэт С. Сарыг-оол писал:

„У Родины моей, прославленной веками, —
Народов много и, как звезд, не счесть людей.
Но наше ленинское-сталинское знамя
Одно у всех племен родной страны моей.
У Красной Армии — одно святое знамя,
У ней один завет на боевом пути:
Друзьям в беде помочь, а встретившихся с врагами,
Бить на смерть, чтобы мир к победе привести.

(Перевод А. Тэмира.)

Основные мотивы тувинской поэзии этого периода — любовь к Родине, любовь к великой Коммунистической партии Советского Союза — вдохновителю и организатору побед советского народа.

В годы войны началось творчество многих молодых поэтов — О. Суваклита, С. Тамба, М. Кенин-Лопсана и других. На тувинском языке были изданы произведения посетивших Туву с целью оказания творческой помощи Союзу писателей ТНР С. Йипачева („Стихи о Туве“) и В. Кожевникова („Март-апрель“). В эти годы был начат перевод стихотворений тувинских поэтов на русский язык.

В 1944 г. сбылась вековая мечта тувинского народа — жить и трулиться в единой многонациональной семье братских народов Советского Союза. Благодаря мудрой ленинско-сталинской национальной политике, благодаря повседневной помощи ЦК КПСС и Советского правительства неизвестное изменилось лицо Тувинской автономной области. В молодой советской области создаются очаги тяжелой промышленности, быстро развивается социалистическое сельское хозяйство, успешно осуществляется переход трудовых армий на оседлость, расцветает национальная по форме, социалистическая по содержанию культура тувинского народа.

Исторические постановления ЦК партии по идеологическим вопросам отметили ряд существенных недостатков в развитии литературы и искусства, содействовали расцвету советской культуры. Руководствуясь постановлениями ЦК партии, тувинская областная партийная организация вскрыла крупные недостатки в творчестве отдельных поэтов, до-

и, скавших, вместо партийной заостренности, аполитичность, безнадежность, местничество, абстрактное воспевание красот природы Тувы, и поставила перед писателями Тувы ответственные задачи: создать средствами художественного слова правдивый и яркий образ нового человека Советской Тувы, во всем многообразии его творческой деятельности, человека — созидателя и борца за коммунизм, раскрыть руководящую роль Коммунистической партии, всемерно содействовать укреплению дружбы народов нашей многонациональной Родины.

Постановления ЦК партии по идеологическим вопросам содействовали расцвету тувинской литературы, которая за годы советской власти неизмеримо выросла в идейно-художественном отношении, стала по праву составной частью самой передовой, самой идейной советской литературы. Сейчас в тувинской поэзии, наряду с поэтами старшего поколения в лице С. Сарыг-оола, Б. Ховсунея, Л. Чадамба, В. Эрецина, значительное место занимает талантливая молодежь — Ю. Кюнзегеш, О. Сувакпит, С. Тамба, С. Сюрюн-оол и другие.

Значительный интерес читателя вызывает творчество С. Сарыг-оола. Степан Сарыг-оол — поэт, прозаик и драматург. Он участвовал в переводе на тувинский язык произведений русской классической и советской литературы. В творчестве С. Сарыг-оола главное место занимает поэзия. Отдельными изданиями вышли два сборника стихов поэта: „Чырык хун“ („Светлое солнце“, 1944 г.), „Саны-Моге“ (1947 г.). В 1952 году был издан сборник стихов и рассказов „Советтиг Тыва“ („Советская Тува“).

Основной мотив поэзии С. Сарыг-оола — показ тяжелого прошлого тувинского народа и счастливой жизни аратов новой Тувы, освобожденной от феодального гнета и от ига империалистических колонизаторов. Горькая доля батрака хорошо известна поэту. О безрадостной жизни тувинского батрака писал он в стихотворении „Счастье“.

Я рано в детстве потерял
Родителей своих...
Я из аала брел в аал...
Среди степей пустых.

Там, где Овюр и где Ары,
Я, средь людей чужих,
С рассвета до ночной поры,
Работал за двоих.

Лишь горстку проса получал
Иль кислой гущи я...
Сосала сердце мне печаль,
Как черная змея...

Я брата встретил как-то раз:
— Ну, как живется, брат?
— С тобой одна судьба у нас,
Богатым — рай, нам — ад! ..

Так было в феодальной Туве. Но солнце Октября взошло над Тувой. При огромной помощи великого русского народа победила Тувинская народная революция. Для трудовых аратов, для таких, как геройия стихотворения поэта „Награжденная“ Ошку-Сар, пришли счастливые дни. Батрачка, которая раньше занимала у жадных богачей „щепотку табаку, заварку чая“ стала счастливой, всеми уважаемой труженицей.

Изображение тяжелой жизни аратов до революции в творчестве С. Сарыг-оола не является самоцелью. Для того, чтобы лучше раскрыть величие наших дней, поэт прибегает к сопоставлению настоящего с прошлым. В стихотворении „Вчера и сегодня“ поэт рассказывает о социалистическом преобразовании тувинской степи, по которой раньше проходили лишь караваны верблюдов, а сегодня — колосится густая пшеница, плывут комбайны, и машины вывозят с поля золотое зерно. Там, где вчера стояли старые юрты, теперь, как весенние цветы, возникают новые дома колхозников. То, о чем девы мечтали в сказках, стало явью. Колхозники своими руками строят свое большое счастье. Такие стихи и песни С. Сарыг-оола, как „Счастье“, „Мать Хорлуу“, „Хомус говорит“, „Чавыдак“, „Молодому колхозику“ и другие, посвящены изображению жизни деревни, колхозников. Освобождение батрака, переход на оседлость кочевников, самоотверженный труд аратов во время Великой Отечественной войны Советского Союза, первые шаги коллективизации сельского хозяйства в Туве, радость колхозной жизни — таковы темы этих стихотворений.

Две поэмы С. Сарыг-оола „Саны-Моге“ и „Алдын кыс“ написаны тоже на эти темы. К сожалению, попытки С. Сарыг-оола создать большие поэтические полотна — поэмы не увенчались успехом. В поэме „Саны-Моге“ автор стремился отразить патриотический подъем аратов во время Великой Отечественной войны. Но хороший замысел не нашел своего полного воплощения в поэме. Автор допустил большую политическую ошибку. Вместо того, чтобы показать русского трудового человека, как помощника и друга тувинских трудовых аратов, поэт пытался в поэме доказать, что русский купец, вопреки жизненной правде, якобы лучше тувинского феодала, что добросовестная работа на купца, кулака приводит батрака Саны-Моге к зажиточной жизни. Эта идеализация эксплуататора, сглаживание классовых противоречий является той политической ошибкой поэта, которая делает неприемлемой для читателя всю поэму в целом, несмотря на наличие в ней ряда патриотических мест.

Страдает серьезными идеино-художественными недостатками и поэма „Алдын-кыс“. Влияние временной теории „бесконфликтности“ сказалось в том, что герой поэмы, Алдын-кыс и Байыр, совершенно неправдоподобно, счинком легко приходят к выводу о том, что совместную жизнь им нужно начать в колхозе, в новом доме, а не в старой юрте. Читатель, естественно, не верит длинным, надуманным рассуждениям героев поэмы. Художественная форма поэмы тоже страдает большими недостатками. Однообразный ритм и размер поэмы приводят к тому, что трудно отличить авторские отступления от речи героев. Илинистическая гиперболизация портретных черт Алдын-кыс и безликость образа Байыра сразу бросаются в глаза, создают странное впечатление у читателя. Эта поэма требует коренной переработки.

Недостаточно глубокое изучение жизненного материала, поверхностное отношение к изображаемому, неумение спартийных позиций дать оценку событиям — все это приводит к тому, что ряд стихотворений поэта носит поверхностный, созерцательный характер. К таким стихотворениям относятся „Пионерский лагерь“, „Сын Енисея“, „Не сердись“, „Друг“, „Мир победит“.

В стихотворении „Пионерский лагерь“ нет жизни лагеря. Автор со стороны любуется открывшейся перед ним картины пионерского лагеря. Автор не показал ни творческой жизни ребят, ни их интересов, ни самой лагерной жизни. Аналогичные ошибки допущены в стихотворении поэта „Сын Енисея“. Здесь также восхваление природы Тулы вне времени и политической обстановки.

В стихотворении „Друг“ поэт лишает труд советского человека высокой творческой вдохновленности, — тем самым допускает серьезную ошибку. Поэт сводит труд к простому добыванию пищи и изготовлению одежды, не раскрывает труп, как дело чести, доблести и геройства.

Следует сказать, что у С. Сарыг-оола имеется также ряд зрелых стихотворений, свободных от указанных выше недостатков („Рассказ летавшего“, „Огонек“, „День рождения богатыря“ и др.). Это позволяет надеяться, что ослабленная за последние годы творческая деятельность С. Сарыг-оола получит новое длительное и сильное оживление, что на основе глубокого изучения новой наполненной созидательным творческим трудом жизни тувинского народа, нашедшего свое счастье в братской семье народов Советского Союза, поэт создаст новые высокоидейные, высокохудожественные произведения. В докладе на XIX съезде партии Г. М. Маленков подчеркнул, что долг наших писателей глубже изучать жизнь советского общества, создавать художественные произведения, достойные нашего великого народа.

Поэт Леонид Барандаевич Чадамба начал свою творческую

работу в годы Великой Отечественной войны. Биография поэта типична для представителя молодой тувинской интеллигенции. Л. Чадамба вырос в берестяном чуме высокогорной Тоджи. Будущий поэт рано лишился родителей и, только благодаря победе Великой Октябрьской революции, получил образование. Свою плодотворную поэтическую работу поэт сочетает с активной государственной деятельностью депутата Верховного Совета СССР. Много труда вложил Л. Чадамба в создание учебников родного языка для тувинских школ.

Педагогическая деятельность в школе, работа над учебниками привела поэта к созданию стихов для детей. Стихи, посвящённые детям, отличаются знанием детской психологии, умением рассказать доступным, понятным языком о величии Родины, о красоте ее природы, о пафосе труда советского человека. Стихи для детей Л. Чадамба „Кто Я?“, „Синица“, „Цветы“, „Юные натуралисты“, паряду с такими стихотворениями, как „Синичка“, „Березка“ — С. Сарыг-оола, „Щенок“ — О. Сувакпита, являются лучшими в тувинской поэзии.

Первые стихотворения Л. Чадамба для взрослого читателя, как это отмечалось ранее, появились в печати в годы войны; наиболее удачными из них являются „Московская победа“, „Берлин-капут“, „Майский подарок“. Наибольший расцвет дарование поэта получило в годы после вхождения Тувы в состав Советского Союза. Обращаясь к теме труда советских людей, поэт в стихотворении „Поселок Тора-Хем“ радостно отмечает рождение социалистических поселков, возникающих на месте старых стойбищ:

В тайге Саянской, сердце Тоджи,
Наш труд расцвел на радость всем,
Здесь все унылых чумов отжил:
На месте чумов — Тора-Хем!

(Перевел М. Скуратов).

Бодрую поэзию труда передает написанное яркими красками стихотворение Л. Чадамба „Песня косарей“. Автор рассказывает о том, что косарь перевыполняет нормы, что он следит за своим рабочим инструментом — косой, которая хорошо отточена, что он работает до темноты — вот прозаический пересказ одного из четверостиший, а у поэта:

Косы точены сверкают и звенят.
И торопятся, торопятся они.
Два участка я прошел к исходу дня,
Появились в небе первые огни*.

(Перевел С. Гудзенко).

Это несомненно образное стихотворение.

Советский человек — свободный смелый творец светлого коммунистического общества — центральный образ советской литературы. Обращаясь к советскому человеку, лауреат Сталинской премии поэт М. Исаковский пишет:

Ты по стране идешь. И нет такой преграды,
Чтобы тебя остановить могла.
Перед тобой смолкают водопады
И отступает ледяная мгла.

По своей душевной теплоте, близости к жизни, бодрому настроению, по умению в обыденной жизни увидеть поэзию труда, — некоторые стихотворения Л. Чадамба („Родной край“, „Песня косарей“ и другие) очень близки к поэзии М.Исаковского.

Содержание своего творчества Л. Чадамба определил, дав название сборнику своих стихотворений — „Счастье“. Многие стихи поэта посвящены счастливой жизни народов Советского Союза. Чувством безграничной любви к социалистической Родине, гордости за её величие наполнены стихотворения „Советская Тыва“, „Я видел Москву“, „Голубые реки“, „Золотой закон аратов“ и многие другие. В стихотворении „По родной земле“ говорится:

Мы Родиной своей горды.
Её всесветной славой.
Как необъятна, хороша
Советская держава!

(Перевел М. Скуратов).

Образ советской Родины тесно переплетается в стихотворениях поэта с образом столицы нашей Родины — Москвой.

Тувинский мой народ приветствует Москву,
Сроднившись с ней навек, поёт он с новой силой!

(Перевел М. Скуратов).

Сталинская Конституция озарила нашу землю, и под ее животворными лучами еще более расцвела жизнь братских народов нашей Родины. Сталинской Конституции посвящено много прекрасных стихотворений советских поэтов. К лучшим стихотворениям о Сталинской Конституции, наряду с такими произведениями, как „Я — гражданин Советского Союза“ С. Сарыг-богла, „Великая весна“ Б. Ховенмея, „Слава России“ О. Сувакнита, можно отнести и стихотворения Л. Чадамба: „Сталин — наше счастье“, „Золотой закон аратов“. В стихотворении „Золотой закон аратов“ поэт пишет:

Арат вниманием вседневно окружен,
Он волен избирать, как наш гласит закон, —
Советского Союза гражданин свободный, —
Ведь труд ему теперь стал честью втена^{одной}.

(Перевел М. Скуратов).

В идейно художественном отношении в последнее время стихи Л. Чадамба стали более зрелыми, они ритмичны, напевны, тематика стихов поэта расширяется. Но вместе с тем некоторые стихи поэта имеют существенные недостатки, не отвечают высоким растущим требованиям советского человека. „Необходимо учитывать, — говорит товарищ Маленков, — что идейный и культурный уровень советского человека неизмеримо вырос, его вкусы воспитываются партией на лучших произведениях литературы и искусства”.¹

Стихотворение поэта Л. Чадамба „Железный силач” написано в 1946 году, когда трудовые араты уже достаточно познакомились и частично овладели прибывающей в Туву широким потоком техникой. Поэтому очень странно поведение старика, спрашивающего у водителя трактора, что это за „скотина”? Затем, выяснив, что это „конь, который не устанет, ни за месяц, ни за год”, старик помчался вступать в колхоз. Очевидна оторванность от жизни, надуманность этого стихотворения.

Иногда поэт, выбрав интересную тему, не может мобилизовать достаточно средств, чтобы показать ее во всей полноте. Таково стихотворение „В нашей стране”. Здесь поэт задумал показать грандиозные масштабы строительных работ в Советском Союзе. Однако не использовал богатства изобразительных средств родного языка, не создал художественных образов, а ограничился общими фразами. В стихотворении допускается повторение одних и тех же эпитетов. Здесь явно отсутствует достаточно высокая художественная форма, которая должна соответствовать социалистическому содержанию произведения. Единство формы и содержания является необходимым условием художественного совершенства произведения. Нет сомнения, что Л. Чадамба — талантливый, растущий тувинский поэт — упорно участь и совершенствуя свое мастерство, создаст новые воспитывающие, высокохудожественные, действенные произведения.

Новой счастливой жизни тувинского народа в Братской семье Советского Союза посвящены наиболее удачные стихотворения поэта В. Эренчица:

На месте широких и ровных степей,
Где изредка юрты встречались немые,

¹ Г. М. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии, стр. 72.

Где вольно веками гулял сутовей,
Колышатся ныне хлеба золотые.

(„Пионеры на полях Тувы“. Перевод М. Скуратова).

Простыми, яркими словами нарисована поэтом картина уборки урожая:

Не помяг даже старики такого урожая:
Стоит степной, густой степной пшеница золотая.
Плынет по желтой полосе комбайн — корабль степной,
Подарок радостный прими. — страна родная, —
Так говорит наш бригадир, колхозник молодой.

(Перевел М. Соболев).

Советские поэты — активные борцы за мир, ибо советская литература — это прежде всего литература мирного труда и созидания.

„Мир будет сохранен и упрочен, — говорил товарищ Сталин, — если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца“. („Правда“, 17/II-51 г.)

Тема борьбы за мир заняла видное место в тувинской литературе. Поэты-патриоты пишут стихи о мире, воссоздают картины мирного строительства советского государства, выражают глубокое чувство всех народов мира в борьбе за лучшее будущее. Стремление тувинского народа к мирному созидательному труду, его ненависть к войне нашли отражение в стихотворениях всех тувинских поэтов.

Мирной политике Советского Союза, вселяющей спокойствие в сердца свободолюбивых людей всего мира, посвятил В. Эренчин стихотворение „Говорят Москва“. Поэт рассказывает о том, что „во взвужденном эфире“, где разностанции империалистических стран истерически призывают к войне, раздается спокойный, уверенный голос Москвы, который слушают и которому верят простые люди всего мира:

Со всей плаветой говорит наш Сталин
На близком всем, понятном языке.

И слыши этот голос, народы мира верят, что наступит тот день, когда дело мира и справедливости восторжествует на всей земле.

Для всех должны и золотиться нивы,
И птицы петь, и зеленеть трава.
Народы верят, близок день счастливый —
Ведь им об этом говорит Москва!..

(Перевел М. Соболев).

К числу существенных недостатков в творчестве В. Эренчину нужно отнести нередко допускаемое им упрощенчество, схематизм. Например, в стихотворении „В новом поселке“ жизнь советских людей рисуется как сплошной праздник. По В. Эренчину получается так, что все уже достигнуто, все трудности позади.

Это вкорне неверно. Поэт обязан показать жизнь в ее развитии, обязан показать, как советский человек преодолевает трудности. Социалистический реализм требует всесторонне рассматривать все явления жизни, правдиво отображать все богатство мыслей и чувств советского человека, раскрывать жизнь в ее многообразии, в борьбе нового со старым. Утверждая красоту и величие социалистической жизни, писатель должен показать всю правду жизни, не скрывая ее.

„Не дай бог, — писал товарищ Сталин, — если мы заразимся болезнью боязни правды. Большевики тем, между прочим, и отличаются от всякой другой партии, что они не боятся правды, не боятся взглянуть правде в глаза, как бы она ни была горька“.¹

Сожалением приходится отметить, что в последнее время В. Эренчин ослабил свою творческую деятельность. В. Эренчин, как и С. Сарыг-оол, в большом долгу перед читателем, ожидающим от них высокохудожественных патриотических произведений.

Законченностью художественной формы, чёткостью и высокой идеичностью стиха отмечено творчество поэтов Б. Ховенмей и О. Саган-оола. К числу лучших стихотворений Б. Ховенмей относятся стихотворения „Живее живых“, „Октябрь“, „Желание велико“. Последнее стихотворение написано живо, в стиле призывающей лирики: „Работай с удвоенной силой, завтра еще лучше, чем сегодня“. В стихотворении „Великая весна“ поэт воспевает счастье тувинского народа — равноправного члена многовнациональной семьи народов нашей Отчизны. Это стихотворение написано развернутой метафорой. Это — новое в тувинской поэзии. Большие творческие возможности Б. Ховенмей позволяют думать, что он в самом ближайшем времени создаст новые стихотворения, отражающие жизнь и героический труд трудящихся Советской Тувы.

В произведениях всех тувинских поэтов с большой силой отражена горячая любовь тувинского народа к великим вождям — В. И. Ленину и И. В. Сталину, к Коммунистической партии и Советскому правительству, нерушимая дружба народов Советского Союза. Одно из лучших стихотворений О. Саган-оола „Бывалый человек“ посвящено русскому боль-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 9.

шевику — помощнику и другу тувинского народа. Об этой великой дружбе пишет поэт:

Ему за сорок. Не старик,
А человек бывалый,
Точнее русский большевик,
Боец и запевала.

Он хорошо знаком с трудовыми аратами, с ними он в дружбе, а с врагом — суров и несгибаем. Он помогает аратам строить новую жизнь.

Учитель он, советчик он —
Подскажет и поможет.
Он чистым сердцем наделен,
Он прошлым жить не может.

И жизнь его — народа жизнь
Он только этим дышит,
Ведет аратов в коммунизм
И песню дружбы слышит.

Ее поют поля Тувы
И погасляют брата,
Он к нам приехал из Москвы,
На нем шинель солдата.

(Перевел С. Гудзенко).

В этом стихотворении О. Саган-оол сумел создать верный и потому убедительный образ русского большевика.

Из других стихотворений О. Саган-оола известны нашим читателям „Отец и дочь“, „Мать“, „Новь“ и раннее произведение автора „Тувинский край“. Последние годы О. Саган-оол больше работает над прозаическими произведениями; особенно ценным является его инициатива по созданию советских пьес для тувинского национального театра.

Состав тувинских поэтов постоянно, все больше и больше, пополняется за счет талантливой молодежи. Молодой поэт Ю. Кюнзегеш известен уже широкому кругу читателей. В 1952 году вышел в свет сборник его стихотворений „Степные мотивы“. В сборник вошли стихотворения, написанные преимущественно в 1949-1952 годы. Большинство стихотворений цикла „Степные мотивы“ посвящены великому счастью тувинского народа, получившему возможность жить и трудиться в семье советских народов. Поэт противопоставляет тяжелому прошлому свободную и счастливую жизнь тувинского народа в настоящем.

В стихотворении „Исторический путь“ поэт словами арата утверждает: „Далеко то время, когда появились предки тувинцев, но лишь в советское время тувинский народ получил свободу“.

Представляет интерес стихотворение „Гимн Октябрю“, где говорится:

В мире

это —

самая хорошая жизнь,

у счастливых, которые живьем

славят Октябрь.

Дорога —

широкая,

доля —

счастливая,

труд —

свободный!

Ряд стихотворений, включенных в указанный сборник — „Колхозная песня о Сталине“, „Другу-колхознику“, „На по-
косе“ и другие — посвящены колхозной жизни. Особенно со-
держательно и лирично стихотворение „Степной мотив“. В
нем воспевается радостный труд тувинских колхозников.

И зерна народных желаний взошли.

И новая жизнь на полях расцвела.

И мы не кочуем в грязи и выли,

Аратам другая дорога легла.

Да здравствует счастье колхозных полей.

Свободные люди отчизны моей.

(Перевел С. Гудзенко).

В стихотворении „Колхозная песня о Сталине“ поэт вы-
ражает благодарность тувинских колхозников великому
Сталину, творцу их счастливой, зажиточной и культурной
жизни.

Цикл стихов „Далекому другу“, в который входят сти-
хотворения „Черемуха“, „Мысли перед свиданием“, „Дале-
кому другу“, „Другу-хакасу“ и др., можно назвать лири-
ческим. Здесь высокие чувства, любовь помогает строить но-
вую жизнь, добиваться успехов в труде.

В произведении „Далекому другу“ говорится:

И в коммунизм итти тебе,

И мне итти, крылатый друг!

Мы отстоим его в борьбе

И силой душ и силой рук.

(Перевел С. Гудзенко).

В этих словах нужно видеть одно из многочисленных
доказательств положительного влияния на творчество

Ю. Кюнзегеша великого пролетарского поэта—В. Маяковского, писавшего:

Я ж с небес поэзии
Бросаюсь в коммунизм,
Потому что нет мне
без него любви.

Советский народ, занятый великим созидающим трудом, зорко охраняет мир. Мощное движение за мир, возглавляемое Советским Союзом, находит отклики в творчестве Ю. Кюнзегеша. В цикле „На страже мира“ есть яркие, целеустремленные, выразительные стихи: „Голос матери“, „Корейский народ победит“, „Бессмертная Зоя“, „Назым Хикмет“, „Сила мира“, „Открытое письмо“.

При общей положительной оценке, которую можно дать творчеству Ю. Кюнзегеша, необходимо сделать ряд критических замечаний. Бросается в глаза некоторая ограниченность тематики сборника. Слабо показаны наши героические трудовые будни. Не нашла полного отражения многогранная жизнь колхозников и рабочих Тувы. Некоторая созерцательность и риторичность стихов уводят поэта, от изображения жизни в ее противоречиях; не использовал Ю. Кюнзегеш и всех возможностей художественной изобразительности, например, внутренней аллитерации, фольклорных средств. Некоторые стихотворения („Пропагандист“, „Двадцатилетний парень“ и другие) недостаточно содержательны, написаны на низком идеино-художественном уровне.

Среди молодых поэтов нужно упомянуть имя О. Сувакпита. Он, как и все советские поэты, в своих стихотворениях отражает великое чувство любви народа к своей матери-Родине. В стихотворении „Слава России“ мы читаем:

Моя
Россия — мощная держава.
И я
От сердца говорю ей: „Слава!“
Араты мы,
Но прикажи, Отчизна, —
Солдаты мы —
Под стягом коммунизма.

(Перевел С. Гудзенко).

Не захваливая молодого поэта, можно признать творческой удачей такие стихотворения, как „Родина“, „Завтрашний Кызыл“, „Накануне Первомая“.

Поэт Салчак Тамба начал свой творческий путь интересной сказкой в стихах — „Горшок каши“. Сюжет сказки взят из народного творчества. Из малочисленных его произведе-

ний как удачные можно отметить стихотворения „Утро“, „Осуществленная мечта“, „Праздник урожая“.

В последнем стихотворении С. Тамба пишет:

Свободный труд ключом вскипая,
Аратам многое благ принес...
Недаром „Праздник урожая“
Справляет радостно колхоз.

(Перевел М. Скуратов).

Об обновлении тувинской земли, преобразуемой колхозниками-аратами, поэт пишет в стихотворении „Обновленная земля“:

Где Копту, где Хаттыг-Баалык,
Там ни плуг не ходил, ни соха,
Там бродил по степям дикий бык,
Кочевали стада пастуха.

Но сказали мы дружно: „Пора!“
И, как танки идут на войну,
Строем двинулись в степь трактора
В пустырях поднимать целину“.

(Перевел М. Скуратов).

В последние годы в тувинской поэзии появилось много новых имён. Среди них можно назвать М. Кенин-Лопсана, Т. Кызыл-оола, С. Серена и молодых русских поэтов, работающих в Тувинской автономной области—А. Машина, М. Соболева, В. Глыбочки. Нужно также упомянуть имя молодого поэта Салима Сюрюн-оола, выпустившего свой первый сборник стихотворений „Первая книга“. Произведения, вошедшие в этот сборник, говорят о несомненной талантливости его автора.

В стихотворении „Сын колхоза“ рассказывается о молодом комбайнере-ударнике, перевыполняющем нормы. Автор подчеркивает, что его герой — явление не единичное, что таких людей в Туве много:

И в родном твоём колхозе тоже
Есть такой ударник огневой.
Много на него ребят похожих...
Как зовут его, читатель мой?

(Перевела И. Плоткина).

Несомненной удачей молодого поэта является стихотворение „Москва“, в котором поэт рассказывает о величии столицы Советской державы, о трудовом подвиге москвичей. Большинство стихотворений молодого поэта написано выра-

зительно и ярко, но наряду с этим отдельные стихотворения имеют крупные недостатки. В стихотворении „После работы“ несколько снижено великое значение созидающего труда в жизни человека. Поэт не всегда тщательно отбирает словесный материал, из-за чего в стихотворениях имеют место не точные выражения, лишние строки. Не всегда еще поэт тщательно продумывает идеальное содержание своих стихов. Это особенно характерно проявилось в стихотворении „Милой“. Иногда допускается недооценка значения высокодуховственной формы. В стихотворении „Мир в наших руках“ все мысли верны, но оно малоудовлетворительно и поэтому не волнует читателя. Для преодоления этих недостатков в своем творчестве молодому поэту нужна настойчивая учеба и большая работа над собой.

Краткий критический обзор тувинской советской поэзии позволяет сделать некоторые выводы. Тувинская поэзия — самая молодая в советской литературе. За годы советской власти в Туве она достигла значительных успехов. Тувинские поэты сумели преодолеть в своем творчестве целый ряд серьезных ошибок, таких, как аполитизм, бесцельное любование природой родного края, и сумели отразить в своих стихотворениях сегодняшний день нашей страны и родной области. Но в ряде стихотворений еще допускаются ошибки, которые свидетельствуют о том, что не все поэты в достаточной мере овладели знаниями марксистско-ленинской теории. Не все поэты внимательно и вдумчиво изучают многогранную жизнь советских людей.

Серьезным тормозом в работе тувинских поэтов является слабое развертывание принципиальной партийной критики. Необходимо, чтобы стихотворения поэтов систематически обсуждались широким кругом читателей, чтобы принципиальная критика повседневно помогала поэтам в их ответственной работе. Нужно при Тувинском отделении ССП создать постоянно действующую, активно работающую секцию критиков. Тувинские поэты должны внести свой достойный вклад в сокровищницу советской поэзии.

„Советские люди, — говорил товарищ Сталин, — считают, что каждая нация, все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее“. („Правда“ от 13 апреля 1948 года).

У тувинских поэтов есть все возможности для того, чтобы создать высокодидайные, воспитывающие произведения. Для этого нужно серьезно заняться своим политическим образованием, повышением художественного мастерства и вдумчиво изучать жизнь.

ДРАМАТУРГИЯ

Советская драматургия, как неотъемлемая часть советской литературы, должна служить интересам советского народа, отображать в правдивых художественных образах нашу социалистическую действительность, наш путь к коммунизму, утверждать передовые идеи современности.

И перед молодой тувинской драматургией стоят эти же большие задачи. Наши драматурги должны деятельно участвовать в завершении социалистических преобразований экономики и культуры области, показать в своих произведениях людей сталинской эпохи — строителей коммунизма, дружбу тувинского народа с братскими советскими народами, руководящую и направляющую роль Коммунистической партии в развитии новой, советской Тувы.

В недавнем прошлом Тува не имела и не могла иметь своего национального театра. Не было ни клубов, ни других очагов культуры и искусства. Зарождение национальных театральных представлений относится к 1925 году, когда в Кызыле началась постановка первых пьес, не имевших написанного текста и создаваемых исполнителями путем импровизации. Естественно, что эти пьесы не могли удовлетворить растущих запросов зрителей. Только после введения тувинской национальной письменности стало возможным создание настоящих драматических произведений с постоянным текстом.

Первая написанная пьеса „Девушка из колхоза“ А. Тэмира появилась в 1931 г. Вслед за ней были напечатаны еще несколько пьес местных авторов, среди которых особенно выделялись пьесы С. К. Тока „Хэрэжэн“ („Женщина“) и „Узун-Кара и Семис-Кара“. Ценность этих пьес в актуальности их тематики, в правдивом изображении жизни тувинского народа. Основное содержание пьес — борьба тувинской бедноты с феодалами, борьба за новый быт, за грамотность, за культуру. Так путем импровизации и создания первых национальных пьес родилась тувинская национальная драматургия.

Тувинские драматурги, совершенствуя своё мастерство и создавая первые пьесы из жизни Тувы, одновременно работали над переводами таких пьес русских и советских дра-

матургов как „Любовь Яровая“ К. Тренева, „Мятеж“ Д. Фурманова, „Русские люди“ К. Симонова и другие. Работа писателей по переводу произведений советской драматургии на тувинский язык оказала плодотворное влияние на молодых тувинских драматургов, на их работу по созданию пьес для национального театра.

Одним из инициаторов создания национальной драматургии был писатель С. К. Тока. В тридцатых годах, как говорилось выше, им были созданы пьесы „Хэрэжэн“ и „Узун-Кара и Семис-Кара“. Эти пьесы, написанные простым и выразительным языком, отвечали на актуальные вопросы того времени. Они имеют определенное значение в развитии национальной драматургии. В 1936 году С. К. Тока написал пьесу „Тонгур-оол“ (первоначальное название пьесы: „Три года на посту председателя ячейки“). По своему характеру — это социальная комедия. Ее идейное содержание — борьба тувинского народа против феодалов, борьба за единство народной революционной партии. Написанная ярким, выразительным языком, она и сейчас волнует нашего зрителя, не утратила своей ценности. Значение же пьесы в условиях революционной Тувы было особенно велико. Она ставила вопрос о воспитании партийных кадров, об укреплении единства партии, о бдительности.

Пьеса „Хайран-бот“ В. Кок-оола рассказывает о горькой доле тувинской женщины при феодальном строе. Ее продавали, оскорбляли, она не имела права выбирать себе мужа. В пьесе изображается жизнь бедняка-арата Сарыг-Ашака. У него трое детей. Старшая дочка Кара выдана замуж за богача Кенден-Хурака, грубого и жестокого человека. Тяжёлая, подневольная жизнь приводит Кару к гибели.

Основные положительные образы пьесы — Кара, ее мать, Седип — давы просто и убедительно. Правдиво и жизненно изображен Кенден-Хурак с его звериной злобой к тем, кто не признает его власти. Несколько слабее дан образ отца Кари — Сарыг-Ашак, недостаточно раскрыты внутренние причины, заставляющие его подчиняться воле Кенден-Хурака. К недостаткам пьесы нужно отнести некоторую растянутость сюжета. Некоторые образы пьесы не доработаны. Они не типичны, их характеры не раскрыты автором, и поэтому их присутствие в пьесе обедняет сюжет, смазывает его оструту и четкость.

Типичность действующих лиц пьесы — одно из центральных требований. Этот вопрос получил свое полное освещение в докладе тов. Маленкова на XIX съезде партии: „...тиично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает сущность данной социальной силы... Типическое есть основная сфера проявления партийности в реалистическом искусстве.

Проблема типичности есть всегда проблема политическая".¹ В последнее время появилась пьеса О. Саган-оола "Чуткуль" — первая попытка молодого, начинающего драматурга отобразить сегодняшний день Советской Тувы. Это оградное явление в тувинской драматургии. Актуальность темы делает пьесу чрезвычайно своевременной. В пьесе рассказываетя как молодой арат Чуктер, убедившись в преимуществах колхозной жизни, уговаривает своих родных вступить в колхоз, но они не соглашаются. Чуктер оставляет родных, вступает в колхоз и становится активным колхозником. После долгих колебаний, поняв свою неправоту, вступают в колхоз и родные Чуктера. Они рады счастью сына с молодой женой — агрономом Марусей. Пьеса заканчивается проводами Чуктера в колхозную школу, в Кызыл. Пьеса "Чуткуль", глубокая по своему идеиному содержанию и очень нужная по тематике, все же не лишена некоторых недостатков. Необходимо отметить и слабость сюжета, не имеющего четкой линии развития, и лишние образы, не помогающие раскрытию идеиного содержания (например, районный агроном Кажырбай).

Творческие попытки в области драматургии были сделаны также писателем С. Сарыг-оолом. В 1938 году он писал пьесу "Осиротевший не умрет". Несколько позднее эта пьеса была переделана и напечатана под названием "Мать не увидела — дочь увидит". В 1946 году была опубликована пьеса "У костра", в которой драматург показывает, как во время весеннего сева, отдыхая у костра, колхозники мечтают об орошении родной степи, о повышении плодородности почвы. Старый колхозник предлагает свой план использования горного родника. Эта пьеса написана под впечатлением разговора автора с членами тождема Дзун-Хемчикского района.

Последняя пьеса С. Сарыг-оола "Сумонный учитель" имеет целью раскрыть роль сельской интеллигенции в социалистическом преобразовании тувинской деревни. В пьесе даны образы учителя, врача, зоотехника — активных участников в борьбе за хозяйственный и культурный подъем ранее отсталого сумона. Энергичный молодой учитель беседует с аратами об оседлости, о переходе из юрт в благоустроенные дома, об устройстве парка культуры в сумонном центре. Эти вопросы имеют важное значение в настоящее время, когда идет колхозное строительство в Туве и вчерашние кочевники начинают жить по-новому, переходя к оседлому образу жизни. Однако некоторые недостатки пьесы были усугублены театром, поэтому первая постановка этой пьесы была неудачной. Автору в содружестве с театром

1. Г. М. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат. 1952 г., стр. 73.

следует всерьёз поработать над коренным улучшением этой пьесы.

Основные задачи советской драматургии определены в исторических решениях партии по идеологическим вопросам. В постановлении ЦК КПСС от 26 августа 1946 года „О репертуаре драматических театров и о мерах по его улучшению“ указывается главный недостаток в репертуаре драматических театров — отсутствие достаточного количества злободневных и высокохудожественных пьес на современные темы, увлечение постановкой пьес на исторические темы, в большинстве своем не имеющих ни исторического, ни воспитательного значения. Некоторые театры не являлись на деле рассадниками культуры, передовой советской идеологии и морали.

Общее состояние национальной драматургии, крайняя ограниченность репертуара тувинского национального драматического театра говорят о том, что наши драматурги не совсем еще удовлетворительно справляются со своими задачами по претворению в жизнь исторических решений ЦК КПСС и XIX съезда партии. Они мало работают над созданием оригинальных драматических произведений. Весь репертуар национального тувинского театра — это пьесы „Тонгур-оол“ С. К. Тока, „Хайран-бот“ Кок-оола и „Чуткуль“ Саган-оола.

Перед тувинскими драматургами стоят большие задачи: неустанно повышать свои знания, овладевать художественным мастерством, методом социалистического реализма. От этого зависит качество создаваемых произведений, отражающих нашу современную действительность. Тувинские драматурги должны показать в своих произведениях огромные сдвиги в жизни трудового народа, которые происходят под мудрым руководством ЦК КПСС и Советского правительства. Тувинский национальный театр должен стать на деле рассадником передовой советской идеологии, рассадником национальной по форме, социалистической по содержанию культуры тувинского народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вступление Тувы в братскую семью народов Советского Союза знаменует собой величайший творческий рубеж в развитии тувинской литературы. Ведущей темой становится тема коммунистического строительства, социалистического преобразования хозяйственной и культурной жизни молодой советской области. Утверждение принципов партийности и социалистического реализма в тувинской советской литературе происходило под непосредственным руководством Коммунистической партии в борьбе с буржуазно-националистическими эстетами, со всякого рода попытками оторвать творчество тувинских писателей от активной борьбы за коммунистическое строительство, за коммунистическое воспитание широких народных масс.

Однако, как видно из обзора, произведения тувинских писателей еще не всегда удовлетворяют возросшие запросы читателей, не всегда правильно отражают современную действительность, не всегда обладают нужной нам воспитывающей, действенной силой. В печати появляется крайне мало рассказов, повестей, пьес, даже очерков о передовых людях колхозной деревни, о рабочих промышленных предприятий и транспорта, о молодой тувинской интеллигенции.

„Советская литература, — говорил А. А. Жданов, — должна уметь заглянуть и в наше завтра. Это не будет утопией, ибо наше завтра подготовляется созидательной работой уже сегодня“. Обильный материал для творчества наших писателей дает и историческое прошлое Тувы, героическая борьба трудового народа против феодалов и колонизаторов. В этой борьбе тувинский народ имел перед собой пример великого русского народа и опирался на его великодушную братскую помощь. Изображение мужественной борьбы тувинского народа за свою свободу нельзя отрывать от влияния идей революционного движения русского пролетариата и от прямой помощи, оказанной великим русским народом. Исторически правдивое изображение прошлого Тувы — та область творчества, к которой тувинские писатели должны также приложить свои силы.

Одним из богатых источников для писателей является народное творчество. На народное творчество опирались великие писатели русской литературы. А. М. Горький говорил: „Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества“. Он указывал и на совершенство образов устного народного творчества. „Наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа“, — говорил А. М. Горький. Собирание и творческое изучение фольклора должны стать частью творческой работы Тувинского отделения ССП. При этом следует помнить, что некритическое отношение к сказкам, легендам, сказам, изречениям, песням ведет к серьезным ошибкам. „Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова.“¹

При отборе произведений народного творчества следует отличать то, что действительно создавал трудовой народ, культуру трудового народа, от того, что выражает идеологию эксплуататорских классов, от культуры феодалов и теократов. Задача писателей — найти в многочисленных вариантах подлинно народное и тем самым освободить народное творчество от наслойний, внесенных феодально-теократическими элементами.

Путь, пройденный тувинской литературой, по времени — короток. Однако под благотворным влиянием русской классической и советской литературы писатели молодой советской области — Тувы уже создали ряд творческих зрелых произведений, получивших признание читателей не только в Туве, но и далеко за ее пределами. Достаточно сказать, что повесть „Слово арата“ переведена на русский, украинский, польский и немецкий языки. Рост творческой молодежи, улучшение качества произведений, как в смысле идейного содержания, так и со стороны художественной формы — вот то положительное, что можно отметить в тувинской художественной литературе за последние годы.

В нашей стране созданы исключительно благоприятные условия для развития художественной литературы каждого народа, входящего в братскую семью советских народов. Коммунистическая партия поддерживает и будет всегда поддерживать развитие и расцвет национальных культур народов нашей страны.

Товарищ Маленков Г. М. в своем докладе на XIX съезде партии указывает на высокие и благородные задачи, стоящие перед писателями, и на возможность решения этих за-

¹ В. И. Ленин. Соч. Изд. 4, т. 20, стр. 16.

дач при условии беспощадного вытравливания лжи и гнили из произведений литературы. „Огромные обязанности в великой борьбе по выращиванию нового, светлого и выкорчевыванию обвешалого и омертвевшего в общественной жизни ложатся на наших работников литературы и искусства“.¹ В докладе товарища Маленкова намечен путь развития советской литературы в переходный период от социализма к коммунизму.

„Долг наших писателей..., — говорит товарищ Маленков, — глубже изучать жизнь советского общества, создавать крупные художественные произведения, достойные нашего великого народа“.

Перед писателями Тувы открываются неограниченные возможности творческого роста. Их долг — решительно двинуть вперед родную литературу, создать художественные произведения, полностью удовлетворяющие запросам читателей, достойные советской эпохи, и тем внести свой вклад в общую духовную сокровищницу культуры народов нашей великой страны, строящей коммунизм.

¹ Г. М. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии. Госполитиздат. 1952 г. стр. 73.

A. C. ТОГУЙ-ООЛ

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВИНСКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ¹.

Введение

В течение многих веков тувинский народ находился под властью монгольских и маньчжуро-китайских завоевателей и местных феодалов. Он жестоко угнетался. В Туве не было письменности на родном языке, школ и медицинских учреждений. Только благодаря Великой Октябрьской социалистической революции тувинский народ освободился от многовекового гнета. Века тяжелого колониально-феодального гнета остались после себя чрезвычайную культурную отсталость аратских масс. Лишь в 1930 году при содействии АН СССР была создана письменность на родном языке. Создались благоприятные условия для развития литературного творчества тувинского народа на родном языке, оно начало быстро развиваться под благотворным влиянием русской и советской прозы и поэзии; это влияние еще более увеличилось с 1944 года, после вступления тувинского народа в братскую семью советских народов.

Истоки современной литературы Тувы коренятся в фольклоре, она тесно связана с ним. Фольклор отражал свободолюбивые чаяния тувинского народа, его борьбу против чужеземных захватчиков и местных феодалов. Богат тувинский фольклор и разнообразны его жанры.

К лирическим жанрам тувинского фольклора относятся патриотические песни борьбы, в которых выражена ненависть народа к захватчикам-феодалам и глубокая любовь народа к своей родине, бытовые и обрядовые песни, отражающие различные стороны жизни и быта народа. К этим песням относятся свадебные песни и песни массовых игр, частушки и сатирические песни, в которых осуждаются отрицательные стороны жизни и высмеиваются нойоны и кулаки.

¹ Настоящая статья является сокращенным изложением курсовой работы, написанной автором-студентом в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова.

Богаты и эпические жанры тувинского народного фольклора: загадки, скороговорки (почти еще не записанные), пословицы, отличающиеся меткостью и выразительностью, легенды и предания, а также различные сказки.

Особым эпическим и наиболее древним жанром, занимающим почетное место в тувинском фольклоре, являются сказания о героях. Вопрос об этом жанре не получил правильного освещения в литературе о тувинском фольклоре. Некоторые исследователи рассматривают его как сказки о героях, что не может считаться правильным, так как эти сказания с былинными сюжетами имеют стихотворный строй, всегда пелись и имели особые мотивы. Только в последнее время некоторые из сказаний теряют свою стихотворную форму и напевность.

Тувинский фольклор замечательно богат; он неразрывно связан с современной тувинской литературой. В фольклоре тувинцев главенствуют стихотворные жанры. До сих пор в современном тувинском поэтическом творчестве сохранились некоторые особые приемы фольклора—аллитерация и система стихосложения. Фольклор является богатейшим источником современной тувинской поэзии.

Настоящая работа является первой попыткой исследования некоторых законов тувинского стихосложения. Рассматривая системы тувинского стихосложения, пришлось встретиться с рядом сложных вопросов. Для решения некоторых из них автор счел необходимым обратиться к более близкому к тувинскому стихосложению по своей закономерности—к якутскому стихосложению. Якутский и тувинский языки имеют много общего как в структуре, так и в звуковом составе. Стихотворные жанры фольклора и современной поэзии этих народов по своей внешней форме имеют много общего.

1

Ритмическая организация тувинских стихов

УДАРЕНИЕ

В некоторых системах стихосложения ударение играет важную роль. В тувинском стихосложении роль ударения велика. Поэтому нужно установить его характер.

В тувинском языке кроме главного ударения, которое стоит на последнем слоге, имеется и ослабленное ударение на первом слоге многосложных слов, хотя это можно наблюдать не во всех словах тувинского языка. Например: таңгырак—клятва, тарымал—посеянный. Это ослабленное ударение отличается от главного ударения относительно меньшей силой. Отсюда, соглашаясь с Н. Ф. Катановым, можно считать, что тувинский язык имеет ударение на последнем

слоге. Но дело не в паузе после конечного слога, как это считает Катанов, а в четком и сильном произношении гласного звука последнего слога.

Исключение составляют в разговорном тувинском языке некоторые частицы, послелоги, показатели сказуемости, являющиеся энклитиками, т.е. передающими свое ударение предшествующему слогу: при их произношении гласные звуки последних слогов почти не слышны. Поэтому в прозаической речи часто пишут их без гласного звука в последнем слоге. Например: салгынай—как ветерок, вместо салгынайын; даргамайк—мой начальник, вместо ийик

В поэтической речи слова обычно сохраняют свои прозаические ударения. Но по требованиям размера стиха слова, объединившись в один комплекс с последующим словом, образуют стопы. Стопа тувинского стиха может состоять из одного или нескольких слов; в последнем случае в этих словах нарушается прозаическое ударение.

Например: Куспак чеддиг / кула дайны
Баглаажыга / шинчиленер.
Хува сарыг / кунлаганы
Ширээзинге / хүндүленер.

(*Народная песня*)

Лихого сивку, густогривого,
На коновязи испытывайте.
Полную чарку золотистую
На праздничном столе почитайте.

В данном отрывке все четыре стиха имеют по две стопы, по четыре слога в каждой. В стопе последний слог произносится более энергично и сильно, чем предыдущие слоги. На него падает главное ударение. Но, кроме того, вторые слоги каждой стопы все же дают некоторое усиление в произнесении, хотя не такое сильное, как на последних слогах. В некоторых случаях их можно рассматривать как сохранение словом своего прозаического ударения. Но это ударение не постоянное и не обязательное.

Еще один пример, который подтверждает, что главное ударение находится на последнем слоге стопы:

Хеймер калам / вий караа
Кежээ-ле ууген / шолбай-найын.
Хендир кара / кежегези.
Кедээ черниц / пэжү-лейин

(*Народная песня*)

Очи моей возлюбленной
Подобны звезде вечерней.
А косы ее толстые, черные
Подобны кедрам горной вершины.

Как было указано выше, в словах „шолбан-найын“, „пежү-лэйин“ в прозаической речи последние гласные почти не слышны, поэтому их часто не пишут. А в данном примере эти гласные, занимая последние слоги стопы, произносятся четко и сильно. Следовательно, их сильное ударное произношение обусловлено стихотворным размером.

Таким образом, в стопе тувинского стиха наблюдается два ударения—главное, постоянное—на последнем слоге стопы, и второстепенное, непостоянное—на одном из других слогов. Главное ударение, стоит на последнем слоге, притягивает к себе другие неударные слоги стопы. В силу своего господствующего положения это ударение является главным организатором стопы и, тем самым, тувинского стиха. Второстепенное же ударение на организацию стиха мало влияет, хотя умелое использование второстепенного ударения в организации стиха придает ему большую музыкальность и выразительность.

СИСТЕМА ТУВИНСКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Рассматривая ударение в тувинском языке, Н. Ф. Катанов попутно отмечает два размера тувинского стихосложения ямб и амфимакр¹. Н. Ф. Катанов тем самым считает, что тувинскому стихосложению свойственна силлабическая система. Доктор филологических наук Н. К. Дмитриев считает, что тюркское стихосложение основано на силлабо-тоническом принципе и указывает на главную роль слогов в этом стихосложении². По определению Г. Н. Поступова „особенность силлабической системы стихосложения заключается в том, что в каждом стихе должно быть одинаковое число слогов при любом числе и расположении ударения“³. И в самом деле на первый взгляд кажется, что система тувинского стихосложения основана на силлабическом принципе, причем наиболее употребительными стопами будут ямб и анастезг. Для примера возьмем следующие народные пословицы:

Чечен—менде,
Чечек — черде.

(Мудрость—у меня.
Цветок—на земле.)

Эжинян эникке бодава,
Бодунну богдага бодава.

(Товарища не считай щенком,
Себя не считай святым.)

¹ Н. Ф. Катанов—Опыт исследования Урзыхайского языка. Казань, 1903, стр. 35—37.

² Н. К. Дмитриев—Введение к алтайскому эпосу Когутэй М.Л. 1935г.

³ Н. Г. Поступов—Теория литературы, Учпедгиз. Москва 1940 г.

Эргээ өөрчмөс.
Бергээ өөрнүүр.
(Нече не нужно учиться,
Нужно учиться труду.)

В данных примерах выдержанна закономерность чистой силлабики: в первом примере две строки состоят из двухстопных ямбов, а во втором две строки состоят из трехстопных анапестов, в третьем примере две строки состоят из ямбов и анапестов.

Ответим на вопрос, не является ли количество слогов, т. е. силлабика, основой системы тувинского стихосложения? Для примера возьмем следующий стих:

Халы· биле шимитинген
Каас чааш тайгаларны,
Кээдэрлар хайыл турар
Кайгамчыктыг совет чурту (Конгар)
(Нарядные, красивые горы тайги
Украсились пышными соснами.
Замечательная советская страна
Богата народными кадрами).

В данной строфе первые стопы второго и третьего стихов состоят из трех слогов, а остальные стопы, т. е. 1 и 4 стихи целиком и вторые стопы второго и третьего стихов, состоят из четырех слогов. Следовательно, количество слогов в стихах данной строфы не одинаково. Значит, закономерность силлабики не выдержана, а поэтому, силлабика не может быть основной характеристикой тувинского стихосложения. Но тогда, для данной строфы как будто характерна система метрического стихосложения, так как для метрической системы, основанной на длительности слогов, долгий гласный звук по времени равняется двум кратким гласным. Как видно, в данной строфе эта метрическая закономерность выдержана: первые стопы второго и третьего стихов, благодаря наличию в них долгих гласных, равняются другим четырехсложным стопам данной строфы.

Не может ли длительность слогов, их долгота и краткость, т. е. метрический принцип быть основой тувинского стихосложения? Чтобы ответить на этот вопрос возьмем еще пример:

Кыдырык дег / карактарын
Кыдыын хээлээн / күрбиктерүү
Хөлчүк эрини / хаажылаан
Хөлбөн дески / кулузун-на [Сарыг-оол]

[Ресницы черных глаз,
Украшающие веки,
Подобны колыхающимся тростникам,
Стоящим у берега озерка].

Этот пример нам показывает, что в тувинском стихосложении долгота слогов не играет решающей роли: долгие гласные беспорядочно разбросаны по всей строфе, т. е. данная строфа не подчинена закономерности метрической системы. Следовательно, систему тувинского стихосложения нельзя характеризовать как метрическую. Силлабическая система и также метрическая система являются только следствием другой, более общей системы стихосложения.

В отличие от силлабики, в тувинском стихосложении главную роль играет ударение. При чтении тувинского стиха делается ударение на последнем слоге каждой стопы. Поэтому ударение определяет границы стопы, и тем самым оно определяет количество стоп в стихе. Отсюда главным организатором тувинского стиха является ударение. Поскольку ударение играет главную роль в стихе, на первый взгляд может казаться, что тувинское стихосложение основано на тоническом принципе, что этот принцип как будто бы господствует в тувинском стихосложении.

Но может ли быть только ударение единственным организатором тувинского стиха, т. е. является ли тонический принцип основой тувинского стихосложения?

Разберем это на примере:

Арыг бажын / аспас челер / дүрген
Арзылан дег / челер оюм / турзун.
Амырактын / арнын көөрде / белен
Ак-ла дээрим / айдың ай / үизүн

(Сарыг-оол).

[Пусть стоит, подобный льву, мой вороной,
Легкой рысью пробегающий по Арыг-бажы.
Пусть взойдет луна на белом небе —
Лучше будет мне видеть лицо моей милой.]

В данной строфе последние стопы каждого стиха состоят из двух слогов, а остальные из четырехслоговых стоп. Но, несмотря на разное количество слогов в стопах, в каждом стихе — равноколичественные ударения, поэтому может казаться, что единственным организатором тувинских стихов является только ударение. Но при внимательном чтении тувинских стихов, помимо главного ударения, обнаруживается и второй организатор стиха. Этим вторым организатором стиха является время. При чтении стиха, для каждой стопы требуется одинаковое количество времени, независимо от наличия долгих гласных и числа слогов в стопе. Или точнее: для произношения последней стопы первого стиха „дүрген“ нам требуется столько же времени, сколько требуется для произношения первой и второй стопы этого же стиха „арыг бажын“ и „аспас чедер“. Такую же картину нам дают и дру-

гие стихи данной строфы. Поэтому при чтении стиха получается ускорение или замедление, по требованию одинакового количества времени. Поскольку для тонической системы не характерен принцип равномерности стоп, то нельзя рассматривать тонический принцип, как основу системы тувинского стихосложения. Отсюда, в отличие от тонического стихосложения, для тувинских стихов вторым важным организатором является время, когоное, однако, характерно не для произношения краткого слога, как в метрической системе, а для произношения целой стопы.

Итак, мы убедились, что, с одной стороны, главным организатором стиха является ударение. Это дает нам право определить тувинское стихосложение **ударным**. С другой стороны, мы видели, что не менее важным организатором стиха является время. Это позволяет назвать тувинское стихосложение **временным**.

Таким образом, система тувинского стихосложения основана на **ударно-временном принципе**. Этот принцип отличается от принципов других систем стихосложения и характеризуется тем, что один из главных организаторов стиха — **ударение** определяет границы стопы: безударные слоги тяготеют к ударному слогу, объединяясь вместе с ним в одну стопу. Второй главный организатор стиха — **время**: каждая стопа, независимо от количества в ней слогов, а также краткости и долготы слогов, произносится в строго определенном отрезке времени. Длительность одной стопы данного стихотворения равняется длительности любой другой стопы этого же стихотворения.

Можно сделать вывод, что метрическая, силлабическая и тоническая системы стихосложения для тувинского стихосложения не характерны. Они сами являются только частными случаями ударно-временной системы.

Анализ долготной записи тувинских стихов по нотной системе позволяет отметить два основных размера стоп: две четверти и три четверти. Единицей времени здесь является четверть ноты. Эту единицу времени можно назвать морой, но в отличие от моры метрической системы, где она равна длительности краткого слога, мора в ударно-временной системе отличается от связи со слогом, так как количество слогов в стопе может быть от одного до пяти и выше, а время данных стоп одинаково и длится две или три четверти ноты.

В зависимости от количества мор в стопе, стопы могут быть двухморными и трехморными.

Таким образом, стопы тувинских стихов заключают в себе длительность в две или три четверти ноты, иначе, в две или три моры. В соответствии с этим два основных типа стоп можно назвать **двуухморными и трехморными**.

Стопа в ударно-временной системе стихосложения—это ритмическая единица стихотворной речи тувинского языка, организованная главным ударением, падающим на ее последний слог, и равная длительности двух или трех мор.

1. Трехморные стопы. В современной поэзии Тувы в основном употребляются только трехморные стопы. Для произношения трехморных стоп требуется время, равное трем четвертям ноты, причем две четверти ноты, как безударные слоги стопы, падают на слабую часть такта, а одна четверть, как ударный слог, на сильную часть такта. Намечено четыре типа трехморных стоп и 16 их вариантов. Такое разнообразие типов и их вариантов для удобного анализа стихотворений требует отработанной номенклатуры.

Однако для практического пользования излагаемой здесь теории ударно-временного стихосложения необходима номенклатура выделенных типов стоп, удобная в практике и легко доступная для усвоения молодыми тувинскими поэтами. Наиболее целесообразным в этом плане представляется следующий способ: назвать стопы по соответствующим им отрывкам наиболее популярных стихов. Например, очень популярная в Туве песня „База катац кербес мен бе?“ („Не увижу ли я снова?“) имеет основной тип трехморной стопы. В частности, начало одного из ее стихов звучит чарап карам (моя дорогая). Названием стопы чарап карам указывается на звучание этой стопы человеку, не знакомому с нотной системой, а буква Ч, легко ассоциируемая с названием стопы чарап карам, является удобным символом для анализа размеров тувинских стихов. По такому способу возможна дальнейшая разработка номенклатуры выделенных типов стоп.

2. Двухморные стопы. Выше было сказано, что в современной поэзии Тувы в основном употребляются только трехморные стопы, но в стихотворных жанрах тувинского фольклора, наряду с трехморными, имеются и двухморные стопы, особенно в пословицах и загадках. Они от трехморных стоп отличаются тем, что для произношения двухморных стоп требуется время, равное двум четвертям ноты. Слабая часть двухморных стоп равна длительности одной четверти ноты.

Наконец, нужно сказать о том, что двухморные стопы на фоне трехморных стоп переходят в трехморные стопы. Тогда в начале слабой части стопы появляется пауз, дополняющая двухморную стопу до размера трехморной стопы.

Пока намечены только четыре типа двухморных стоп и семь их вариантов. Как и трехморные стопы, двухморные следует назвать отрывками из популярных тувинских пословиц и загадок. Это тем более удобно, так как двухморные

стопы, как было сказано выше, характерны только для фольклора.

Размеры

Разнообразные типы двухморных или трехморных стоп, независимо от вариантов, могут чередоваться в стихотворных строфах. Это повторение одинаковых и чередование разных типов трехморных или двухморных стоп в стихотворной строфе представляет собой размер ударно-временной системы стихосложения.

Например, возьмем отрывок из стихотворения поэта С. Сарыг-оола:

Торгу - маннык ённүг,
Довук ышкаш боттүг,
Чинге хемде чуртүг,
Шинжекчигеш чораан.

[На реке Чинге-Хем
Жил-был соловей,
Маленький-премаленький
С шелковыми перьями.]

Данная строфа состоит из четырех стихов, в каждом из которых заключено по две стопы. Здесь чередуются два типа трехморных стоп и это их чередование определяет характерный размер для данной строфы.

Незакономерное и также однообразное чередование типов стоп в стихотворной строфе создают неприятное или скучное звучание стихов. Пoэма того же поэта С. Сарыг-оола „Алдын-кыс”¹ написана почти целиком однообразным двухстопным размером. Поэтому эта поэма при чтении скучна.

Таким образом, стопы в ударно-временных стихах бывают однотипные и разнотипные. Они характеризуют разновидности размеров. С этой точки зрения вводим следующее понятие размеров.

Чистый размер—чередование во всей строфе одного и того же типа трехморных или двухморных стоп.

а) трехморные стопы:

Бажыниарны арты чары
Мажалыкка ун: берген.
Баш-айгы-ла кежээвисти
База катап сактып келем.

(Сарыг-оол).

(Сторона села родная
На утес, на север вышла.
Вспомни, вспомни как невестой
Здесь была ты первый вечер.)

¹ Алдын-кыс—имя героини поэмы, в буквальном переводе „Золотая девушка“

6) Двухморные стопы:

Чылапның шокары даштында,
Кижиниң шокары виштинде.

[Из пословицы]

Смешанный размер— закономерное чередование разных типов трехморных или двухморных стоп.

а) Трехморные стопы:

Оолдаа, кыстар шунтунаар
Огородче киринер,
Озук, хүүрек тудунаар,
Оорга-чалдан казынаар

(Л. Чадамба.)

Ребята и девушки,
Берите мотыги, лопаты.
Идите на огород
И копайте гряды.

б) Двухморные стопы:

Тии чок торгум,
Дизин чок чинчим.
[Шелк мой не имеет шва,
Бусы мои не имеют шнурка.

Загадка: Небо и звезды]

Свободный размер— незакономерное чередование разных типов стоп в строфе.

Таким образом, можно отметить три размера в зависимости от количества стоп, а именно: одностопный, двухстопный и трехстопный. (Больше трехстопного размера в тувинской поэзии автором данной статьи не обнаружено).

II

Звуковая организация тувинских стихов

Как и в стихосложениях других народов, в тувинском стихосложении важную роль играет звуковая организация стихов.

В тувинском языке имеется 45 фонем, из них 21 согласная и 24 гласных, для передачи которых употребляется 30 графических знаков (в счет этих знаков не вошли фонетированные гласные я, е, ё, ю, состоящие из двух фонем, и звуки ъ и ѿ). Из тувинского алфавита 5 графических знаков, а именно в, з, ж, ц, г, не пишутся в начале тувинских слов.

Аллитерация

Как в фольклоре, так и в современной поэзии тувинцев аллитерация является главным организующим началом звуковой стороны стиха. Она в тувинских стихах служит как бы звуковым сигналом новой строки в строфе и несет функцию, подобную рифме в других языках. Следовательно, аллитерация в тувинских стихах есть начальная рифма, т. е. звуковой повтор в начале стихотворных строк.

В тувинских стихах согласные и гласные звуки при аллитерации несут одинаковую функцию, т. е. элементом аллитерации может быть любой звук, который встречается в начале слова.

Аллитерация в тувинских стихах может быть рассмотрена в двух аспектах: во-первых, по структуре построения, как средство метрики, во-вторых, по музыкальному звучанию как средство инструментовки.

1. Аспект метрики. По структуре построения аллитерация бывает строфическая, смежная, перекрестная и опоясывающая (кольцевая). Рассмотрим каждый из этих видов в отдельности.

а) Стrophicеская аллитерация — сплошной повтор начальных звуков в каждом стихе стихотворной строфы:

Башкы сывнар көзүлбейн-дир,
Бараан булат дуглаан-на бе?
Баштак харам көзүлбейн дир,
Баштагылап алган-на бе?

(Из народной песни)

(Горы, горы, вас не видно.
Не туман ли скрытал в небе?
Мне голубушку не видно,
Не нарядом¹ ли укрылась?)

Стrophicеская аллитерация иногда бывает с нарушением в одном из стихов строфы:

Үнгөн хүнүнүн хөрелинде
Үш-ле Үйттан хараар боор сен.
Үстүү Межегей, Кужур-Булун
Чайынанып чыдар боор он.

(Из народной песни.)

(В час, когда солнце встает,
Ты посмотришь от Үш-Дытта.
Верхний Межегей, Кужур-Булун
Словно уют колыбели.)

¹ Баштагы — женский нарядный головной убор.

б) Смежная аллитерация — периодический повтор начальных звуков рядом стоящих стихов в строфе.

Чечээ безин саглацайнып,
Челэштедир хүнгэ чайнаап,
Алдын хаяа соланы бооп,
Аж-кек хемин каастый чыдар (О. Сувакпит)

И цветы, покачиваясь,
На солнце разужно блестят,
Золотой луч, превратившись в радугу,
Украсил голубую реку.

в) Перекрестная аллитерация — повтор начальных звуков через стих:

Уруг эшке ынакшылым
Артта-сында хөртүк-харга,
Үлүг-Хемде үер-ченге
Аралатпас, мунгаштапас

(Ю. Кюнзегеш)

(Моей любви к девушке милой
Не будут препятствовать
Ни сугробы на перевалах хребтов,
Ни наводнения Енисея)

г) Опоясывающая аллитерация — повторение начальных звуков двух крайних стихов. При опоясывающей аллитерации средние два стиха обычно бывают организованы смежной аллитерацией.

Дайны-даа эгелээн, чурт-даа хайнып үнген,
Кронштадтац Владивостокка чөвир
Кончуг улуг күштүг чурттан хайнып увгеш,
Дайзыны хайнара чок согар бас.

(Стихотворение В. Лебедева-Кумача.)

Если завтра война, — всколыхнется страна
(от Кронштадта до Владивостока,
Всколыхнется страна, велика и сильна,
И врага разобьем мы жестоко.

(Перевод С. Сарыг-оола)

2. Аспект инструментовки

При аллитерации согласные и гласные звуки несут одинаковую функцию, т. е. и гласные и согласные являются организаторами стихов в метрическом плане. Но музыкальная характеристика согласных и гласных различна. Поэтому в аспекте инструментовки стихов, т. е. в звуковом оформлении их, нужно учесть различную степень музыкальности этих звуков. В связи с этим аллитерация в плане инструментовки рассматривается нами отдельно для согласных и гласных звуков.

A. Согласные.

Точная аллитерация—повтор согласных звуков в начале стихов:

Кара дөргөндерлиг турар,
Кандыг ораң киргеш келген?
Кара салдаң халып турар,
Кандыг лейниң белээ келген?
(Из народной песни)

(Конь каурый буря-бурей
Из какого края.—чей он?
Парень славный сватать вздумаи,
Кто такой, откуда, чей он?)

Неточная аллитерация—повтор „родственных“ согласных, т. е согласных, артикулируемых одним и тем же органом (губы, передняя и задняя части языка и маленький язычок), но отличающихся различным способом образования:

1. Губные: б // п // м, (при заимствовании: в, ф);
2. Переднеязычные: т // д, ч // с // ш (при заимствовании: з, ж);
3. Заднеязычные: к // х (при заимствовании: г);

Свободная аллитерация—несовпадение согласных звуков в начале стиха:

Кызылдал дээр „тоз-9-тун“
Часпазынга ынан,
Тыныжыкны бодуң
Таарыштырып ынан
(Ю. Кюнзегеш.)

Глубокая аллитерация—повторение звуков первых слогов или глубже:

Хараганы эртип чыткаш, көөрүүгө,
Караң диген чүве-ле бар кайгап кагым
(Из народной песни)

(Я проходил мимо акаций
И удивился, что-то промелькнуло...)

B. Гласные.

Полная аллитерация—абсолютный повтор гласных в начале слова стихов:

Кылдыг черге чуртап ёскеш,
Кызыл-солдат көргөн хөй;
Кыдат, манчи кым-даа келгеш
Кымчы манзы „шанин“ чораан.

(С. Сарыг-оол)

(По степи, полныю увитой,
Кызыл-оол нес горе-тоску:
Ехал „в гости“ чанчын¹ со свитой,—
Угощал хлыстом на скаку).
(Перевел А. Тэмир.)

или

Ажык шөлдер каазы болган
Алдын сарыг тараа кылып,
А-ам-бите кады чоруп,
Ажыл-ишке ёөрөндим
(Я у своего отца
К работе, труду приучился,
Сеял золотисто-желтый хлеб—
Красу широких полей).

Частично-полная аллитерация—совпадение гласных, по ряду их образования, в первых слогах.

Сумуларга Левинин сайгылгааны
Сылдыстар дег сырый чырын келзин дигеш...
(Б. Ховенмей)

(Чтоб в сумонах лампочки Ильича,
Как звезды ярко светились...)

Неполная аллитерация—совпадение гласных в первых слогах:

Колчук кижи багай,
Хадык бүрүзү ажыг.
(пословица)
(Лист березы—горький,
Высокомерный человек—плохой.)

ПРИМЕЧАНИЕ: В некоторых словах, заимствованных из русского языка при аллитерации их с гласными перед начальными согласными первых слогов этих слов при чтении появляются гласные звуки, соответствующие аллитерующим гласным других стихов.

Например: Уруг эшти, ынак эшти
Рулюмда сактып ор мен.

Слово „Рулюмда“ при соответствии со словом „уруг“ произносится „уроюмда“ (по фонетическим особенностям тувинского языка), при этом получается полная аллитерация.

Внутренняя аллитерация:

а) Горизонтальная—совпадение начальных слогов строк в стихе по горизонтали.

Чыдыша чыргал чок,
Олутта олча чок
(пословица)

(Если лежать—радость не сыскать,
Если сидеть—добычи не иметь).

¹ Чанчын—военный чиновник в маньчжуро-китайской империи.

Үнерде чие калбаш,
Кирерде жире калбаш

(Загадка)

(Выходя—откроется,
Входя—закроется). (Дверь юрты)

Барып, барып, бады келген,
Бажы бедик Бай-ла тайгам,
(Из народной песни)

Издалека спускается
Высокогорная моя Бай-Тайга.

6) Верткальная — вертикальное совпадение начальных слогов напевных стоп в стихах.

Хилинчектин, човалакнын,
Кижи каяя чоруур ир'и?
Кижи каяя чорувас дээш.
Хилей бердим, човай бердим
(Из дореволюционной народной песни)

(От гнета и горя
Где человеку найти место?
От горя и гнета
Я стал нищим и изнурённым)

О РИФМЕ

Часто для тувинских стихов характерно еще и единое окончание—конечная анафора, словесный повтор в конце стихов. Поэтому помимо аллитерации, которая является господствующим моментом во внешней организации тувинского стиха, наблюдается и конечная рифма. Правда, в тувинских стихах под рифмой понимаются падежные аффиксы множественности и глагольные окончания, т. е. вспомогательные глаголы и частицы, которые по правилам морфологии и синтаксису совпадают на конце стиха. Но эти совпадения морфологических признаков при чтении стиха создают приятное звучание, т. е. рифмуются.

Например: Кыжын боорга хыраа дүшпес
Кырган Агар кынтаамайны,
Чайнын боорга шалын дүшпес
Шара-Сүур деп чайлаамайны,
(Из народной песни).

(Страна Агар—зимовка моя,
Где зимою не падает иней,
Шара-Суур—летнее стойбище мое,
Где летом не падает роса).

Как видно, данная строфа, состоит из смежной аллитерации К-К и Ч-Ш. Но кроме этого, имеется и созвучие на конце стихов, т. е. созвучие глагола „дүшпес“ на конце первого и третьего стихов и также созвучие именных окончаний

„аамайны“ на конце второго и четвертого стихов, па последние слоги которых падает главное ударение. Отсюда, из данной строфы получается перекрестная конечная рифма. Следовательно, рифма в тувинском стихе пока не обязательна, но она есть и является одним из факультативных организаторов звуковой стороны стиха.

Как и аллитерация, рифма бывает строфической, смежной и перекрестной. Наряду с этим часто, особенно в фольклоре, встречается и рифма внутренняя, по горизонтали стиха. Приведем примеры:

Перекрестная рифма:

Күжүр бодум күштүг болгаш
Хүлүтпейн баргын-на мен
Калчан шилгим маныг болгаш,
Кактырбайн биргын-на мен.

(Из песни о „60 богатырях“)

(Сам я храбр и силен—
Не могли меня привязать.
Конь мой—хороший скакун—
Не могли меня догнать.)

Строфическая рифма.

Мажыларда холдар
Кезенинкен чыдар:
Кыстар болгаш соддар
Маргылдажып боолдар

(Ю. Кюнзегеш.)

Смежная рифма:

Аъттар салбас узун дыным.
Ажыр каастаар мұватшыным.
Башка сугар чүгечимни,
Магадылаан чуларымны

(Из народной песни)

(Мой длинный повод, что держит коня,
Мои поводья, переброшенные через луку седла.
Эх, уздечка моя, что на голову коня надевается.
Эх, обруток мой, разукрашенный.)

Внутренняя рифма:

Эдик баъкта эжик ырак,
Эзер баъкта коъдан ырак.
(Когда сапоги плохие—дверь далеко,
Когда седло плохое—стойбище далеко).

* * *

В настоящей статье была поставлена задача разрешить некоторые законы тувинского стихосложения. Результатом этой попытки является вывод, что система тувинского стихосложения основана на ударно-временном принципе.

В системе ударно-временного стихосложения пока намечены четыре типа с 16 вариантами трехморных стоп и четыре типа с семью вариантами двухморных стоп, а также теоретически намечается столько же вариантов типов стоп. Кроме этого еще намечены свободные, смешанные и чистые размеры. Это значит, что в распоряжении поэта-тувинца имеются богатейшие возможности для создания различных ритмов в стихотворениях.

Но, к сожалению, некоторые наши поэты недостаточно используют это богатство. Они не обращают должного внимания на внешнюю форму стиха и на его звучание. До сих пор в поэтических жанрах тувинской литературы господствует употребление однообразных стихотворных размеров. А это, как выше было сказано, недостаточно для создания высокохудожественных стихотворений, хотя по содержанию и идеи такой стих может иметь значение, но он остается по звучанию скучным, по форме однообразным. Следовательно, чтобы создать новые формы стихотворений и новое красивое звучание, надо использовать все возможности существующих и намечающихся разнообразных типов стоп, многие из которых мы можем наблюдать в фольклоре.

Богатство стихотворных жанров фольклора, разнообразие его размеров и внешней формы стихов еще не в полной мере учтены в современной поэзии Тувы.

Исследование мелодий тувинских народных песен и их текстов приводит к выводу о недостаточном еще использовании имеющихся возможностей тувинской стихотворно-организованной поэтической речи. Современными поэтами Тувы далеко еще не использованы все богатства фольклора и предстоит большая работа для приведения в систему всех приемов народного творчества.

Наконец, еще нужно особо подчеркнуть большое плодотворное влияние русского стихосложения, которое способствует развитию тувинского стихосложения. При переводе с русского языка на тувинский поэты-тувицы стараются передать не только содержание, но и форму стиха. Это способствует зарождению и развитию новых богатств размеров и форм стихов.

Можно сделать вывод, что вполне возможно увеличить количество размеров в тувинском стихосложении, сделать стихи более звучными, красивыми и размерами, соответствующими содержанию. При правильном и умелом использовании разных типов стоп создаются неисчерпаемые возможности размеров и внешних форм стихотворений.

Таким образом, задача тувинских поэтов заключается в том, чтобы глубоко изучить тувинское стихосложение и, на основе этого, использовать все возможности, скрытые в поэтическом тувинском языке, создать поэзию, глубокую и высокодейную по содержанию, прекрасную неисчерпаемым разнообразием своих ритмов и размеров и, тем самым, активно участвовать в развитии национальной по форме, социалистической во содержанию культуры тувинского народа.

С П И С О К

произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина, изданных на тувинском языке за период с 1931 г. до июля 1953 года.

Автор	Название произведений	Год изда-ния	Кол. печ. л.	Тираж в тыс.
В. И. Ленин	Коминтернның II конгресцигэе национал болгаш колониал зыйырыгларының дугайында комиестиц илтегели (Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам на II конгрессе Коминтерна)	1942	1,0	3,0
В. И. Ленин	Демократтыг революцияга социал-демократияның ийн тактикасы (Две тактики социал-демократии в демократической революции)	1951	10,0	10,0
В. И. Ленин	Чүнүү кылышыл? (Что делать?)	1951	15,25	10,0
В. И. Ленин	Аныктар эвилелдериниң сорулгасьлары (Задачи союзов молодежи)	1951	1,5	5,0
В. И. Ленин	Марксизмниң үнгөн үш үйдөзиниери болгаш тургустуңган үш кезектери (Три источника и три составных части марксизма)	1952	1,0	8,0
В. И. Ленин	Кооперация дугайында (О кооперации)	1952	1,0	10,0
В. И. Ленин	Америк ажылчыннарга чагаа (Письмо американским рабочим)	1952	2,0	5,0
В. И. Ленин	Фридрих Энгельс	1953	1,5	5,0
В. И. Ленин	Великоросстарның национал чор-гааралының дугайында (О национальной гордости великороссов)	1953	0,75	5,0

Автор	Название произведений	Год изда- ния	Кол. печ. л.	Тираж в тыс.
И. В. Сталин	Америктиң солуннар үндүрер „Скриппс—Говард Ньюспейперс“ деп каттышкан параллга чериниң даргасы Рой Говард-били чугаалашканы (Беседа с председателем американского газетного объединения „Скриппс — Говард Ньюспейперс“ г-ом Рой Говардом)	1936	1,0	5,0
И. В. Сталин	Ленинниң мөчәэниңге таварыштыр (По поводу смерти Ленина)	1936	1,0	5,0
И. В. Сталин	ССР Эвилелиниң Конституциязының төмөнкүлиниң дүгайында илгеркели. Совет Социалистиг Республикаларның Эвилелиниң Конституциязы (үндезин жоойлуу)	1937	3,25	10,0
	(Доклад о проекте Конституции Союза ССР. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик)			
И. В. Сталин	Сталинның чугаалары (Речи Сталина)	1938	11,0	3,0
И. В. Сталин	Ленинизмниң үндезиндеринин дүгайында (Об основах ленинизма)	1939	6,5	4,5
	Бүгү Эвилелдиң Коммунистиг на- мының допчу теегүүзү (История Всесоюзной Коммунисти- ческой партии (большевиков), Крат- кий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б), 1938 год)	1940	24,7	6,0
И. В. Сталин	Октябрьниң социалистиг Улуг ре- волюциязының 24 чыл ю (24-я годовщина Великой Октябрь- ской социалистической революции)	1941	1,0	3,0
И. В. Сталин	Совет Эвилелиниң Ада-чурттуң Улуг дайынының дүгайында (О Великой Отечественной войне Советского Союза)	1942	4,0	1,5
И. В. Сталин	Кызыл Шеригиниң үш онза чүүл- дериниң дүгайында (О трех особенностях Красной Ар- мии)	1942	0,8	2,0
И. В. Сталин	Дээди Кол командылакчының ду- жаалы, 1943 чылдың ноябрь 7, № 309, Москва хоорай (Приказ Верховного Главнокоман- дующего, 7 ноября 1943 года, № 309, г. Москва)	1943	0,5	2,0

Автор	Название произведений	Год изда- ния	Кол. печ. л.	Тираж в тыс.
И. В. Сталин	Совет Эвилелиин Ада-чурттуң Улуг дайынының дугайында (О Великой Отечественной войне Советского Союза)	1943	6,5	3,0
И. В. Сталин	Октябрьның социалистиг Улуг революциязының 26 чыл ою (26-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции)	1943	1,8	4,0
И. В. Сталин	Совет Эвилелиин Ада-чурттуң Улуг дайынының дугайы (О Великой Отечественной войне Советского Союза)	1945	11,25	3,0
И. В. Сталин	Октябрьның социалистиг Улуг революциязының 27 чыл ою (27-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции)	1944	1,0	3,0
И. В. Сталин	Москва хоорайның Сталин аттыг соңгулда округунун соңгукучуларының соңгулда жүрнүнде хуралынга чыгаасы, 1937 ч. декабрь 11-де (Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы, 11 декабря 1937 года)	1945	0,5	2,0
И. В. Сталин	Ленинизмнин үндезиннеринин дугайында (Об основах ленинизма)	1947	6,7	5,0
И. В. Сталин	ССР Эвилелиин Конституциязының төлевилеличин дугайында. Советтерниң VII дугаар онза улуг хуралынга 1936 ч. ноябрьның 25-тө кылган илдеткел (О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г.)	1947	2,0	5,0
И. В. Сталин	ВКП(б) ТК-ның ажылының дугайында партиянын XVIII Улуг хуралынга отчет илдеткел (Отчетный Доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б))	1948	3,84	5,0
И. В. Сталин	Ленин дугайында (О Ленине)	1949	5,0	5,0

Автор	Название произведений	Год изда- ния	Кол. печ. л.	Тираж в тыс.
	Бүгү-эвилелдиң Коммунистиг (большевиктер) партиязының теегузү. Допчу курс. ВКП(б) ТК-нын комиссиязының редаксылааны - биле. ВКП(б) ТК чүүлдүг дөп көргөн. 1938 чыл			
	(История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год)	1949	26,75	10,0
И. В. Сталин	Колхозчу-шалыпчыларының бир дугаар Бүгү-эвилел съездлэзинге чу-гаазы, (1933 ч. февраль 19-та).	1949	1,5	7,0
	(Речь на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников (19 февраля 1933 года))			
И. В. Сталин	Деревняга ажыл дугайында (О работе в деревне)	1949	1,25	7,0
И. В. Сталин	Улуг эргилдөннүү чылы (Год великого перелома)	1949	1,0	7,0
И. В. Сталин	Эштер колхозчуларга харыны (Ответ товарищам колхозникам)	1949	1,5	7,0
И. В. Сталин	Чеднишкиннерден баш дескининши-кими (Головокружение от успехов)	1949	0,62	7,0
И. В. Сталин	Хлеб фронтузунда (На хлебном фронте)	1949	1,0	7,0
И. В. Сталин	Кулачествоңу ангы кылдыр узут-каар политика дугайында айтырыгга (К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса)	1949	0,5	7,0
И. В. Сталин	ССРЭ-де аграр политиказының ай-тырыгларынта (1929 ч. декабрь 27-де аграржы марксистерниц конфе-ренциязынга чуваазы)	1949	1,75	7,0
	(К вопросам аграрной политики в СССР. (Речь на конференции марксистов-аграрников 27 декабря 1929 г.)			
И. В. Сталин	Москва ҳоорайның Стalinчы соң-гулда округувун сонгукчуларының соңгىлда мурнаууда хуралынга чу-гаазы. 1937 чылдың декабрь 11-де Улуг театрға	1950	1,0	5,0
	(Речь на предвыборном собрании избирателей Стalinекого избирательного округа г. Москвы. 11 декабря 1937 г. в Большом театре)			

Автор	Название произведений	Год изда-ния	Кол. печ. л.	Тираж в тыс.
И. В. Сталин	Москва хоорайның Сталинчы сонгулда округунун сонкүкчүларының сонгуулда жүрнүүнде хуралынга чу-гаазы. 1946 чылдың февраль 9 та (Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. 9 февраля 1946 г.)	1950	1,5	5,0
И. В. Сталин	ССР Ээвилелиниң Конституциязының төлевилелиниң дүгайында. Со-веттеринин VIII Бүгү-экилөө оназ съездизине 1936 ч. ноябрьның 25-те кылган цыткелли (О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Все-сюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г.)	1950	3,5	5,0
И. В. Сталин	Анархизм бе азы социализм бе? (Анархизм или социализм?)	1950	4,5	5,0
И. В. Сталин	Марксизм болгаш национал ай-тырыны (Марксизм и национальный вопрос)	1950	5,0	3,0
И. В. Сталин	„Правданың“ корреспондентизи-бите беседасы (Беседа с корреспондентом „Прав-ды“)	1951	1,0	3,0
И. В. Сталин	Комсомолдуң сорулгаларының дү-гайында (О задачах комсомола)	1951	1,0	5,0
И. В. Сталин	ВКП(б)-ниң XV съездизине Төп Комитеттин политикиг отчёду. 1927 ч. декабрь 3-те (Политический отчёт Центрального Комитета на XV съезде ВКП(б) 3 де-кабря 1927 года)	1951	9,5	5,0
И. В. Сталин	ЕКП(б)-ниң XIV съездизине Төп Комитеттин политикиг отчёду. 1925 чылдың декабрь 18-те (Политический отчёт Центрального Комитета на XIV съезде ВКП(б), 18 декабря 1925 г.)	1951	10,25	5,0
И. В. Сталин	Ленинизмин айтырылары. Он бирги үндүргени (Вопросы ленинизма. Издание оди-надцатое)	1951	43,63	7,0
И. В. Сталин	Пролетарийлерниң аңызы болгаш пролетарийлерниң партиязы (Класс пролетариев и партия про-летариев)	1952	0,82	8,0

Автор	Название произведений	Год изда-ния	Кол. печ. л.	Тираж тыс.
И. В. Сталин	Ийи сегиржип алмышкын (Январь 9-түң дугайында) (Две схватки (О 9 января))	1952	1,0	8,0
И. В. Сталин	Партийжи маргылдааларның дуга-йында допчузу-бile (Коротко о партийных разногла-сиях).	1952	2,25	8,0
И. В. Сталин	Марксизм болгаш дыл эртеминиң айтырылары. (Марксизм и вопросы языкоизнания)	1952	5,0	8,0
И. В. Сталин	ВКП(б)-ниң XVI съездизинге Төп Комитеттин политикалык отчёду (Политический отчёт Центрального Комитета на XVI съезде ВКП(б). 27 июня 1930 г.)	1952	10,25	10,0
И. В. Сталин	Партияның XIX съездизинге чу-галасы. (Речь на XIX съезде партии)	1952	0,82	10
И. В. Сталин	ССРЭ-де социализмий экономик-тиг проблемадары (Экономические проблемы социализма в СССР)	1953	5,0	5,0
И. В. Сталин	Национал айтырын болгаш лени-низм (Национальный вопрос и ленинизм)	1953	1,75	7,0

Составлен младшим научным сотрудником ТНИИЯЛИ Сат Шулуу.

ФЛЕЧАТКИ

Стра- ница	Строка	Напечатано	Следует читать
5	7 сверху	709 тысяч	316 тысяч
8	16 снизу	нас восстанием	яд въставшими
29	23 сверху	феодельной	феодальной
43	19 снизу	Из этих тех лиц	Из этих трех лиц
104	6 сверху	княстии	княстии
107	11 снизу	Чайныи	Чайныи
111	1 снизу	великороссов)	великороссов)

Ученые замечки